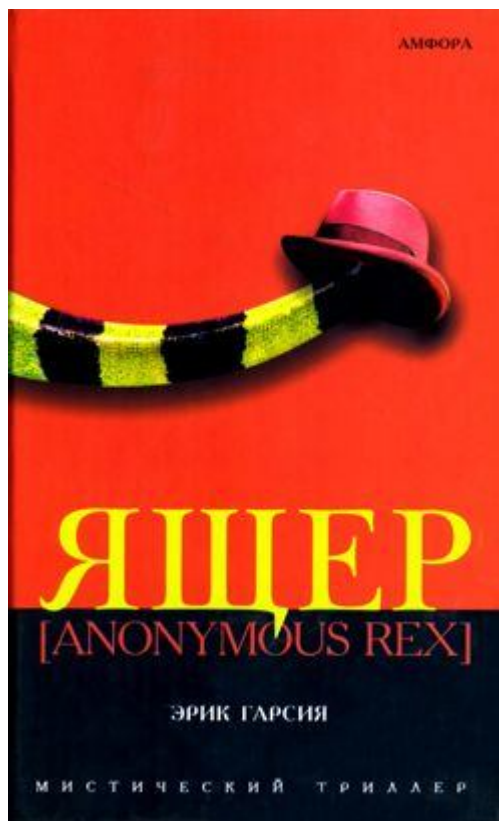

Эрик Гарсия Ящер [Anonimus Rex]

Похоже, динозавры инсценировали свое вымирание и живут, не отличимые от людей благодаря специальным костюмам из латекса. Однако отношения между ними порой выходят за рамки обособленного сосуществования.

...Плохие времена бывают у каждого. Вот и Винсент Рубно, частный детектив из Лос-Анджелеса, лишился работы, машины, лучшего друга и партнера, погибшего при загадочных обстоятельствах. А тут еще непослушный хвост не желает прятаться в костюм из латекса, который делает любого динозавра «самым неоспоримым человеком». Поэтому Винсент берется за первое подвернувшееся дело.

Расследование заурядного пожара в ночном клубе приносит ему неожиданные и пугающие открытия и заставляет лететь в Нью-Йорк, где, попирая общественные табу и законы природы, динозавры и люди вступают в опасные связи. Но кто-то одного за другим убирает свидетелей. Да и собственная жизнь детектива Рубио оказывается под угрозой.

*Моей жене Сабрине,
которая для меня и базилик, и майоран, и кориандр одновременно*

*И моим родителям, Мэнни и Джуду, всегда заставлявшим меня
переодевать носки.
Их вера бесконечна*

Прежде всего я благодарен Барбаре Зитвер Элиси, величайшему литературному агенту исследованной вселенной (и во всех отношениях прекрасному человеку), без которой эта книга выглядела бы совершенно иначе и, возможно, до сих пор пылилась у меня дома на полке.

Благодарность размером с Т-Рекса Джонатану Кэрпу, моему редактору в «Рэндом Хауз/Виллард», который разглядел в смоляных ямах романа нечто яркое и блестящее, помог мне все это вытащить и выскоблить.

Еще спасибо тем, кто прочитал эту книгу в исходном виде и чья критика была исключительно конструктивной, друзьям и родственникам, всегда готовым оказать помощь и поддержку: Стивену Соломону, Алану Куку, Бену Рознеру, Джулии Шайнблатт, Бретту Оберету, Мишель Куне, Робу Курзбану, Кристал Райт, Беверли Эриксон и Ховарду Эриксону.

Я никогда не был по-настоящему крутым, но я стараюсь. Я стараюсь из всех сил.

1

Что и говорить, за вечер я набрался базиликом так, что мало никому не покажется. Полветочки в «Тар-Пит-клубе»,¹ четверть в сортире, половину, следуя сюда по сто первой магистрали, еще две, ожидая в машине, и вот теперь в голове затуманилось, и меня прихватило, да так, что я готов гоняться за кончиком собственного хвоста. Базилик оказался свеженьким, целых полфунта из торгового дома Джоя, что на авеню Ла Бреа. У Джина, кладовщика, есть тайный запас для особых клиентов, и хотя его расположение стоит подчас пятерки-другой сверху, считай, ты не знал базилика, пока не попробовал его из Джинова Особого Запаса. Сначала чувствуешь приход и жаждешь кайфа, и снова жаждешь его, и опять, а когда он приходит наконец, то не можешь понять, как, черт возьми, ты без него обходился.

Фотоаппарат с открытым объективом тяжело болтается у меня на шее, будто тащит за собой, умоляя действовать. Все хуже некуда в этой дерьмовой узкоплечной «Минольте», купленной за сорок баксов, но нельзя же шпионить вовсе без камеры, а я за прошлый месяц заработал слишком мало, чтобы выволить из ломбарда свою нормальную технику. Вот почему мне нужна эта работа. Поэтому, а еще из-за взноса по закладным. Из-за машины. И кредитных карт.

Темноту разрывают две медленно ползущие по улице фары. Вспыхивает оранжевая мигалка. Частная полиция. Я вжимаюсь в сиденье. Я маленький. Меня не заметишь. Машина следует мимо, задние огни омывают мирное предместье бледно-красными струями.

В доме напротив — с идеально ухоженным газоном, псевдогазовыми фонарями, бетонной дорожкой — ждет меня, возможно, главный приз месяца. В старые добрые времена это могло бы означать дело, способное принести где-нибудь от двадцати до пятидесяти тысяч долларов, включая гонорар, расходы и что там еще в голову взбрело, когда мы с Эрни выписывали счет. Нынче я буду счастлив и девяти сотням. У меня болит голова. Я готовлю себе новую порцию базилика и жую, жую, жую.

Третий день продолжается слежка. Сплю в машине, ем в загаженных крысами закусовых, глаза, которым нельзя пропустить ни одной детали, воспалены от напряжения. Я уже полтора часа сижу здесь и жду, когда загорятся окна спальни. Бесплезно фотографировать темные окна, а голых фактов из первых рук явно недостаточно — ревнивым женам плевать на то, что там видел или слышал нанятый детектив. Мы доверием не пользуемся, так что приходится покрутиться. Им нужны фотографии, да побольше. Некоторые желают видео, другие требуют магнитофонных записей, но всем нужны

¹ Tar pit (англ.) — смоляная яма; образования естественного происхождения, где находят останки ископаемых животных.

доказательства. Даже если бы я лично засвидетельствовал хихиканья, обжимания и сладкие рожи, которые мистер Омсмайер вечно строит безымянной особе женского пола, ни женой его, ни близкой родственницей не являющейся, даже если я всем нутром чую, какой тайфун страсти бушует в доме последние девяносто минут, для моей клиентки миссис Омсмайер все это ровно ничего не значит, пока я не смогу запечатлеть все эти увеселения на пленку. Хоть бы они зажгли этот чертов свет!

В гостиной оживает галогенная лампа, за занавесками возникают подрагивающие силуэты — пришел мой черед. Нашупать ручку дверцы, тихонечко нажать, и вот я уже снаружи, ковыляю в сторону дома, и фальшивые человеческие ноги подводят меня на каждом шагу. До чего забавно пляшет подо мною земля. Я стою, пытаюсь вернуть равновесие, и снова его теряю. Лишь растущее рядом дерево спасает меня от падения.

Я не беспокоюсь, что меня увидят или услышат, но утром вряд ли кому понравится, если базилик вырубит меня прямо здесь, в палисаднике. Собравшись с силами, размявшись, плетусь кое-как через лужайку, перепрыгиваю низкую изгородь и попадаю в самую грязь. Все штаны заляпаны, да так и останутся, потому что у меня нет денег на химчистку.

Окна здесь невысоко, нижний край на уровне глаз. Сквозь тонкие занавески из какой-то хлопковой смеси особо не пофотографируешь. Силуэты теперь танцуют, призрачные фигуры движутся назад — два-три, влево — два-три, и, судя по приглушенным хрюканьям и всхлипам, они уже избавились от одежд и к бурной ночи готовы.

Навожу фокус, выстраиваю рамку для красивого такого, аккуратного снимка. Но не слишком аккуратного — никакой судья не удовлетворит при разводе завышенных требований о содержании, имея перед глазами прелюбодейский снимок с композицией в духе Ансея Адама. Тайное должно выглядеть тайным. Пусть это будет смазанный отпечаток, со случайным пятном, и всегда, всегда черно-белый.

Другой свет зажгли, на этот раз в коридоре. Теперь я различаю очертания, и становится ясно, что оба голубка сбросили облачение. Извиваются развернутые хвосты, выпущенные когти оставляют борозды на обоях. Страсть заставила парочку забыть о предосторожностях — я замечаю даже, что женщина швырнула оболочку млекопитающего на спинку дивана, спутанные светлые волосы разбросаны на мягких подушках, безжизненные человеческие руки свисают, будто серпантин. Сейчас они направляются по коридору в спальню и слишком увлечены друг другом, чтобы скрывать свое истинное обличье. Я должен попасть к окну этой спальни.

Мне удастся выпрямиться, прежде чем я валюсь снова и думаю о том, что передвигаться ползком будет поудобнее, чем на чужих двоих. Внизу, конечно, грязно, вязко и слякотно, зато голова выше колен. На пути к цели я пересекаю великолепно обустроенный сад и тут же блюю в бегонии. Теперь я чувствую себя гораздо лучше.

Окно спальни расположено в эркере, скрытом, по счастью, разросшимися ветвями растущего поблизости дуба. Шторы хотя и задернуты, но неплотно, и через этот зазор я сделаю свои лучшие снимки. Заглядываю укрادкой.

Мистер Омсмайер, дипломированный бухгалтер и отец трех очаровательных Игуанодонов, полностью сбросил человеческое обличье: когти ради безопасности убраны, хвост вытянут в необходимой для спаривания позиции, полный комплект бритвенно острых зубов пережевывает насыщенный половым аттрактантом воздух.

Он возвышается над своей пассивой, Орнитомимом средних пропорций с симпатичной оболочкой яйца, тонкими лапами, закругленным клювом, обычной длины хвостом. Я не вижу в ней ничего особенного и понять не могу, зачем понадобилось мистеру Омсмайеру нарушать священные обеты брака, но, вероятно, вечному холостяку трудно уразуметь страсти, обуревающие женатых мужчин. Да мне, кстати говоря, и понимать ничего не нужно; я просто должен их сфотографировать.

Затвор срабатывает не так тихо, как хотелось бы, но это не имеет никакого значения при том шуме, что производят они в любовной горячке. Я щелкаю, стараясь использовать как можно больше кадров — миссис Омсмайер согласилась платить за все пленки, отснятые

и проявленные мною за время расследования, так что если мне повезет, она возьмет на себя оплату и пары снимков, сделанных во время прошлогодней рыбалки на Бобровом ручье.

Они вошли в устойчивый ритм — раз-два, толчок, пауза, пауза, пауза, четыре-пять, пошел назад, пауза, пауза, и все сначала. Мистер О. становится все грубее, действуя в стиле забью-гвоздь-с-одного-удара, что мне уже доводилось видеть у прелюбодеев. В таких движениях бедрами чувствуется спешка, а еще, возможно, капелька раздражения. Его чешуйчатая шкура яростно трется о зеленого Орнитомима, и с каждым решительным ударом скрипит и сотрясается хрупкая кровать с пологом.

Они продолжают. И я продолжаю. Щелк-щелк-щелк.

Надеюсь, этот фотоальбомчик явится завершающим аккордом двухнедельного расследования, оказавшегося ни особенно легким, ни тем более интересным. Когда миссис Омсмайер явилась ко мне две недели назад и обрисовала ситуацию, я решил, что предстоит обычная работа с муженьком, зачавшим налево, чертовски скучная, однако за три дня вполне управисься, да и кредиторы на недельку отстанут. А поскольку она была первой дамой, зашедшей ко мне в бюро с тех пор, как меня изгнали из Совета, я взялся за дело не задумываясь. О том, что мистер Омсмайер как-то умудрился получить доступ ко множеству человеческих обликов и меняет их одно за одним без зазрения совести, она мне не сказала, но я вскоре сам это обнаружил. Запасные личины, конечно, дозволены в определенных ситуациях, но лишь должным образом и с использованием личного идентификационного номера оформленные. В наши дни слишком просто выдать себя за другого, чтобы еще динозавры начали менять внешность, как им заблагорассудится. Вопросов нет, это явное нарушение предписаний Совета, но я буду последним, кто стукнет на Омсмайера в эту чертову лавочку.

Я, разумеется, мог вести наблюдение, не отрывая задницы от сиденья машины и не сводя с его дома орлиного взора, но кто может сказать, где этот похотливый шельмец решит беспутничать в следующий раз? Как-то я выслеживал парня, который предпочитал заниматься любовью на балках под мостами, а еще один признавал секс только в сортирах Международного дома блинов. В общем, хотя и такое наблюдение вполне возможно — да и закончил я именно семейным гнездышком, — но не получится здесь постоянно держать на мушке мистера О. Одним словом, когда-то я решил довериться собственному нюху — основному моему инстинкту, — и пока жалеть об этом не приходилось.

От него исходил скучно-упорядоченный запах, почти зернистый, с капелькой лаванды по краям. Самый что ни на есть бухгалтерский. И сильный — я ощущал его за две сотни ярдов. Когда он в последний раз сменил личину, дело обстояло так: в ресторане он оставался мистером Омсмайером, а два часа спустя вышел оттуда престарелой азиаткой, опирающейся на инвалидный ходунок, но это не имело никакого значения — за ним все равно тянулись клубы полового аттрактанта, словно крошки хлеба за Мальчиком с пальчик, и я просто направлялся по запаху, пока мистер О. не привел свою пассию на эту улицу, к этому дому, в эту вот спальню. Немалая дерзость с его стороны, однако миссис Омсмайер с детьми все выходные проводит у сестры в Бейкерсфилде, и немедленное разоблачение ему не грозит.

Я отщелкал уже три пленки, так что пора закругляться. Еще и потому, что любовная схватка подходит к концу; я чувствую это по хрюканью, исходящему из спальни, все углубляющемуся, нарастающему, крепнущему, грубеющему. Низкие отголоски пронизывают дом, заставляя вибрировать стекла, спарившиеся динозавры извиваются перед моими глазами, толчки усиливаются, в то время как самка Орнитомим начинает стонать, губы ее вытягиваются к потолку, лапы крепко сжимают хвост любовника, шкура наливается кровью и, перейдя от зеленого к багровому, приобретает насыщенный цвет красного дерева, обильно умащенного потом. Мистер О. тяжело пыхтит, язык его месит воздух, пар валит от складчатой хребтины, он скалится, мотая головой, и приступает к последнему штурму, готовый излить свою похоть...

Какой-то лязг за моей спиной. Металлический. Царапающий.

Мне знаком этот звук. Мне знаком этот лязг. Я прекрасно знаю это звяканье металла о

металл, и оно мне совершенно не нравится. Забыв о недавней потере координации, я вскакиваю и кидаюсь сквозь живую изгородь — будь проклят Омсмайер и вся эта работа, — ломая ветки, я рвусь через кусты — помешанный авантюрист, пробивающийся в зарослях. Разворачиваюсь, чуть не теряю равновесие, огибая дом к фасаду, и застываю на полпути между ухмыляющимся на лужайке гномом и самым ужасным зрелищем в моей жизни.

Кто-то оттаскивает мою машину.

— Эй! — кричу я. — Эй ты! Ну ты!

Коренастый водитель буксировочного грузовичка вскидывает глаза и поднимает густые брови, причем голова его кажется никак не связанной с шеей. За тридцать футов я ощущаю его запах: гнилые овощи и винный спирт, густая смесь, от которой у меня чуть ли не слезы на глаза наворачиваются. Для Трицератопа он маловат, так что это, должно быть, Комп, разговаривать с которым в лучшем случае бесполезно.

— Я? Я? — пронзительно верещит он, и от этого визга глаза у меня начинают слезиться по-настоящему.

— Да, ты. Это моя машина. Это... вот это... мое.

— Эта машина?

— Да, эта машина. Здесь парковка не запрещена. Тебе нельзя ее оттаскивать.

— Парковка запрещена? Нет, здесь можно парковаться.

Я неистово киваю, надеясь, что мимика поможет лучше слов:

— Да, да, правильно. Здесь нет красного поребрика и никаких знаков — пожалуйста, отцепи мою машину...

— Вот эту машину?

— Да, правильно. Да. Эту машину. «Линкольн». Отцепи меня, и я поеду.

— Она не ваша. — И он продолжает закреплять лебедку на передней оси.

Ринувшись к правому окну, я дотягиваюсь до бардачка — жвачка, карты, баночка высушенного орегано — и вытаскиваю мятый техпаспорт.

— Видишь? Вот мое имя, вот здесь! — Я подношу документ к его лицу, и он довольно долго изучает написанное — большинство Комп малограмотны.

— Она не ваша, — наконец повторяет он.

У меня нет ни времени, ни желания вести философскую дискуссию о праве собственности с этим тупоумным динозавром, а потому я решаю слегка его припугнуть:

— Ты об этом пожалеешь, — перехожу я на таинственный шепот. — У меня есть очень влиятельные друзья. — Наглый блеф, но, как бы там ни было, откуда это знать Прокомпсогнату?

Он смеется, маленький засранец, гогочет и взад-вперед трясет головой. Я сгоряча подумываю о хладнокровном нападении и побоях, но последнее время у меня было достаточно неприятностей с законом, чтобы добавлять к ним еще и арест за драку.

— Я про вас все знаю, — сообщает Комп. — Хотя бы то знаю, что должен знать.

— Что? Ты... послушай-ка... мне эта машина нужна для работы...

Вдруг отворяется парадная дверь в доме напротив, и мистер Омсмайер, в рекордное время восстановивший человеческое обличье, целеустремленно шагает по дорожке. Впечатляющая скорость, если учесть, что большинству из нас требуется по крайней мере десять — пятнадцать минут, чтобы наложить хотя бы самый поверхностный грим и натянуть все остальное. О том, чего это стоило, красноречиво говорит расстегнутый зажим Д-9 слева у него на груди — это я замечаю даже через его облачение, но никто из млекопитающих и внимания бы не обратил. Его глаза нервно шныряют туда-сюда, параноидально высматривая на темной улице малейший признак обожаемой супруги. Возможно, он услышал, как я поспешно удалялся в кусты; может быть, я даже прервал их оргазм.

— Что, черт возьми, здесь происходит? — рычит он, и я уже собираюсь ответить, как вдруг водитель оттаскивателя вручает мне лист бумаги. Там жирным шрифтом в 24 пункта набрано: «БАЙРОН. ВЗЫСКАНИЕ ИМУЩЕСТВА И ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЛАДЕЛЬЦУ», а далее телефоны и расценки. Я поднимаю взгляд, во рту у меня клокочет целый сонм

возражений... и обнаруживаю, что Компи уже сидит в грузовичке, газует вовсю и поднимает мой автомобиль. У меня чуть когти сами собой не вылезают. Я кидаюсь к открытой дверце его кабины, но она захлопывается перед самым моим носом. Сукин сын ухмыляется через стекло, и от вида его корявой рожи я готов броситься на капот грузовика и отдать свою жизнь за жизнь моей машины, что в Лос-Анджелесе вовсе не так уж необычно.

— Ты платишь банку, — орет он в закрытое окно, — и получаешь машину!

И, повинуясь костлявой руке Компи, грузовик трогается на первой скорости и тянет за собой мой возлюбленный «линкольн континентал».

Задние огни грузовичка уже давно скрылись в ночи, а я все смотрю ему вслед.

Омсмайер прерывает мои грезы. Он неотрывно рассматривает мои перепачканные брюки. На лбу его собираются гневные складки. Я скалю зубы, пытаюсь в зародыше подавить всякую неприязнь:

— Не мог бы я воспользоваться вашим телефоном?

— Вы были в моих кустах...

— Я, собственно...

— Вы стояли у окна...

— Тут вот какое дело... я вам сейчас все объясню...

— Зачем вам, к чертям собачьим, фотоаппарат?

— Нет, вы... вы все неправильно поняли...

Продолжить я не успеваю, ибо от молниеносного удара в живот сгибаюсь пополам. На самом деле это был легкий шлепок, но сочетание неожиданного толчка с пятью ветками базилика вызывает головокружительную тошноту и готовность расстаться с остатками ланча. Отпрянув, я поднимаю руки над головой, как бы сдаваясь на милость победителя. Это помогает мне сдерживать тошноту. Я мог бы ответить ударом на удар, даже полностью облаченный я бы сделал этого бухгалтера, а без ремешков, корсета и пряжек я справлюсь с двумя с половиной Игуанодонами... но ночные приключения уже потеряли всю свою прелесть, и я предпочитаю закончить их миром.

— Что вы, черт возьми, о себе вообразили? — возвышается он надо мной, готовый заехать вторично. — Я чувствую, что вы из себя представляете. Раптор, правильно? Я намерен доложить о вас Совету.

— Вы не окажетесь первым. — Я выпрямляюсь и теперь могу посмотреть ему в глаза. Завтра пленки будут проявлены, так что я мог бы дать несчастному хорошую фору по части нелегальной деятельности.

Я протягиваю руку, и, к моему изумлению, Игуанодон пожимает ее.

— Меня зовут Винсент Рубио, — сообщаю я, — и я частный следователь, работающий на вашу жену. И будь я на вашем месте, мистер Омсмайер, то озабочился бы поисками хорошего адвоката по разводам.

На то время, пока динозавр соображает, что попался, причем основательно, воцаряется молчание. Я пожимаю плечами, выдавливаю из себя напряженную улыбку. Но хотя он сдвигает брови, я не замечаю у него на лице ни страха, ни ярости, ни раскаяния, ни любого другого из ожидаемых мной выражений. Этот малый просто... смущен.

— Омсмайер? — переспрашивает он, и разумение постепенно озаряет его чело. — А, так вам нужен Омсмайер? Он живет в соседнем доме.

Хорошенький вечерок. Я решаю прогуляться до дому. Может, паду жертвой ограбления.

На окне по-прежнему надпись: «ВАТСОН И РУБИО. ЧАСТНЫЙ СЫСК», хотя Эрни уже девять месяцев как покойник. Плевать. Я ничего менять не собираюсь. Через несколько недель после того, как Эрни попрощался с этим миром, ко мне зашел один засранец из домоуправления чтобы соскрести имя Ватсона со стекла, но я прогнал его метлой да еще бутылку рома кокнул. Хорошо, что к алкоголю я равнодушен, а то б еще больше расстроился — это был дорогой ром.

Каждый раз, когда я возвращаюсь в контору после долгой слежки, меня встречает аромат затхлых ковров, богадельни и невысушенного белья. Странно, если учесть, что ковры унесли за долги два месяца назад. Однако как бы тщательно я ни дезинфицировал все здесь перед поездкой, чертовы бактерии находят лазейку, чтобы сойтись, размножиться и заразить каждый дюйм помещения. Доберусь я когда-нибудь до этих паразитов. Не то чтобы дело дошло до личной вендетты с каждым, трудно ведь точить зуб на одноклеточное, но я постараюсь вести борьбу на новом уровне.

Еще печальнее, что я забыл вынести мусор перед уходом, а кроме того, здесь холодно, как на мезозойском леднике. Ясно, все это время работал кондиционер, и даже думать не хочется о цифрах в счетах за электричество. Повезло еще, что они вовсе не отрубили свет; когда это случилось в последний раз, отключился холодильник и весь базилик прокис, хотя я уже витал в облаках, когда начал жевать его, и потому заметил это слишком поздно. Меня до сих пор в дрожь бросает, как вспомню, чем все закончилось.

Кстати о счетах: похоже, я стал счастливым обладателем еще по меньшей мере двух дюжин, и все они немедленно отправляются в давно растущую на полу офиса кучу. Туда же летят рекламные листки, купон на влажную уборку ковра в четырех комнатах, однако в основном груда состоит из разгневанных официальных посланий, напечатанных на ярко-розовых листках, и многословных юридических документов, покушающихся на мое благосостояние. Давно остались позади такие формулировки, как «убедительно просим Вас незамедлительно осуществить перевод», и внутрибанковские уведомления. Теперь в дело пошли законники и нескрываемая ярость, так что требуется немалое самообладание, чтобы не особенно расстраиваться по этому поводу. Единственное светлое пятно в моей безнадежной неплатежеспособности: я больше не получаю бесчисленных предложений завести платиновые кредитные карты. Или золотые. Или хоть какие-нибудь.

Мигает лампочка. Автоответчик, когда-то востребованное, даже лелеемое устройство, теперь словно насмехается надо мной с другого конца комнаты. Там для меня восемь, нет, девять, нет, десять сообщений, и каждая красная вспышка говорит, что я раздавлен — вспышка — раздавлен — вспышка — раздавлен. Мне хочется вырвать из стены вилку, дабы насладиться электронной смертью, но, как всегда говорил мне Эрни, отвернувшись от своих демонов, ты их не изгонишь — им только легче будет ужалить тебя в спину.

Расстегнув кнопки, скрытые на запястье, я стаскиваю имитирующие руки перчатки и выпускаю когти. Они такие длинные, что начали уже заворачиваться внутрь под вызывающим беспокойство углом. Давно пора обратиться к маникюрше, но в последнее время они дерут просто немыслимо и отказываются работать в обмен на какое-нибудь расследование. Я тянусь к автоответчику и робко жму на кнопку PLAY.

Гудок: «Мистер Рубио, это Саймон Данстан из Первой национальной ипотеки. Я посылал вам копии полученных из суда документов о лишении должника права выкупа заложенного имущества...» Стереть. Боль пронзает висок. Я, не задумываясь, иду на кухню, отгороженную в переднем углу конторы. Холодильник будто сам передо мной открывается, добрый кустик базилика дожидается меня на верхней полке. Жую.

Гудок: «Привет, Винни. Это Чарли». Чарли? Не знаю никакого Чарли. «Помнишь меня?» Представь себе, нет. «Мы встречались на прошлом новогоднем вечере в клубе «Полезные ископаемые» в Санта-Монике». Какие-то туманные воспоминания об огнях, музыке и чистейших сосновых иглах, от которых мои вкусовые луковицы заполняют голову блаженным туманом. Этот Чарли... может, еще один хищник-Велосираптор? А работает он... кем же он был... ну... «Я работаю в «Часовом», вспомнил?» О, точно. Репортер. Если не ошибаюсь, он смылся с моей кралей.

«Как бы то ни было, — продолжает он, не жалея места в памяти моего автоответчика, — я решил, раз уж мы старые приятели и все такое, ты не откажешься дать мне кое-какую информацию о том, как тебя вышибли из Совета. Я к тому, что теперь, когда все улеглось, ради старых добрых деньков, так ведь, дружище?»

Плохо быть идиотом, но быть опасным идиотом — еще хуже. Категорически

запрещено упоминать о Совете, да и вообще обо всем, касающемся динозавров, там, где невзначай может услышать человек. Табу. Я стираю запись и массирую виски. Мигрень является ко мне, когда ей заблагорассудится, но медленно назревает, прежде чем заколотить в полную силу, именно так.

Гудок: щелчок. Трубку повесили. Это я люблю: наилучший вид сообщений — их полное отсутствие. Уж они-то точно не подразумевают ответа.

Гудок: «Алло. Пожалуйста, позвоните в «Американ Экспресс» по номеру...» Ладно, это голос, записанный на пленку, не так все плохо пока. Сначала они исчерпают все возможности личного контакта, а уж потом возьмутся за тебя по-настоящему.

Гудок: «Меня зовут Джули. Я из «Американ Экспресс». Мне нужен мистер Винсент Рубио. Пожалуйста, перезвоните мне как можно скорее...» Проклятье. Стираю.

Далее следуют еще три или четыре подобных сообщения, сжатых, немногословных монологов, кишаших скрытыми угрозами. Я уже готов броситься на диван в углу и заткнуть уши, зарывшись головой в засаленную подушку, как вдруг знакомый голос прерывает ядовитую ектенью.

Гудок: «Винсент, это Салли. Из «ТруТел»...». Салли! Одно из очень немногих человеческих существ, против воли мне симпатичных, и, пусть не без помех со стороны своей жалкой генетической структуры, она разбирается, что к чему. Нет-нет, ей ничего о нас не известно — ни у кого из них и мысли о нашем существовании не возникает, — но она все же одна из наименее отвратительных неандертальцев, с которыми мне приходилось встречаться. «Надолго уехал, так? Я получила сообщение... предложение, как мне кажется... от мистера Тейтельбаума, и он хотел бы... хотел бы встретиться с тобой в своем офисе. Завтра». Она понижает голос, одновременно опуская регистр, и отчетливо шепчет в трубку: «Мне кажется, это работа, Винсент. Я думаю, у него есть для тебя дело».

Об этом стоит подумать, здесь видится хоть какой-то просвет, но слишком велика та часть моего сознания, что борется сейчас с болью, основательно расположившейся в нервных клетках. Оставшиеся сообщения я откладываю до тех пор, когда или головная боль поутихнет, или базилик поблагородней окажется, и ковыляю к дивану. Боль как раз начала расходиться из центра головы, широким, энергичным шагом направляясь к височным долям. В моем мозгу начинается шумная вечеринка с шестью рок-группами и тремя танцплощадками, а я единственный, кого не пригласили. Только стоячие места, ребята, и хватит долбить стену. Самое время лечь. И погрузиться в сон.

Мне снится то время, когда я заседал в Совете, время, когда имя Раймонд Макбрайд было всего лишь именем какого-то покойного магната, время, когда Эрни не был еще раздавлен взбесившимся таксомотором, а я еще не подсел на базилик и не был отлучен от расследований в этом городе. Мне снится время продуктивной работы, далеко идущих намерений, время, когда было зачем вставать и радоваться каждому новому дню. Мне снится прежний Винсент Рубио.

А потом декорации меняются, и медвяные деньки под голубыми небесами уступают место окрашенной багровым битве, охватившей все современное сообщество динозавров, молотящим друг друга Стегозаврам и Бронтозаврам, Трицератопам, переходящим на сторону Игуанодонов, скулящим и словно окаменевшим Комппи, притаившимся в темных аллеях, и женщине — человеческой, стоящей посреди всего этого с волосами пышными и непослушными, глазами, воссиявшими страстью и вожделением, кулаками, сжатыми в сладостном возбуждении, и восхитительный, блистающий ореол ярости и неистовства окружает ее хрупкое тело.

Мне снится, как я приближаюсь к женщине и спрашиваю, не хочет ли она, чтобы я увел ее отсюда, из этой беспощадной бойни, но женщина смеется и целует меня в нос, как будто я ее любимый зверек или плюшевый мишка.

Мне снится, как женщина подтачивает себе пилочкой ногти, а потом встает на дыбы и кидается в битву, стрелой вонзаясь в груды корчащейся плоти динозавров.

На следующее утро меня ждет Тейтельбаум; все именно так, как я себе представлял. Я вижу его массивный силуэт сквозь стеклянные кирпичи, из которых сложена внешняя стена офиса. Он никогда не вылезает из-за этого дубового письменного стола, даже в самых критических ситуациях — что бы ни случилось, весь персонал обязан собраться в этой невзрачной комнате, заполненной самым наихудшим из того, что предлагают сувенирные лавки в аэропортах всего мира. Кокосовый орех с намалеванными на нем Гавайскими островами. Полотенце с машинной вышивкой: «Меня обчистили в Лас-Вегасе». Формочка для льда с ячейками в виде Австралийского континента. А поскольку в кабинете всего два доступных посетителям стула, большинству сотрудников приходится сидеть на полу, подпирать собой стены или стоять навтыжку, выслушивая его легендарные эпически длинные речи. На редкость унижительная процедура, причем я уверен, что Тейтельбаум именно этого и добивается.

Я бы не удивился, узнав, что он окончательно застрял в своем кожаном кресле, этот жирный... жирный... боров. Впрочем, все эти мысли совершенно некстати, и с моей стороны заведомо несправедливо критиковать Тиранозавра Рекса за его проблемы с весом. Несомненно, под этой вялой оболочкой скрывается некоторое количество мышечного волокна, а всякому известно, что мускулы тяжелее жира. Или это вода легче мускулов? Одним словом, всякий раз, когда ты смотришь на Тейтельбаума, видишь перед собой старую жирную тушу, и я не побоюсь повторить это. Жирная туша!

Я слегка под кайфом, так как рассудил, что не будет ни морально оправданным, ни разумным предстать кристально трезвым или, напротив, в стельку обдолбанным, а вот такая легкая эйфория подходит мне идеально. Окружающая действительность протекает со скоростью в три четверти реального, самой для меня подходящей, чтобы воспринимать мир во всех насущных подробностях, пропуская и/или пренебрегая при этом любыми проявлениями враждебности. Клерки в секретариате натурально опешили, когда я проходил мимо, было слышно, как приглушенный шепот разносит между кабинками мое имя. Плевать. Все замечательно.

«ТруТел» — самое большое в Лос-Анджелесе и второе по величине в Калифорнии детективное агентство. Они регулярно пользовались моими услугами, пока я окончательно не испортил себе репутацию. Когда рядом был Эрни, нас часто звали помочь в том или ином деле, где требовалась особенно тяжелая и конфиденциальная работа. Мы провернули несколько дел, балансирующих на грани закона, из тех, что агентство никак не могло отразить в своих записях, и платили нам действительно щедро. Разумеется, если ты имеешь дело с «ТруТел», то дело ты имеешь с Тейтельбаумом, и это уже совершенно другое дело. Он любит подкинуть дельце частным детективам, а потом посмотреть, как мы, будто петухи, выцарапываем друг у друга право заработать мизерные комиссионные, но если ты дорожишь своей работой, приходится иногда пригнуться или улынуться Т-Рексу.

Пора бросить вызов святая святых.

Я деланно твердым шагом вхожу в комнату и говорю деланно бодрим голосом:

— Доброе утро, мистер Тейтельбаум. Вы выглядите... неплохо. Сбросили пару фунтов.

Ноги у меня под контролем, все тело у меня под контролем.

— Выглядишь, как настоящее дерьмо, — бормочет Тейтельбаум и показывает на стул. Я охотно принимаю его предложение.

Судя по обрывкам разговоров, услышанным мною в приемной, здешний заправила, чье человеческое обличье являет собой помесь Оливера Гарди и наделенного сознанием сгустка пота, последнюю неделю большую часть своего времени посвящает повой игрушке, полученной уже дней восемь тому назад, по все еще не может в ней разобраться. На углу Тейтельбаумова стола расположилось одно из этих устройств с четырьмя металлическими шарами, леской соединенными с коромыслом. Отведя в сторону и отпустив крайний шар, ты

становишься свидетелем чудес Ньютоновой физики, наблюдая, как четыре сферы часами стучат друг о друга, прежде чем остановиться. Тейтельбаум, который, скорей всего, никогда не слышал ни о Ньюtone, ни, возможно, о физике вообще, все это время потел, стараясь разоблачить подвох в своей новой игрушке. Глядя на нее, он ворчал, вздыхал и, едва доставая хилыми ручками до края стола, снова и снова безуспешно пытался неуклюжими ударами запустить диковину.

— Простите, — прерываю я высоконаучные изыскания. — Можно мне попробовать? — И, не дожидаясь ответа, хватаю и отпускаю один из серебряных шаров. В тиши кабинета равномерные щелчки агрегата кажутся особенно звучными.

Тейтельбаум, широко разинув рот, щелк-щелк-щелк, с благоговением пялится на шары, щелк-щелк-щелк. На завтрак он сожрал овцу — я вижу шерсть у него на зубах. Наконец дурачина приходит в себя, хотя совершенно очевидно, что ему до смерти хочется спросить, какой магической силой я привел в действие упрямую машину.

— Мне привезли ее из Пекинского аэропорта, — сообщает он, обходя вопрос о собственном невежестве. — У Кэти были кое-какие дела в провинции Хунань.

Наглая ложь. Кэти — одна из секретарш Тейтельбаума, и у нее никогда — никогда! — не было других дел, кроме как шляться по всему миру, обшаривая сувенирные лавки в аэропортах в поисках безделушек для мистера Тейтельбаума, дабы он чувствовал себя и сведущим, и многоопытным, не покидая при этом своего мягкого, уютного и безопасного кресла. А поскольку Тейтельбаум все билеты заказывает на свое имя, бедная девочка даже не может воспользоваться набегаящими льготными милями. В год Кэти зарабатывает чуть больше тридцати тысяч долларов (я знаю, потому что несколько лет назад заглянул невзначай в финансовый отчет), а поскольку в городе ее нет пять-шесть месяцев в году, Тейтельбаум нанял дополнительную секретаршу (это и была Салли) для работы с бумагами, что протекали через его грязные лапы. В результате секретарские расходы Тейтельбаума, за счет фирмы, разумеется, составляют более шестидесяти тысяч долларов в год, а значит, детективам-поденщикам приходится работать куда больше, чтобы окупить накладные расходы. И все для того, чтобы некогда славный король Гамильтонской школы мог покупать сувениры, разобраться в которых ему не хватает ума. Господи, как я ненавижу Тиранозавров!

— Изящная вещица, — заверяю я его. — Блестящая.

Хорошо, что он слишком туп, чтобы уловить насмешку.

— У меня к тебе один вопрос, Рубио, — рычит Тейтельбаум, откидываясь в кресле, так что его мясистые бока свешиваются с ручек. — Ты пьян?

— Вопрос ребром.

— Вот именно. Так ты пьян? Ты по-прежнему заряжаешься базиликом?

— Нет.

Он хрюкает, шмыгает носом, стараясь посмотреть мне в глаза. Я уклоняюсь.

— Сними контактные линзы, — требует он. — Я хочу видеть твои настоящие глаза.

Я отодвигаю стул с намерением встать:

— Не собираюсь выслушивать эти...

— Сиди, Рубио, сиди. Мне наплевать, пьян ты или нет, но у тебя нет вариантов, кроме как выслушать меня. У меня есть люди в отделе изучения кредитоспособности. У меня есть люди в банке. У тебя ни цента не осталось.

Произнося эту тираду, он испытывает истинное наслаждение. Я не удивлен.

— Так в чем, собственно, дело?

— А дело в том, что мне вообще не надо было тебя приглашать!

— Сказать по правде, я и сам был немного озадачен...

— Ты слишком много говоришь. Возможно, у меня есть для тебя немного денег. Возможно. Возможно, я, бог знает зачем, могу подкинуть тебе работенку. Если — и это очень существенное *если*, Руби, — если ты к ней готов. Если ты не провалишь все дело, так что мне придется расхлебывать, как в прошлый раз.

Шары на столе Тейтельбаума отбивают предсмертную металлическую дробь. Тейтельбаум не сводит с меня тяжелого взгляда, а я тянусь и вновь запускаю ему игрушку: это, похоже, станет одной из моих обязанностей, если он меня возьмет. Надеюсь, предлагая работу, он не имеет в виду, что я целыми днями стану запускать и перезапускать эту штуковину. Самое печальное, что я вполне могу согласиться и на это.

— Я был бы очень благодарен, если вы предоставите мне возможность... — я слащаво растягиваю слова, пытаюсь скрыть иголки за подобострастностью.

— Конечно, будешь. Восемьдесят сыщиков в этом городе были бы благодарны за такую возможность. Но я не так уж ненавижу этого твоего Эрни, — для Тейтельбаума это равносильно признанию в любви, — чтобы вовсе лишить тебя шанса. Вдобавок, у меня нет выбора. Слава богу, в этом бюро у меня девятнадцать идиотов, которые называют себя частными сыщиками, и каждый увяз в каком-нибудь дерьмовом деле, и каждый так и норовит потянуть время, чтобы приписать себе пару лишних баксов. А тут как раз подвернулась работа, не терпящая отлагательства, и полюбуйте, кому приходится ее поручать — поддатому неудачнику с комплексом покойного напарника.

— Благодарю вас.

— Послушай, здесь я должен быть уверен. В последний раз ты перешел всякие границы...

— Такого больше не будет, — перебиваю я.

— Мне нужна уверенность. Уверенность, что все будет так, как я скажу. Никаких отступлений от инструкций, никаких неприятностей с полицией. Если я велю остановиться, ты немедленно прекращаешь. Мы договорились?

— Такого больше не будет, — повторяю я.

— Я в этом не сомневаюсь. — Голос его чуть смягчился, самую малость, от гранита к известняку. — Я понимаю, каково тебе было. Гибель Эрни. Когда десять лет работаешь с парнем...

— Двенадцать.

— Двенадцать лет, это серьезно. Это я понимаю. Но это был несчастный случай, ни больше ни меньше. Парень попал под машину, Нью-Йорк кишит таксомоторами...

— Но Эрни был осторожен...

— Не заводись опять с этим дерьмом. Да, он был осторожен, но не в этот раз. А суетиться, доставая копов рассказами о безумных заговорах, это, знаешь, любви не прибавит. — Он замолкает, ожидая моей реакции. Но не дожидается. — С этим покончено. Капут. — Тейтельбаум поджимает губы, лицо его морщится, будто он вымазался лимоном. — Итак, я должен знать, ты-то с этим покончил? Со всем этим — с Эрни, с Макбрайдом?...

— Покончил? Мне кажется, я не... я не... они мертвы, так ведь? Так что... — Нет, хочется мне завопить, я с этим не покончил! Как я могу забыть своего партнера, оставить неразгаданной гибель единственного друга?! Я хочу сообщить ему, что совал нос в это дело и при первой возможности засуну снова. И плевать на то, что меня вышибли из Совета, плевать на все черные списки — я буду искать убийцу Эрни до последнего вздоха!

Но то был Винсент Рубио последних девяти месяцев. Негодование и ярость не принесли этому Винсенту ничего, кроме пудовой коллекции напоминаний о платежах, неминуемого разорения и дорогостоящей зависимости от базилика.

У меня нет денег, у меня нет времени, и мне не на кого опереться. А потому я напяливаю лучезарнейшую из улыбок и говорю:

— Конечно, все это осталось позади.

Тиранозавр высохшим пальцем заставляет умолкнуть металлические шары и переводит взгляд на меня.

— Хорошо. Замечательно. — В комнате звенит тишина. — Кстати, ты слышал о каких-нибудь новых штрафных санкциях Совета?

— Я больше не состою в Совете, сэр. — А когда состоял, Тейтельбаум уже пытался

вытянуть из меня информацию. То, что один из его сотрудников, заседаая в Южнокалifornийском Совете, способен определять политику, непосредственно влияющую на его повседневную жизнь, воспринималось Тейтельбаумом как личное оскорбление. Одна из тех мелочей, которые скрашивают жизнь. — Они... они забаллотировали меня после нью-йоркских событий.

Он кивает:

— Я знаю, что тебя выкинули, меня ведь опрашивали как свидетеля... Но у тебя остались друзья...

— Да нет, никого не осталось.

— Черт тебя возьми, Рубио, ты ведь должен был хоть что-то слышать о санкциях.

Я пожимаю плечами, трясую головой:

— Санкции...

— На Макбрайда...

— Он мертв.

— На его имущество. Из-за истории с человеческим существом.

— Истории с человеческим существом... — повторяю я. Я отлично понимаю, что он имеет в виду, но признаваться в этом не собираюсь.

— Послушай-ка, Рубио, ты был в Совете и прекрасно знал, что происходит. У Макбрайда была связь с этой... этой... — его, если их можно так назвать, плечи вздрагивают от омерзения, — *человеческой* самкой.

Он совершенно прав, но я и не подумаю извещать его об этом. Раймонд Макбрайд, Карнотавр, ворвавшийся в здешнее общество динозавров откуда-то со Среднего Запада, за считанные годы умудрился разбогатеть и действительно имел многочисленные связи с человеческими женщинами. Это не домыслы — это факты. И они подтверждены массой свидетельств, под присягой данных членам Совета на официальных слушаньях, а также многочисленными вещественными доказательствами в виде фотографий, сделанных фирмой «Джей амп; Ти», крупнейшим нью-йоркским сыскным агентством и, совершенно случайно, ближайшим партнером «ТруТел» на восточном побережье.

Законченный плейбой, Макбрайд всегда волочился за женскими особями нашего рода, и притом с невероятным успехом, несмотря на свой крепкий и продолжительный брак, а в результате, говорят, что ветви его фамильного древа протянулись от побережья до побережья, а возможно, и дальше, в Европу. У него были квартира на Парк-авеню, дом на Лонг-Айленд и «хибарка» на Калифорнийском побережье, не говоря уж о парочке казино, в Лас-Вегасе и в Атлантик-Сити. Его по природе резкие классические черты Карнотавра ежедневно гримировал целый штат профессиональных маскировщиков, знающих, как без особого труда придать превосходное человеческое обличье самому рептильному из динозавров, — процедура, приносящая всем прочим бесконечные часы боли и разочарований. Жизни Раймонда Макбрайда можно было только позавидовать.

И никто не мог понять, какого черта его понесло на чужую грядку; возможно, ему надоел собственный род, осточертела яйцекладка и бесконечное ожидание треска скорлупы. Действительно, детей у них с женой не было. Возможно, он хотел обострить чувственность на иных существах. Амбиций ему было не занимать. Возможно — и многие склоняются именно к такому выводу, — в нем развился синдром Дресслера, так что он начал думать о себе как о настоящем человеке и просто не мог удержаться от искушений млекопитающей плоти. Или просто находил цыпочек привлекательными. Как бы то ни было, Раймонд Макбрайд нарушил первое из основных правил, установленное с тех пор, как *Homo habilis* впервые приковыляли в наш мир: абсолютный запрет спариваться с человеком.

Но теперь он мертв, убит в своем офисе почти год назад, — так какого же черта применять санкции к бедному парню?

Стук в дверь избавляет меня от дальнейших расспросов о Макбрайде и заседаниях Совета, о которых я теперь не имею ни малейшего представления. Тейтельбаум рывкает: «Что?», и в кабинет заглядывает Салли. Серенький такой, робкий мышонок. Остренький

носик, свисающие прядями волосы, болезненно бледная. Если бы я не знал, что она человек — запаха нет, да и не видел я ее ни в одном из тех мест, где собираются динозавры, — мог бы на пару секунд принять ее за Компю.

— Лондон на третьей линии, — пищит она. Салли — отличная девчонка, болтать с ней просто умура, но в присутствии Тейтельбаума она съеживается, словно высохшая губка.

— Сувенирная лавка Гэтвика? — спрашивает Тейтельбаум, и руки у него трясутся в ребяческом предвкушении. Могло бы растрогать, не будь он так отвратителен.

— Они нашли зубочистки «Лондонский Тауэр», которые вы хотели.

Салли мельком улыбается мне, поворачивается и вылетает из кабинета — миссия исполнена. Просто хирургическое вмешательство во владения босса: туда-обратно за шесть секунд! Очень неплохо. Мне бы у нее поучиться.

Тейтельбаум тяжело вздыхает, шероховатые звуки рвущейся бумаги сменяются в его глотке глухим сопением спускаемой шины. Он неуклюже тянется к телефону.

— Я возьму двадцать четыре дюжины, и пусть пришлют немедленно.

Разговор окончен. Представляю, как поражен американской учтивостью британец на том конце провода.

Переходя к делу, Тейтельбаум резко меняет тон. Он заходится в хрипе от натуги, когда его крохотная ручка тянется через весь стол за тонкой папкой.

— Я не прошу тебя отыскать мне бриллиант Хоупа или что-нибудь в этом духе, — говорит он и вручает мне папку. — Всего лишь немного поработать ногами, ничего невозможного. Ерунда, но за нее платят.

Я перелистываю страницы.

— Расследование пожара?

— В среду утром загорелся ночной клуб в Долине. Одно из заведений Берка.

— Берка?

— Донован Берк. Владелец клуба. Ты что, Рубио, журналов не читаешь?

Я качаю головой, не желая объяснять, что нынче меня разорит и покупка журнала.

— Берк — большой воротила по части ночных клубов, — объясняет Тейтельбаум. — В его заведениях каждый день толкнутся знаменитости, в основном динозавры, но есть и человечья клиентура. Клуб застрахован по полной программе, так что за причиненные огнем убытки им теперь придется платить около двух миллионов долларов. Страховая компания хочет проверить, не сам ли Берк запалил свой клуб, так как «дела у него шли паршиво».

— Так и есть?

— Что?

— Паршиво.

— Господи, Рубио, откуда мне знать? Ты здесь частный детектив.

— Был кто-нибудь в клубе, когда загорелось?

— Почему бы тебе самому не почитать эту чертову папку? — выходит он из себя. — Да, да, куча народу. Свидетелей масса, вечеринка в полном разгаре. — Он обрушивает новый удар по Ньютоновым шарам — явный сигнал, что в моем присутствии больше не нуждаются. Я поднимаюсь.

— Что со временем? — спрашиваю я, заранее зная ответ.

— На день меньше, чем обычно. — Шаблонный ответ. Считается остроумным.

Я стараюсь, чтобы следующий вопрос прозвучал как бы между прочим. Хотя это вовсе не так.

— Оплата?

— Страховая компания готова отстегнуть пять косых плюс расходы. Три забирает агентство, так что тебе остаются две тысячи баксов.

Я пожимаю плечами. Вполне нормально, особенно если учесть оплату большинства сотрудников «ТруТел», с трудом сводящих концы с концами.

— Но у меня возникли сложности с бассейном на заднем дворе, — продолжает Тейтельбаум, — и мне нужно немного наличных. Давай-ка поделим твои комиссионные

пятьдесят на пятьдесят.

Он силится улыбнуться, и этот акулий оскал вызывает во мне едва преодолимое желание захлестнуть у него на шее тонкие проволочки Ньютоновых шаров.

Но какой у меня выбор? Одна косая лучше, чем ничего, а после того как я пролетел с Омсмайером, это, пожалуй, мой единственный шанс заплатить по закладным и отодвинуть банкротство. Ладно, изобразим ущемленное самолюбие. Вытянув шею, насколько позволяет моя человеческая оболочка, я задираю нос, прижимаю к груди бумажную папку и гордо направляюсь к дверям.

— Смотри, не напортачь, Рубио, — бросает мне вслед Тейтельбаум. — И не приноси, как обычно, недоделанного дерьма, если хочешь и дальше получать здесь работу.

Я еще и дюжины шагов не прошел, а ветка базилика уже хрустит на зубах, и остается позади тирания Т-Рекса, и условия его более не кажутся мне столь унижительными. Деньги в банке, возможно, чуточку респектабельности, а потом оглянуться не успеешь, как прочие детективные агентства в очередь встанут, чтобы вручить самую лучшую и дорогую работу «сыску Ватсона и Рубио». Да, я возвращаюсь. Я уже на пути к успеху. Раптор снова на коне.

По дороге к выходу я торжествующе подмигиваю временной секретарше, печатающей что-то в приемной. Она шарахается от изъятий моей дружбы, будто застигнутая врасплох гремучая змея, и мне кажется, что она вот-вот обнажит ядовитые клыки и скользнет под письменный стол.

3

Шесть листиков базилика энергично творят свою особую сорта магию в горах и долах моего метаболизма, и лишь травяная истома удерживает меня от того, чтобы выбежать из переполненного городского автобуса, по-обезьяньи размахивая руками над головой. Первый раз в жизни мне приходится пользоваться общественным транспортом, и он будет последним, если скудные накладные расходы, выделенные Тейтельбаумом на это дело, позволят снять что-нибудь получше семьдесят четвертого «Пинто». Уж не знаю, что там сдохло в автобусе, но судя по накатывающим на меня с трех последних рядов ароматам, я представляю это себе огромным, уродливым и сожравшим на последнем издыхании чертову уйму карри.

У сидящей рядом со мной женщины голова обвязана лентой из фольги, и хотя я не спрашиваю, зачем ей эта фольга, — у меня принцип никогда не задавать вопросов тем, кто заведомо пользуется конституционным правом на невменяемость, — она все же чувствует необходимость проорать мне, что защитный головной убор отпугивает «наземных насекомых» от ее «влажных местечек». Я энергично киваю и поворачиваюсь к окну в надежде просочиться сквозь него в разумный внешний мир. Но окно закрыто. Наглухо задраено. К защелке прилеплен комок розовой жвачки, и я чуть ли не различаю пляшущих на нем бактерий, что приглашают меня испытать судьбу и отковырнуть затвердевшую дрянь.

Однако базилик пробирает все круче, смягчая окружающую действительность, и я откидываюсь на жесткую виниловую спинку автобусной скамьи в надежде отвлечься от какофонии кашля, чиханья и бесконечных речей, направленных против общества и этих проклятых наземных насекомых. Руки, прежде скрещенные на груди, расслабленно виснут по бокам; я ощущаю, как уголки губ дергаются в чуть заметной ухмылке. Полная расслабуха.

Не знаю, как ему это удавалось, но Эрни был постоянной опорой общественного транспорта. Действительно, каждую неделю, обычно по четвергам, не реже одного раза утром и одного вечером мой партнер-Карнотавр усаживался на скамейку и ждал, когда покажется номер 409, чтобы добраться до нашей конторы на Вест-Сайд, а потом вернуться домой.

«Будь ближе к народу, — не уставал говорить мне Эрни. — Не теряй связи с добрыми людьми». И хотя в этом автобусе нет никаких добрых людей, к которым мне захотелось бы стать поближе, я уверен, что сам Эрни верил в свои слова. Я всегда был в этом уверен.

Эрни.

Последний раз я видел Эрнста Джей Ватсона, частного детектива, утром восьмого января, почти десять месяцев назад. Он направился к двери, и я почел за лучшее не заметить его уход. Мы как раз закончили на редкость несущественный спор — полная чепуха, мелкая размолвка из тех, что случались у нас три-четыре раза в неделю; точно так же ссорятся давно живущие вместе супруги из-за привычки мужа грызть оставшийся на дне стакана лед или пустой непрекращающейся болтовни жены — привычка, не более того.

«Я позвоню тебе, когда вернусь из Нью-Йорка», — бросил он, переступая порог нашего офиса, и я хмыкнул в ответ. Вот так — просто хмыкнул. Последним, что услышал от меня Эрни, было недовольное «гм», и только ежедневная доза травки позволяет отогнать эту свербящую мысль.

Конечно, все его внимание сконцентрировалось на том деле, ничем, как мне казалось, не отличавшемся от других, но оно не было обычным. Это было большое дело. Большой Тиранозавр Рекс. Вернее сказать, большой Карнотавр.

Раймонд Макбрайд — Карнотавр, знаток самок рода человеческого и великий заправила «Макбрайд корпорейшн», финансового конгломерата, специализирующегося на ценных бумагах, облигациях, покупке акций, да практически на любой авантюре, где гребут деньги лопатой, — был убит в сочельник в своем офисе на Уолл-стрит, и событие это взволновало сообщество динозавров куда более обыкновенного.

Команда первоклассных судебных медиков, отправленная на место преступления, провела обследование столь небрежно, что не смогла определить, кем был убит Макбрайд — человеком или своим братом динозавром, так что Национальному Совету — представительному объединению ста восемнадцати региональных Советов — пришлось отправить для предварительного расследования бригаду собранных по всей стране детективов. Убийство динозавра динозавром, независимо от обстоятельств, влечет за собой обязательное рассмотрение Советом, а потому необходимо прежде всего и как можно быстрее выяснить, кто повинен в преступлении и, что еще важнее, на кого возлагать бремя штрафной ответственности. Совет всегда начеку, когда можно урвать по-быстрому.

— Они сулят по десять косых каждой ищейке, что возьмется за это дело, — поведал мне Эрни в пятницу утром, сразу после Нового года. — Совет желает выяснить все как можно скорее — еще бы, такая шишка. Хотят знать, не человек ли его уколошил.

Я, помню, пожал плечами и отмахнулся:

— Его убил динозавр. У млекопитающих кишка тонка замочить такого богатого парня.

Тогда Эрни ухмыльнулся — обычной своей гримасой, от которой лицо его делалось шире на добрых три дюйма, — и возразил:

— А богатых никто и не убивает, Винсент. Тут всякий становится бедным.

Сказав это, Эрни ушел, я хмыкнул, а через три дня он был мертв. «Дорожно-транспортное происшествие» — так они выразились. «Скрывшийся таксомотор» — вот как они объяснили. «Сбил и уехал, ничего особенного» — утверждали они. Я ни единому слову не поверил.

На следующее утро с одним чемоданом, полным тряпок, и другим, полным базилика, я полетел в Нью-Йорк. Мне мало что запомнилось из той поездки. Вот несколько отрывочных образов, прорвавшихся сквозь зияющие провалы базиликовой тьмы:

«Окружной дознаватель, вскрывавший и Макбрайда, и Эрни, вдруг исчезает. В отпуске где-то на Тихом океане. Ассистент — человек, от него никакого толку, и сотрудничать он не желает. Драка. Кровь, кажется. Служба охраны».

«Бар. Кориандр. Женщина — Диплодок, что ли. Номер в мотеле, сырой и грязный».

«Полицейский офицер, один из многих расследовавший предполагаемый наезд, отягощенный бегством и отнявший у Эрни жизнь, отказывается отвечать на мои вопросы. Отказывается пустить меня к себе домой в три часа утра. Его плачущие дети. Драка. Кровь, кажется. Капот патрульной машины».

«Другой бар. Орегано. Другая женщина, несомненный Игуанодон. Номер в мотеле,

такой же сырой, такой же грязный».

«В моем распоряжении банковская карта одного из многочисленных счетов Южнокалийфорнийского Совета, потому что я тогда еще представитель Велосирапторов и уважаемый член самого бюрократического и лицемерного правления динозавров со времен Оливера Кромвеля и его дружков — Бронтозавров от первого до последнего, — обезумевших в сокровищницах Британской империи. Несанкционированное снятие со счета тысячи долларов. Еще одно, на этот раз десяти тысяч. Взятки в надежде на то, что кто-нибудь — кто угодно — даст мне сведения о Макбрайде, об Эрни, об их жизни и смерти. Новые взятки, чтобы скрыть первые. Бесплезные расспросы, ничего мне не принесшие. Ярость. Драка. Толпы полицейских».

«Судья, допрос и отстранение от дела. Авиабилет до Лос-Анджелеса и вооруженный эскорт, чтобы выпроводить меня с подчиненной трем штатам территории».

Совет каким-то образом прознал о моем творческом отношении к ведению их счета и ощутимых потерях — да и не было у меня настроения скрыть это как следует, — и проголосовал за то, чтобы дать мне пинка под зад. Дабы выправить положение дел, как они выражаются, и с единогласным «за» от всех членов Южнокалийфорнийского Совета. За одну неделю я лишился всего: общественного положения, трезвости, безупречного полицейского досье, лучшего друга. На том и закончилось мое расследование, да и вообще вся моя жизнь частного детектива, работающего в пригородах Лос-Анджелеса.

Если меня чему-то и научила первая неделя этого января, то лишь одному: есть долгое, медленное, изматывающее восхождение к среднему классу, а вот вниз летишь так, что дух захватывает.

Автобус ползет себе дальше.

Три часа спустя перед «Эволюция-клубом» я останавливаю чихающую и фыркающую машину, которую взял напрокат в самом захудалом агентстве, и возношу тихую молитву автомобильным богам за то, что последние две мили дорога непрерывно шла под уклон. Эта проржавевшая «тойота-камри» 83 года окончательно заглохла, когда я ехал через Лорел-каньон, и потребовалось часа полтора, чтобы найти того, кто откроет дверь незнакомцу, требующему плоскогубцы, проволоку и кусачки. Оказывается, я не первый, кто решил слегка усовершенствовать несчастный автомобиль, — взглянув на мотор, я погрузился в другую реальность, где механиками позволено быть лишь детям и душевнобольным. Изношенная подарочная тесьма связывала пучки проводов, на одном из цилиндров сохранилась наклейка супа «Кембл», и я голову даю на отсечение, что из канцелярских скрепок не смастеришь хорошего кронштейна для свечи зажигания. Я просто представить себе не могу, что любое из этих ухищрений продержится хотя бы до вечера. Если повезет, я смогу выдать из Тейтельбаума еще немного денег и возьму машину получше, ибо, насколько я способен предвидеть ближайшее будущее, этот маленький японский импорт сегодня же надорвется под тяжестью наспех залатанного мотора и самопальных бензиновых шлангов, совершит харакири и благополучно покинет сей мир в пользу менее кустарного агрегата.

И я решаю не повторять эксперимента с автобусом.

«Эволюция-клуб» — заведение явно для динозавров, тут двух мнений быть не может. Нам по душе такое дерьмо, шуточки для внутреннего пользования: от них мы чувствуем себя ой куда как круче двуногих млекопитающих, с которыми приходится делить господство над миром. Сам я чаще всего бываю в клубе «Плезные ископаемые» в Санта-Монике, но случалось мне засиживаться до утра и в «Динораме», и в «Метеоре», и в сердце города — «Тар-Пит-клубе», да всех не перечест. По последним данным Совета, динозавры составляют около десяти процентов населения Америки, но я подозреваю, что нам принадлежит несоизмеримо большее количество ночных клубов этой страны. Оно и понятно: если приходится большую часть дня проводить в человеческом обличье, то как же обойтись без места, где вечером можно расслабиться в обществе тебе подобных.

Моя арендованная колымага идеально подходит к нынешнему состоянию «Эволюция-клуба»: разваливающийся кузов прекрасно гармонирует с обугленными стенами сгоревшего здания.

— Может, тебя здесь и оставить, дружище? — игриво шлепаю я по багажнику. Ржавчина хрустит под рукой, и на металле остается рваная рана. Я направляюсь в клуб.

Судя по тому, что еще в среду утром служило основной танцплощадкой, а теперь представляет собой нагромождение обгоревшего пластика, «Эволюция-клуб» был заведением вполне достойным. На три уровня, каждый со своим баром, ведут с обеих сторон широкие мраморные лестницы в стиле «Унесенных ветром». Зеркальные шары в тусклом дневном свете, пробивающемся сквозь потрескавшиеся окна, сверкают, будто далекие угасающие звезды, и я могу оценить затейливую систему иллюминации, которая, если заменить разбитые лампочки, поправить линзы и очистить от вездесущего пепла пульт компьютера, посоперничала бы с лучшими образцами Бродвея и Пикадилли. Стены покрывают беспорядочные граффити, фантастические росписи воспевают роскошь и торжество неподвластного векам истинного гедонизма.

Лежащая в руинах массивная охладительная установка соединяется с останками гербокамеры — я чуть ли не ощущаю запах свежесрезанного базилика и майорана, но могу только догадываться обо всех прелестях вхождения в эту прохладную душистую комнату и выбора подходящего вещества, а то и всех сразу. Выглядит, как притоны, так привлекавшие меня в юности, и все мои внутренности преисполнены благодарностью за то, что я и не подозревал о существовании этого клуба.

Поднимаясь на второй уровень, я чувствую покалывание в спрятанном хвосте. Я встряхиваю задом, но оно не прекращается, такое легкое и острое, как будто на моем хвосте устроила себе шведский стол мелкая зубастая рыбешка. Это зажим «Г-3», будь он неладен, как-то сбился налево, и металлическая пряжка впивается в бок, а исправить положение можно не иначе, как полностью перестегнув всю серию «Г». Это недолго и достаточно просто, но придется на несколько драгоценных минут целиком выпростать хвост. И если в этот момент войдет кто-нибудь из млекопитающих...

Но кому придет в голову забрести в сгоревший ночной клуб в полдень рабочего дня? На всякий случай я, согнувшись пополам, карабкаюсь вверх по лестнице — зажим всю дорогу тычет, щемит, колет меня — и ныряю в относительную безопасность ближайшей тени.

Там подогнуть, тут повернуть и хлоп! — зажимы «Г-1» и «Г-2» отстегнуты, пряжки отскакивают. Мой хвост избавляется от оков, и я вздыхаю с облегчением, когда наконец-то высвобождается и звякает об пол злополучный «Г-3». В ляжке пульсирует тупая боль, и там, где зажим терзал мою плоть, назревает синяк. Теперь снова застегнуться, прежде чем...

— Есть кто-нибудь здесь? — доносится от входа.

Я замираю. Из всех моих пор выступает пот и солеными ручьями стекает по телу. Я проклинаю эволюционный процесс, одаривший нас потовыми железами после стольких тысячелетий блаженной сухости.

— Частное владение, приятель. Да еще и место происшествия под полицейским надзором.

Я не в состоянии поверить, что все это творится на самом деле. Мои руки, толстые и грубые под человеческой оболочкой, неуклюже возятся с пряжками, пытаюсь водворить их на место.

— Эй ты! Да-да, ты! — новый возглас прорывается сквозь захлестнувший мозги рев сигнализации.

Я подпрыгиваю с мастерством и проворством, достойными олимпийского атлета или подающего бейсболиста высшей лиги, и в мгновение ока прячу хвост между ног, обвивая им туловище. Зажим «Г-3» встает на место сразу вслед за «Г-2». Неистово вожусь со своим облачением: с такой скоростью я еще не одевался. Застежки застегиваются, защелки защелкиваются, пуговицы, кнопки, петли, молнии — еще быстрее...

— Здесь не положено, — доносится с середины лестницы. — Посторонним вход воспрещен. Катись отсюда, парень.

Мой зажим «Г-1» заело напрочь. Да, знаю, старая модель, но они считаются вполне надежными, черт бы их всех побрал! Из растянутой молнии вылезает конец моего хвоста. И даже если тот тип, что взбирается по лестнице, не поймет, что перед ним кусок динозавра, видок получается крайне непристойный. Я уже провел два дня за решеткой в Цинциннати по обвинению в нарушении норм общественной нравственности — лучше не спрашивайте! — и, благодарю покорно, не имею ни малейшего желания повторять пройденное. Я сую, пихаю, проталкиваю, подбираю...

— Эй ты... да, ты, в углу.

Я поворачиваюсь, медленно, неохотно, готовый соврать, готовый заговорить, неловко похихикивая: простите, какой конфуз, рубашку не заправил. Хвост? Господи, нет же! Это просто смех какой-то! Хвост у столь неоспоримого человека, как я?! Какой абсурд!

И тут зажим поддается. Со звуком сотни когтей, скребущих сотню классных досок, хвост вырывается из оков и рвет пополам мои «Докеры». Хлопчато-полиэфирные лоскутья штанов развеваются на сквозняке.

Медленно, чуть ли не сладострастно прокручиваю перед мысленным взором оставшиеся годы моей жизни. Начиная с этого пришельца, вопящего словно чучело из «Пещеры ужасов», скатывающегося с лестницы, выбегающего на улицу, требующего срочного приема у своего психиатра, выплескивающего всю эту муть о получеловеке-полузвере, *который фактически напал на него, ей-богу*, прямо в дымящихся развалинах ночного клуба. Его помещают в лечебницу (мой совет: не ешь там ничего, кроме десерта), но это неважно. Слова о моей неосторожности вылетели — не поймаешь, и я заканчиваю свой век в одиночестве, без гроша в кармане, торгую на углу всяким мусором, официально отлученный Советом, изгнанный из общества динозавров за разглашение самой тайной из всех тайн: нашего существования.

— Господи, Рубио! — снова доносится голос. — С таким хвостом все бабы твои.

Взор мой из мира болезненно-преувеличенных фантазий возвращается на второй этаж «Эволюция-клуба» и останавливается на ухмыляющемся сержанте Дана Паттерсоне, старейшем детективе лос-анджелесского полицейского департамента и самом ярком представителе Бронтозавров, с каким мне доводилось встречаться.

Мы обнимаемся, и сердце мое, до того бешено колотившееся в ритме рэгги, постепенно замедляет ход.

— Что, напугал тебя? — на толстых губах Дана играет озорная улыбка. Его запах, смесь чистейшего оливкового масла и смазки коленвала, сегодня еле ощутим, отчего, по всей вероятности, я не учуял его сразу.

— Меня напугал? О чем ты, парень, я же Раптор.

— Ну, так я снова спрошу: я ж тебя до смерти напугал?

Мы вместе беремся за мой упрямый хвост, то так, то эдак пытаюсь запихнуть несносного мальчишку. Упругие мускулы Дана, явно проступающие сквозь личину средних лет афроамериканца, вздуваются от напряжения, когда мы в конце концов ухитряемся засунуть этого неслуха на место, затянуть все зажимы «Г» и застегнуть пряжки, не причинив при этом новых повреждений одежде. В машине есть запасная пара штанов, и если те, что пока на мне, не решат окончательно разорваться, я подожду еще несколько минут вполне прилично облаченный. Дан Паттерсон никогда не производил на меня впечатления пуриста от моды, и его вроде бы несколько не беспокоит мое нынешнее полуодетое состояние.

— Рад видеть тебя, дружище, — говорит Дан. — Давненько мы...

— Все собирался тебе позвонить... — виновато улыбаюсь я.

Затянутой в человечью плоть рукой Дан сжимает мое плечо:

— Я понимаю, старина, поверь мне. Как, держишься? Работа есть?

— У меня все в порядке, — вру я. — Просто великолепно. — Если начну рассказывать Дану о финансовых проблемах, он предложит мне деньги, фактически навяжет, насколько я

его знаю, — а мне не по душе принимать милостыню, даже от самого близкого из Бронтозавров.

— Слушай, ты получил часы, что я послал тебе, те, что...

— Да, да, конечно. Спасибо. — Некоторое время тому назад Дан случайно наткнулся на часы, которые Эрни забыл у него невзначай где-то за месяц до убийства. После моего бесславного возвращения из Нью-Йорка Дан отправил часы с посыльным на мой адрес, что я расценил как скрытую поддержку. И это оказалось самым весомым из полученных мной соболезнований.

— Ты представляешь здесь интересы страховой компании? — интересуется он.

Я киваю:

— Меня послал Тейтельбаум.

— Без дураков? Ты снова вкалываешь на «ТруТел»?

— По крайней мере, в этом деле. Кто знает, может, и дальше без работы не останусь.

— Как в старое доброе время, так, что ли? Мистер Тейтельбаум... Да, Т-Рекс, о котором хочется забыть. — Дану выпали скверные полтора года контракта с «ТруТел» — так мы и познакомились, — прежде чем он распрощался с независимостью и поступил на службу в лос-анджелесский полицейский департамент. В агентстве ходят легенды о его стычках с Тейтельбаумом.

Мы немного болтаем о старых добрых временах — дело Страма, процесс Куна, провал шлюхи с Голливуд-бульвара — лучше не спрашивайте, — еще чуть-чуть о планах на будущее. Он не прочь провести отпуск в «Экспрессии», нудистской колонии динозавров в Монтане — там сотни наших прохаживаются в своем натуральном обличье, грея шкуру на теплом солнышке, — и хотя подобного рода мечты — кратчайший путь к безделью, я не хочу объяснять ему, что не могу себе позволить нескольких дней безделья, и не только из-за цены хорошего крема для загара.

— Отличная идея, — говорю я. — Позвони, когда определишься со временем.

В конце концов, когда разговор двух старых друзей входит в привычный ритм, я возвращаюсь к делу:

— Что привело тебя сюда? Разве этот случай не выходит за пределы твоей компетенции? — Дан обычно работает в центре; долина Сан-Фернандо очень далека от протоптанных им троп.

— Они обратились за помощью в наш отдел поджогов, — объясняет Дан. — Мы постоянно помогаем друг другу. Я всего лишь охраняю место происшествия, и, видать, не слишком прилежно.

— И что скажешь мне о пожаре?

— Самому лень искать, господин частный сыщик?

— Думаю, если спихнуть всю работу на тебя, самому можно отправиться домой и поспать наконец. Неделя была долгой.

Дан вытаскивает потертый желтый блокнот и бормочет себе под нос, листая страницы:

— Поглядим... в среду утром, около трех, в восемнадцатую пожарную часть поступил сигнал о том, что горит «Эволюция-клуб» на бульваре Вентура. Звонивший себя не назвал, только сообщил, что весь дом охвачен пламенем.

— Откуда был звонок?

— Из телефонной будки напротив. Были отправлены три машины вместе с целым караваном спецтранспорта: кареты «скорой помощи», фельдшеры и тому подобное.

— Это обычная процедура? В смысле, целый караван? — Я достаю ручку и блокнот и записываю детали — важные, неважные, — все, что успеваю ухватить. Никогда не знаешь, что пригодится.

— Ясное дело, когда горит ночной клуб. Как правило, больше вреда наносят не огонь и не дым, а охваченные паникой клиенты. Они превращаются в стадо обезумевших Компи, и плевать им, кого они топчут. — Он лижет палец и снова листает блокнот. — Клиенты рвутся на улицу, лезут отовсюду...

— Пятьдесят, сто, сколько? — Другими словами, сколько свидетелей, будь они неладны, мне предстоит опросить?

Дан смеется и качает головой:

— Видно, ты давно не посещал вечеринок в Долине?

— Стараюсь не выбираться за пределы Западной стороны. У меня здоровье и так ни к черту, чтобы еще окончательно погубить его здешним смогом.

— В хороший вечер в такие места набивается сотни четыре. К счастью для тебя — и для них, я полагаю, — утро среды не самое время для столпотворения. По приблизительным оценкам, можно говорить о ста восьмидесяти — двухстах гостей.

— Имена и номера телефонов?

— Около двадцати.

— Для меня вполне достаточно.

— Двое погибших — задохнулись в дыму, как мы полагаем, — продолжил Дан. — Еще один, с ожогами, в критическом состоянии — кстати, тот тип, которому и принадлежал клуб.

— Динозавр, так?

Дан поднимает бровь:

— Кому же может принадлежать клуб с названием «Эволюция»? Ну, продолжай...

— Похоже, к черту летит теория страховой компании о самоподжоге. В смысле, реши я спалить собственное заведение, отправился бы куда-нибудь перекусить не меньше чем за час до пожара.

— И любой бы так поступил, верно? А мои люди утверждают, что им вчетвером пришлось ломать дверь, чтобы вытащить парня из его конторы. Он уже был полумертвый, поджаренный, как индейка, а все сопротивлялся... Говорят, никогда такого не видели.

— Будто охранял что-то?

— Кто знает? Мы не нашли ничего, кроме действительно красивого кресла.

— Дай угадаю — он ведь Комппи, верно?

— Не-а, он как раз твоего вида. Рапторы, известное дело, не слишком догадливы.

— По крайней мере, мозг у меня побольше шарика для пинг-понга.

Дан кидает мне шелестящий страницами блокнот:

— Сам убедись, — тычет он пальцем в каракули. — Вот, слово в слово, показания присутствовавшего офицера. Все свидетели утверждают, что сначала раздался грохот, потом повалил дым. Гости кинулись наружу, сметая все на своем пути, а уж затем сзади вырвалось пламя, как раз к приезду пожарных.

— Вырвалось, говоришь? Бомба?

Дан качает головой:

— Мы здесь все прочесали — никаких следов взрыва. Но ты на правильном пути... Пойдем-ка со мной. — Дан спускается по лестнице, и я покорно семеню следом. Тупая боль в хвосте постепенно утихает, за что я ей очень признателен.

Мы держим путь мимо обгоревших столов и почерневших табуретов у стойки; все покрыто легким серым пеплом. Я замечаю, что спинки стульев вырезаны в форме силуэтов человекообразных на разных этапах их эволюции, причем все они изрядно шаржированы и ни один симпатии не вызывает. Совершенно идиотская физиономия *афарского австралопитека* превосходно уравнивается самодовольной миной *гомо эретикуса*; *гомо хабилис* радостно застыл над кучкой собственных фекалий, в то время как, по-видимому, сильно эволюционировавший *гомо сапиенс* запечатлен в виде оплывшей массы, намертво прилепленной к огромному телевизору. Кто-то изрядно повеселился, проектируя это заведение.

— Смотри вон туда, — говорит Дан. — Там, у стены.

Прищурившись, я вглядываюсь в полумрак. Сейчас мы стоим довольно далеко от входа. И единственным источником света служит потолочное окно в виде зазубренной молнии. Однако мне удастся разглядеть на стенах полосы, будто уродливые следы торможения, а я вел достаточно дел о поджогах, чтобы разобраться, что к чему.

— Взрыв, — говорю я, и Дан кивает. Длинные темные выжженные следы будто солнечными лучами расходятся от распахнутой двери, ведущей туда, где должен был вспыхнуть пожар.

— Там контора? — спрашиваю я.

— Кладовая. А еще электрощит с пробками. — Шершавые руки Дана бегут по стене, и потрескавшийся, пузырящийся узор осыпается на землю. — Там куча коробок, но большая часть изрядно обгорела. Пока мы с тобой болтаем, в них копаются ребята из управления.

До меня доносится чуть уловимый запах, знакомый запах прогорклого мяса, однако я в деле не новичок, так что знаю, что к чему.

— Бензин, — бормочу я. — Чувствуешь?

— Конечно. Наши химики отыскиали кое-какие следы, но ничего неожиданного. У них тут этажом выше генератор на случай, если электричество отключат, а здесь они хранили топливо.

Я едва успевал записывать, и теперь просматриваю свои заметки. Четкие буквы, аккуратные петельки, узкие и высокие.

— Вы, парни, похоже, уже представляете, что здесь произошло.

— А ты как думал? Полиция Лос-Анджелеса никогда не спит.

— Ясно теперь, почему на вас столько бабок уходит. Ладно, попробую угадать. — Я откашливаюсь и собираюсь с мыслями, готовый ошеломить или хотя бы слегка удивить Дана: — Искры в кладовой, тлеющий огонь. Может быть, предохранитель взорвался — отсюда шум, который слышали очевидцы. Загорелось несколько ящиков с глянцевыми журналами или той порнухой из Тайваня.

— Откуда? Не темни, Рубио, давай, выкладывай, если есть что.

— Не перебивай. Итак, дошло дело до журналов, горят они себе, шелестя и потрескивая, а через полчаса из закрытой конторы начинает валить дым. Динозавры и люди пляшут себе вовсю, как вдруг кто-то замечает дым. Шум-гам-тарарам, топот, топот, топот, все рвутся наружу, кто-то звонит пожарникам. Пока еще только дым, но уже очень много. Приезжают пожарные, огни мигают, сирены ревут, туча народу, и как раз в тот момент, когда вся публика покидает заведение, вдруг как бабахнет — огонь доходит до запасных канистр с горючим, и тут же все вокруг охватывает пламя. Несчастный случай, конец фильма, все расходятся по домам вешать лапшу на уши супругам, кроме двух покойников и хозяина, попавшего в больницу.

Дан рукоплещет, и я низко кланяюсь, чувствуя, как давит ремень.

— Все почти как у нас, — признает Дан. — Заодно уж мы проверили финансовую документацию Донована Берка...

— Хозяина, так?

— Да, эдакий плейбой и большая шишка, на запад прибыл пару лет назад и очень быстро раскрутился — сейчас он на интенсивной терапии в окружной больнице. Мы его тут же проверили, потому что знаем, что и вы тут как тут, вынюхиваете, не сам ли он подпалил свое заведение, ан нет, все чисто. Здесь был самый популярный кабак в Долине — несчастный сукин сын каждую ночь греб деньги лопатой. Нанял специальную девицу выручку считать.

Мне знакома великая магическая сила, чуть ли не сексуальная привлекательность каждого нового дела, за которое берется частный детектив, рыщущий по самым грязным улицам, роющийся в самом грязном белье, чтобы в конце концов отыскать нужного человека, — черт, да я сам подцепил на эту удочку не одну красотку. И в определенном смысле я действительно ловлю кайф от такой работы. Чувствую себя в форме. Но когда попадается нудное дело, вроде этого, я предпочитаю вытянуть все данные у доброго приятеля из местных правоохранительных органов. Я к тому, что все равно они этим занимаются, — так что ж не поделиться накопленным?

К сожалению, подчас они упускают детали.

— Ну как, дело закончено? — спрашивает Дан, направляясь к выходу, то есть к моей

машине и запасной паре «Докеров». — Так что возвращайся к Тейтельбауму, вручи ему информацию и не забудь объяснить, куда он может ее засунуть.

— Увы, я дорожу этой работой, — вынужден напомнить я. — А также собственной жизнью. Оскорблять Т-Рекса не лучший способ сохранить и то и другое. Я собираюсь дернуть еще пару ниточек.

— Слушай, я предоставил тебе все свидетельские показания. Что еще проверять?

Мне бы шляпу натянуть, запахнуться в пальто-тренч, и чтобы на губах висела сигарета. Без этой бутафории частный сыщик будто голенький.

— Ты говорил об анонимном звонке в пожарную команду. Кто-то сообщил, что весь «Эволюция-клуб» охвачен пламенем, так? Прозвучали именно эти слова: «охвачен пламенем»?

— Насколько мне известно, да.

Затянутым в кожу пальцем я стучу Дана по карману рубашки, где у него блокнот.

— Но в действительности никто из твоих свидетелей не видел огня до приезда пожарных машин. — Я замолкаю, ожидая... ожидая... пока до него не дойдет.

— Неувязка со временем получается, так, что ли? — наконец соображает Дан.

— Вот именно. — И я растягиваю губы сияющим полумесяцем — широчайшая из имеющихся в моем распоряжении улыбок. — А тебе предстоит исписать еще пачку бумаги.

Дан угрюмо кивает — протоколы и вообще всяческая писанина никогда не были сильной стороной Бронтозавра. Но он полицейский, и в глубине души я уверен, что утром он скрючится над своей пишущей машинкой и углубится в детали, словно монах, толкующий драгоценную рукопись.

— Ты ведь не собираешься возвращаться на пепелище? — спрашивает он. — Я думаю поджарить несколько бифштексов; может, плюнем на все да приправим их орегано?

Я качаю головой и делаю шаг в сторону выхода из клуба. Обед — это прекрасно, бифштексы — еще лучше, а бифштексы с орегано — и вовсе выше крыши, но я должен работать. Во-первых. А во-вторых, мне необходима пара доз базилика, срочно. — Было бы здорово, но давай как-нибудь в другой раз.

— Жаркое свидание, а? — Дан похотливо изгибает бровь.

Я думаю об обгоревшем Велосирапторе в больнице, о его непонятной борьбе за то, чтобы остаться в задымленной, лопающейся от жара комнате, где он наверняка бы погиб. Кресло тут ни при чем — даже Тейтельбаум оторвал бы задницу и выбрался из офиса, подталкивая его в спину пять тысяч градусов. Однако ясно, что у Донована Берка были свои причины оставаться в комнате — чертовски основательные, — и есть лишь один динозавр, способный объяснить мне эти причины.

— Жарчайшее, — киваю я Дану и выбираюсь из клуба.

4

Больницы любому не по нутру, кто ж с этим спорит. Меньше всего больные и умирающие желают оказаться среди умирающих и больных. Но для динозавров все еще хуже. Гораздо хуже.

Даже спустя все эти миллионы лет — все эти десятки миллионов лет — тягостно медленного эволюционного процесса, мы, дины, по-прежнему воспринимаем важнейшую информацию шнобелем. При том что зрение у нас отличное и слышим мы, как муха пролетит, нет для нас ничего страшней, чем лишиться обоняния. Можно ли представить себе зрелище более жалкое, нежели дин, подхвативший насморк? Мы хнычем, мы во всю свою заложенную глотку жалуемся, что все на свете не так, что сам свет поблек и лишился всякого смысла. Присущее нашему роду мужество сменяется у простуженного младенческой дрожью только что вылупившегося из яйца, и кто уж начал шмыгать носом, в конце концов становится совершенно невыносимым.

В больнице нет запахов. Нормальных, во всяком случае, в этом-то и беда. Бочки за

бочками дезинфицирующих средств, что выплескиваются ежедневно на пол и стены, не оставляют надежды на выживание ни единой молекуле нормального запаха. Разумеется, все это во имя доброго здоровья, и я вполне способен понять, что уничтожение бактерий и прочих микроскопических злодеев может оказаться полезным в борьбе с инфекцией, но до чего же непросто любому диноу сохранять благоразумие в подобной обстановке.

Вот и я теряю его, лишь переступив больничный порог.

— Я пришел навестить Донована Берка, — сообщаю тонкогубой сестре, согнувшейся над чашкой кофе и целиком погруженной в кроссворд.

— Говорите громче. — Жвачка ритмично чмокает между ее короткими тупыми зубами.

Я машинально склоняюсь к ее мелющим челюстям, и ноздри мои расширяются, жадно поглощая аромат «Джуси Фрут», «Риглиз», «Стиморола», — неважно, что она там жует, лишь бы перебить этот всепроникающий запах ничего.

— Донован Берк, — повторяю я, отступая, прежде чем она заметит мой интерес к ее рту. — Донован через «Д».

Сестра — Джин Фитцсиммонс, если только она не поменялась с кем-нибудь именной биркой, — вздыхает так, как будто я прошу ее о чем-то заведомо несовместимом с ее высоким положением, облизать, к примеру, стальной носок сапога. Она выпускает из рук газету и тонкими птичьими пальцами стучит по клавишам. Экран компьютера пестрит именами пациентов, всяческими их недугами и ценами, поверить в которые просто невозможно. Сто шестьдесят восемь долларов за один укол антибиотика? Да на улице за такие деньги можно наполнить шприц чем-нибудь посерьезнее. Сестра Фитцсиммонс пресекает мою любознательность, демонстративно разворачивая монитор от нескромного взгляда Винсента.

— Он на пятом этаже, в отделении «Е». — Глаза ее оценивающе скользят по моему телу. — Вы родственник?

— Частный детектив, — отзываюсь я, выхватывая удостоверение. Неплохой видок в моем человеческом обличье, из тех времен, когда брэнчало в кармане и я следил за своей наружностью — сшитый на заказ костюм, широкий галстук, глаза блестят, дружеская улыбка, не выставляющая, впрочем, напоказ ни одного из моих острых зубов. — Меня зовут Винсент Рубио.

— Я должна...

— Доложить обо мне. Знаю. — Обычная процедура. Отделение «Е» находится в особом крыле, опекаемом администрацией и врачами-динами, и все там устроено так, чтобы наши чувствовали себя в безопасности, находясь вроде бы в самой обычной больнице. По всей стране существуют, разумеется, и специальные клиники для динов, однако и в большинстве крупных больниц есть отделения на случай, если одного из нас доставит «скорая помощь», как мистера Берка в среду утром.

Официально отделение «Е» зарезервировано для пациентов с «особыми запросами», варьирующимися, смотря по обстоятельствам, от религиозных предпочтений до круглосуточного ухода или стандартных VIP-услуг. Столь широкое толкование позволяет администраторам из динов без труда отнести всех нелюдей к разряду пациентов с «особыми запросами» и определять их и только их в нужную палату. Обо всех посетителях — включая врачей — должно быть доложено сестрам (все без исключения — дины в человеческом обличье), якобы ради безопасности и невмешательства в личную жизнь, а на самом деле для защиты от нежелательных разоблачений. Очевидно, что риска тут не избежать, и время от времени слышишь, как некоторые дины поднимают шум по этому поводу, но критиканы ничего лучшего не предлагают. Так уж сложилось, что динозавров в здравоохранении немало; все родители-динозавры сызмала внушают детям уважение к медицине хотя бы по той причине, что наши предки столько миллионов лет умирали от самых ерундовых инфекций. И столько динов становятся врачами, что нетрудно заполнить отделения — а иногда и целые больницы — персоналом преимущественно из динозавров.

— Теперь можете подняться, — разрешает сестра, и хотя я рад поскорее убраться

из-под этого злобного взгляда, выдохшаяся жвачка была сравнима с ароматом амброзии.

Поднимаясь на лифте на пятый этаж, я могу только гадать о возникшей там, наверху, суматохе. Сестры распикивают пациентов по укромным местам, двери закрываются и запираются. Все как в окружной тюрьме, только без преступников и с куда более симпатичной охраной. Будучи неизвестной персоной, я представляю возможную угрозу, так что все признаки существования динозавров должны быть тщательно скрыты. Камеры тут бесполезны: в наши дни маскировка столь реалистична, что есть лишь один надежный способ отличить человека от динозавра — по запаху.

Динозавры испускают феромоны словно неуправляемая нефтяная скважина, круглые сутки фонтанирующая газами. Основной запах динов вполне приятен: осенний аромат соснового бора в утренней свежести с легкой кислинкой болотного тумана. Конечно, у каждого из нас с общим запахом динозавров сплетается и свой собственный — опознавательный запах, подобный человеческим отпечаткам пальцев. Свой я бы уподобил хорошей кубинской сигаре, наполовину изжеванной, наполовину выкуренной. Эрнэ источал аромат пачки копирки только что из типографии; мне до сих пор нет-нет да почудится этот запах.

Но из-за слоев грима, резины и полистирола, под которыми мой род ежедневно и ежечасно вынужден скрывать естественную привлекательность, теперь нередко лишь подойдя вплотную — на три-четыре фута — дин полностью уверен, с каким представителем животного мира он имеет дело. А потому суматоха в отделении «Е» продолжится до тех пор, пока сестры досконально не проверят меня на запах и прочее.

Двери лифта раздвигаются. Я был прав — палаты заперты, царит тишина, и все отделение пустынно, как последний концерт «Бэй Сити Роллерс», на который меня занесло. Между прочим, отличное представление. Единственная сестра затаилась в ожидании на своем посту и делает вид, будто увлечена романом в мягкой обложке. Она прикинулась пышнотелой блондинкой, и хотя меня вовсе не прельщают формы человеческих самок с тонкими талиями и тому подобным, я и сквозь облачение вижу, что эта представительница динов потрясающе хороша.

Дабы избежать дальнейших проволок, я подкатываю к стойке, делаю пируэт и тяну вниз собственные уши, позволяя сестре вдохнуть мой мужественный-премужественный запах. Как-то раз, будучи на рогах, я испробовал этот дискотечный финт на человеческой женщине и тут же получил пощечину, хотя до сих пор так и не понял, какое именно из моих телодвижений показалось ей непристойным.

— Он чист! — возвещает сестра, и двери палат распахиваются одна за другой, словно доминошные кости. Пациенты высыпают в коридор, все как один жалуясь на непрерывные проверки системы безопасности. Под тонкими больничными халатами я различаю, как шевелятся хвосты, сверкают шипы, скребут когти, и на мгновение становлюсь в мечтах пациентом отделения «Е» и несколько дней живу на свободе.

От сестры не ускользает мой мечтательный взгляд.

— Сюда пускают только больных, — сообщает она.

— Я чуть ли не желаю им оказаться.

— Могу сломать вам руку, — шутит она, но я вежливо отклоняю предложение. Было бы воистину чудесно вырваться из этих корсетов, этих зажимов и оттянуться несколько дней в блаженном ощущении себя как себя, Велосираптора, однако не следует переходить границу, и для меня эта граница — физическая боль.

— Я вижу это постоянно, — продолжает сестра, будто читая мои мысли. — Мы готовы на многое, только бы стать самими собой.

— А на что готовы лично вы? — перехожу я на режим заигрывания. Знаю, знаю, я должен думать о работе, но Берк никуда не денется, подождет минуточку-другую, пока я тут перья распускаю.

Сестра пожимает плечами и склоняется к стойке.

— Что бы я сделала? Не знаю, — говорит она, задумчиво подняв брови. — Ломать

руку, должно быть, очень больно.

— Вот и я того же мнения.

Размышляя, она стряхивает на плечо фальшивую прядь.

— Я бы могла простудиться.

— Слишком просто, — возражаю я. — С простудой в больницу не положат.

— С по-настоящему тяжелой простудой?

— Ну, думаю, у вас получится.

— О боже мой, только не заболеть! — взвизгивает она с притворным ужасом.

— Может, немножко стоит?

— Но только чтоб вылечиться.

Я киваю и наклоняюсь поближе:

— Еще как вылечиться. — Нас разделяет не более дюйма.

Сестра обольстительно покашливает, склоняется еще и говорит:

— Вроде бы там, снаружи, свирепствуют весьма привлекательные недуги любовного свойства.

Получив номер ее домашнего телефона, я следую по направлению к палате Берка, четвертой слева по коридору. Всевозможные пациенты, не уstraшенные моим появлением, безмолвно шаркают мимо, когда я иду через холл. Тут и перевязанные раны, и лапы, соединенные с капельницами, и закрепленные на вытяжке хвосты, причем все эти дины, ясное дело, куда более озабочены состоянием своего здоровья, нежели появлением очередного посетителя в и без того переполненном отделении.

На дверях палаты висит грифельная доска с именами мистера Берка, а также его соседа, некоего Фелипе Суареса, и я, не забыв натянуть широкую улыбку, заглядываю внутрь. В этом мире существует два вида свидетелей: те, кто откликается на улыбку, и те, кто откликается на угрозы. Надеюсь, что Берк относится к первому типу, ибо я с большой неохотой даю волю рукам, не пуская их в ход без крайней на то необходимости, да и не колотил я никого последние девять месяцев; хорошо бы и дальше так. Не говоря уж о том, какое оскорбление я нанесу гуманным больничным правилам, наводя страх на госпитализированного Велосираптора.

Впрочем, пока об этом беспокоиться нечего: кровати окружены свисающими занавесками, так что взгляд мой натывается лишь на пару тонких белых полотнищ, лениво колышущихся от потолочного вентилятора, словно флаги сдавшейся крепости. Открытый стенной шкаф демонстрирует два одеяния на вешалках — пару незаполненных человеческих тел, склонившихся к дезинфицированному полу.

— Мистер Берк? — пробую я позвать.

Нет ответа.

— Мистер Берк?

— Он спит, — доносится слева голос столь флегматичный, что, похоже, владелец его совершенно одурманен лекарствами.

На цыпочках я захожу в палату и крадусь к занавешенной больничной кровати. Маленький силуэт за занавеской — мистер Суарес, я полагаю, — хрипит, словно старый «Шеви В-8», пытаюсь повернуться.

— Не знаете, когда он проснется? — спрашиваю я. С половины Берка не слышно ни звука. Ни вдоха, ни храпа.

— Кто проснется?

— Мистер Берк. Когда он обычно просыпается?

— Шоколад есть?

Разумеется, у меня нет шоколада.

— Конечно, есть.

Тень за занавеской кашляет и приподнимается в постели:

— Давайте сюда. Вы отдергиваете занавеску, даете мне шоколад, мы беседуем.

Я не могу вспомнить ни одного динозавра, которому бы нравился шоколад. Наши

вкусовые луковицы не способны ощутить богатую структуру столь беспорядочно организованного лакомства, и хотя со временем мы научились глотать всевозможные жирные субстанции, плоды рожкового дерева и его ближайших родственников никогда не занимали высокого места в списке наших естественных предпочтений. С другой стороны, иные дины готовы жрать все подряд. Подозревая, что откроется передо мной (господи, надеюсь, я ошибаюсь), я нерешительно отдергиваю занавеску...

Суарес оказывается Комппи. Я так и знал. И теперь мне предстоит общение с этой тварью. Это может затянуться на добрые шесть или семь часов.

— Ну? — вопрошает он, медленно разводя иссохшими слабенькими лапками. — Где шоколад?

Суарес безобразнее большинства виденных мною Комппи, но это, возможно, результат болезни, которую он умудрился подхватить. Шкура его беспорядочно испещрена зелеными и желтыми пятнами, и я не могу решить, лучше ли это обычного навозного окраса его вида. Гибкий клюв усеян язвами, маленькими гнойными отметинами, вызывающими в памяти старую изъеденную молью одежду, что чахнет в моем чулане. А голос его — этот голос! — точно как у водителя, оттащившего мою машину, только с легкой примесью веселящего газа.

— Ну, где шоколад? — скрежещет он, и я сдерживаю порыв удавить обладателя этих голосовых связок его же подушкой. Это было бы слишком просто.

— Шоколад потом, — сообщаю я, отодвигаясь от кровати. — Сначала расскажите мне о Берке.

— Сначала шоколад.

— Сначала говорить.

Компи капризничает. Я стою на своем. Он снова капризничает. Я настаиваю. Он колотит слабенькими кулачками по поручням кровати, а я широко зеваю, демонстрируя превосходную гигиену полости рта.

— Ладно, — сдается Комппи. — Что вы хотите знать?

— Когда просыпается Берк?

— Он не просыпается.

— Я понимаю, что сейчас он не просыпается. Я имею в виду, как долго он обычно спит?

— Он всегда спит.

Хватит с меня. Я лезу в карман и делаю вид, будто ухватил нечто размером со «Сникерс». Показывая Суаресу руку (пустую), я пожимаю плечами:

— Похоже, ты не получишь свой шоколад.

Господи, иногда приходится вести себя с этими тупицами, будто с малыми детьми.

— Нет-нет-нет-нет! — пронзительно верещит он все громче, доходя до таких высот, что и не снились величайшему из кастратов-контратеноров. Должно быть, по всей округе стаканы полопались.

Как только мои барабанные перепонки наглухо затворяют ставни, я наклоняюсь к кровати Берка и приглядываюсь. Ничего. Ни малейшего движения. И это после столь выдающейся какофонии... что ж, возможно, он действительно не просыпается.

— Ты хочешь сказать, что Берк в коме? — оборачиваюсь я к Суаресу.

— Ну. Кома. Кома. Шоколад?

Вот дьявол... Почему же Дан не упомянул об этом в клубе?

— Шоколад?

Уже нимало не беспокоясь, что разбужу свидетеля, я заглядываю за занавеску Донована Берка. Опрометчивый шаг. Меня окутывает дух человеческого праздника Благодарения, состоящий из тяжелых запахов копченого окорока и жареной индейки. Затем я вижу пропитанные спекшейся кровью повязки, за которыми плоть, истерзанная пламенем, — язвы, раны, сочится гной, похожий на заварной крем; я глаз не могу оторвать от обуглившейся шелухи, покрывшей бедного Раптора, столь сходного со мной размерами и статью.

Через несколько минут я прихожу в себя; коленки у меня подгибаются, руки дрожат. Все же я как-то умудряюсь удержаться на ногах да еще задернуть занавеску. Теперь за нею всего лишь неподвижная блеклая тень, которая может быть, а может и не быть изуродованным коматозным телом Донована Берка. И хотя я бесконечно счастлив оттого, что перед глазами у меня снова чистая белая кисея, все же ловлю себя на извращенном желании разодрать ее и вновь погрузиться в созерцание — как будто впитывая взглядом результаты столь ужасной катастрофы, я смогу отвести ее от себя самого. Однако настойчивый вой Суареса обрывает мои фантазии.

— Шоколад!

— Говорит... говорит он когда-нибудь? — спрашиваю я.

— А, да, бывает — говорит, — отзывается Комп. — Очень громко. Громко-прегромко.

Выходит, это не кома. Я решаю не посвящать Суареса в медицинские тонкости.

— Бывает, что говорит... *что именно он говорит?* — меньше всего мне хочется в результате этой авантюры начать говорить, как Комп.

— Ну... это... имена зовет. Он зовет: «Джудит, Джудит» и стонет потом. Очень громко.

— Джудит?

— А еще он зовет Джей Си!

— Джей Си? Инициалы?

— Джудит, Джудит! — хохочет Суарес, брызгая слюной на простыни. — Джей Си! Джудит!

Я провожу рукой по волосам — жест, который подхватил еще мальчишкой, когда учился вести себя, как подобает настоящему человеку. Сей невербальный сигнал предназначен выражать отчаяние или что-то в этом роде, как мне объясняли тогда, и впоследствии я так и не смог от него отделаться.

— Что еще он говорит? Продолжай.

— Маму, бывает, зовет, — будто величайшую из тайн выдавливая из себя Суарес, — а другой раз как заладит: «Джудит! Джудит!»

Теперь, полагаю, самое время все это записать. Я начинаю страницу словами «зовет Джудит» — хотя бы потому, что Комп никак не может заткнуться и продолжает выкрикивать это имя. Вторая запись — «Джей Си», «мама» — третья. Прости, мама.

— К нему еще кто-нибудь приходил?

— Ко мне приходили! — взвизгивает Суарес и приступает к демонстрации целой кучи фотографий девять на двенадцать, валяющихся на его тумбочке. Среди них и вполне оправданные изображения других Комп, маленьких жилистых созданий, явно состоящих в родстве с мистером Фелипе Суаресом, но есть и другие, чуть более подозрительные — моментальные снимки привлекательных Стегозавров и Бронтов — скорей всего, окантованные фотографии моделей, извлеченные из рамок.

— Просто очаровательно, — причмокиваю я. — Очень мило. — Я закрываю глаза и... да, так и есть, новый приступ мигрени захлестывает мозги. Я глубоко вздыхаю и медленно говорю: — Я хочу знать... были ли у него... у мистера Берка... Раптора, лежащего в той кровати... какие-нибудь посетители.

— Э-э... — часто-часто моргает Суарес. — Э-э-э...

— Ты понял?

— Э-э-э... Да. Да.

— Да, у него были посетители, или да, ты понял?

— Да — посетители. Один. Один посетитель.

Наконец-то.

— Это был родственник? Приятель?

Суарес склоняет голову набок, словно пес, ожидающий, *когда же ты наконец кинешь эту чертову палку*, и клюв его изгибается в ухмылке.

— Кто это был? Ты слышал имя?

— Джудит! — вопит он и взрывается хохотом. — Джудит, Джудит, Джудит!

Я шарахаюсь от Суареса, в ушах звенит. С Компи всегда так — чертову уйму времени тратишь, пытаешься добиться ответа, а в результате остаешься ни с чем. Подумываю, не попросить ли порыться в записях о посетителях Берка мою новую подружку-медсестру — ее зовут Рита, и она Аллозавр, не хухры-мухры! Уверен, для меня она сделает это, несмотря на весьма спорную законность такого поступка, однако не хочется навлекать на нее неприятности. Во всяком случае, пока, в мое отсутствие и на трезвую голову.

Однако, проходя мимо, я слегка ей киваю, мол, увидимся позже, а она в ответ подмигивает.

— Возможно, вам следует удалить шоколад из диеты мистера Суареса, — советую я, выпуская остатки злости на Компи, нарушившего своей бестолковостью присущую мне нерасположенность к причинению страданий немощным и убогим. — Он явно превысил норму. — И я, пятась, захожу в лифт.

Рита прикусывает нижнюю губу — ах господи, она это умеет, я просто схожу с ума, глядя на эту куколку, — и говорит:

— Это предписание врача?

— Более того, — отзываюсь я. — Это предписание Винсента.

Двери сходятся, и я поздравляю себя с тем, какая же я ловкая рептилия.

Снова оказавшись в конторе, я нахожу себе отличную работенку: крою по телефону Дана, почему не сообщил мне, в каком прискорбном состоянии находится Берк, на которого я весь день угробил; однако мысли мои далеко. Вопреки моим смутным подозрениям, пожар в «Эволюция-клубе», как бы трагичен он ни был, имеет все признаки несчастного случая, так что я вполне готов составить отчет, получить у Тейтельбаума свою тысячу баксов и наконец завалиться спать.

— Если тебе от этого легче станет, — говорит Дан, — я получил кое-какие сведения о парне. Просто записи полистал. Могу сбросить на факс.

— Что-нибудь интересное?

— Дата рождения, послужной список и так далее. Нет, ничего интересного.

— Все-таки пришли, — говорю я. — Осчастливлю клиента.

За те две минуты, что уйдут на изучение факса, Тейтельбаум сможет приписать к счету страховой компании лишние десять минут: дневной тариф отталкивается от среднестатистических норм, и гонорар взлетает до небес.

Вскоре из факса вылезают шесть из восемнадцати оставшихся у меня листов бумаги. За неплатежи изъяли большую часть моей мебели, в том числе столы, шкафы, жалюзи, но одна телефонная линия и факсовый аппарат у меня все же остались, напоминая о тех днях, когда я за все платил звонкой монетой.

Обычный вздор, бесполезная информация, ничего или почти ничего для меня нового. Донован Берк, родился на восточном побережье и все такое прочее, родители умерли и тому подобное, женат не был, детей нет, так, управляющий ночным клубом, дальше, до «Эволюция-клуба» работал в Нью-Йорке на...

Оп-ля. Вот это уже интересно.

До «Эволюция-клуба» работал в Нью-Йорке на покойного Раймонда Макбрайда. Похоже, мистер Берк вел дела в клубе Макбрайда «Пангея» в Верхнем Уэст-Сайд, а два года назад поспешно удрал из города, объясняя это «творческими разногласиями» с плейбоем-владельцем. В течение нескольких недель он отыскал способ обосноваться в Студио-сити, явно не тратя слишком много времени на то, чтобы обрести богатство и славу по-лос-анджелесски.

Занятно, спору нет. Полезно? Вряд ли.

А вот действительно пикантная подробность примостилась в самом низу страницы: жена Макбрайда была вовлечена во все ежедневные дела ночного клуба для крутых динов. Жена Макбрайда работала бок о бок с Донованом Берком в «Пангее». С женой Макбрайда

возникли у Берка «творческие разногласия», и именно она отослала ему за три тысячи миль чемодан с вещами.

Зовут ее, разумеется, Джудит.

Я звоню Дану и сообщаю, что получил факс.

— Чем-нибудь помог? — спрашивает он.

— Нет, — отзываюсь. — Совершенно ничем. Но все равно, спасибо.

Следующий мой звонок — дорожному агенту «ТруТел», и не проходит трех часов, как я лечу через всю страну ночным рейсом за 499 долларов в оба конца, по направлению к Уолл-стрит. *Начнем делиться новостями.* ²

5

Полет ничем не примечателен, тем не менее, когда мы садимся, человечья часть пассажиров хлопает в ладоши, словно ожидала иного завершения вечерних увеселений. Я этого никогда не понимал; сам я рукоплескал на борту самолета один-единственный раз — когда вместо полагающейся мне коробки арахиса получил по ошибке две. Дело прошлое, но лучше бы я тогда не шумел, потому что стюардесса обнаружила, что обсчиталась, и забрала у меня лишнюю порцию.

Тейтельбаум меня убьет и повесит на стену в качестве трофея, если узнает истинную причину этой поездки. Я сообщил ему, что кое-какие следы ведут в Нью-Йорк, попросил корпоративную кредитную карту (с лимитом в пять тысяч долларов, без дураков!), и он принялся тянуть из меня жилы по телефону.

— Ты что-то нарыл? Увяз в этом деле?

— Ну, да. Поэтому и вынужден лететь. В интересах страховой компании.

— И никакой ерунды с твоим покойным партнером?

— Боже упаси. Ничего подобного.

Но если дело связано с Макбрайдом, тогда у меня, разумеется, могут возникнуть вопросы, касающиеся его смерти, а если мне придется задавать вопросы, касающиеся смерти Макбрайда, я могу случайно наткнуться на информацию об одном из частных сыщиков, расследовавших тот случай, то есть моем «покойном партнере» Эрни. Естественно, я не стал все это объяснять Тейтельбауму. Достаточно ему того, что страховая компания раскошелится тем больше, чем основательнее вздуть накладные расходы, а теперь в них входит пребывание во втором по расточительству городе Америки. Остается только надеяться, что в следующий раз кого-нибудь прихлопнут в Лас-Вегасе.

Я предпочел не брать машину напрокат — мудрое решение, если верить остановленному мной таксисту. Ездить по Нью-Йорку — особое искусство, поведал он мне с неопределимым акцентом, и я рассудил, что профану лучше в это дело не соваться. Хотя таксист и человек, но тоже обладает своим запахом, пусть это и не осенний аромат соснового бора в утренней свежести, мягко говоря.

— Куда вас рулить? — спрашивает он, и мне вдруг кажется, что я вновь общаюсь с Суаресом. Способен кто-нибудь, кроме меня самого, изъясняться на нормальном языке? Но он всего лишь человек — похоже, иностранец, к тому же и говорит на моем родном языке лучше, чем я на его (если только он не из Голландии — мой голландский почти идеален).

— Макбрайд-билдинг, — бросаю я, и он врывается в поток, тут же выжимая не меньше девяноста миль в час, пока через полквартала не бьет по тормозам. Как хорошо, что я не поел перед поездкой. В следующий раз он открывает рот уже на Манхэттене.

— Вам дело в «Макбрайде»? — спрашивает он, в который раз оглядывая меня в зеркале заднего обзора. Я бы предпочел, чтобы он уделял побольше внимания управлению автомобилем.

² Строка из песни Фрэнка Синатры «Нью-Йорк, Нью-Йорк».

— У меня есть дело в «Макбрайд-билдинг». Сегодня вечером.

— Большой человек — Макбрайд.

— Большой человек, — запнувшись, повторяю я.

Всякий раз, когда машина тормозит и останавливается, перед глазами у меня проносятся картины последнего пребывания в Нью-Йорке, расплывчатые очертания полицейских участков и свидетелей, недостающих улик и грубых пренебрежительных отказов. И нескончаемые ряды супермаркетов. В Нью-Йорке, если мне не изменяет память, совершенно убойный майоран, а вот их запасы греческого пажитника явно недостаточны.

В любом основательном расследовании не обойтись без соответствующего снаряжения, а я, по причине недавних своих финансовых затруднений, оснащен не лучшим образом. Так что я подумываю, не попросить ли шофера притормозить у ближайшего универмага, чтобы с толком распорядиться кредитной картой «ТруТел» для покупки необходимых вещей, однако сомневаюсь в способности массовой продукции обеспечить мне надлежащую индивидуальность.

На углу Пятьдесят первой и Легсингтон-авеню я останавливаю такси у настоящего нью-йоркского шляпника и покупаю черно-коричневую фетровую шляпу.

На Тридцать девятой я покупаю пальто-тренч. Удачная покупка, если учесть, что сегодня на Манхэттене двадцать восемь градусов.

Сразу за Канал-стрит я приобретаю пачку сигарет без фильтра, не купив при этом ни зажигалки, ни спичек. Сигарета должна висеть на губе, висеть, и только.

Весь теперь расфуфыренный, я вновь требую отвезти меня в «Макбрайд-билдинг», и мы сворачиваем к финансовому сердцу города. Через несколько минут я вижу цель моих передвижений, бесцеремонно пробивающую искусственный горизонт.

«Макбрайд-билдинг», последние десять лет зримый отовсюду символ капитализма высотой в восемьдесят этажей и шириной в целый квартал, топорщится, словно напрягшийся на подиуме культурист. Зеркальные поверхности этого шедевра архитектуры всасывают улицы города и выплевывают их, только уже богаче и живее окрашенными.

Ладно, согласен, на засаленно-кричащий манер все это очень неплохо, хотя я, глядя на такое чудовище, не могу отделаться от мысли о гигантском посеребренном презервативе. Надеюсь, этот предательский образ не станет терзать меня во время встречи с миссис Макбрайд — в том случае, если я смогу добиться этой встречи.

Внутри зеркальная тема продолжается, мои отражения преследуют меня, куда бы я ни направлялся. Я несколько раз мельком оцениваю свой новый облик; пальто как на меня сшито, несмотря на окутавшую город тропическую жару, а шляпа заломлена так лихо, что угрожает свалиться в любую секунду. Вокруг снуют люди и дины, источая всю палитру запахов. Я ловлю обрывки разговоров насчет закупок, слияний и скачек. Изрядную часть вестибюля занимает мощная гранитная стойка приемной; сквозь толчею деловых созданий я замечаю фигурку замотанного секретаря.

— Доброе утро, — говорю я, поправляя на плече мой винно-бордовый саквояж. — Я бы хотел договориться о встрече с миссис Макбрайд.

Одним лишь мимолетным смешком секретарша, ведущая прием посетителей в «Макбрайд-билдинг», проявляет себя и более приятной, и куда более пугающей, нежели предыдущий мой цербер — сестра Фицсиммонс.

— Вы хотите видеть Джудит Макбрайд? — произносит она так, что притаившийся за зубами сарказм скребет по эмали, норовя выпрыгнуть наружу.

— И как можно быстрее, — киваю я.

— Так вам назначено?

Она прекрасно знает, что нет. Господи, на плече у меня дорожная сумка!

— Да, да, конечно.

— Ваше имя?

Какого ей черта!

— Меня зовут Донован Берк.

Не дернула ли она бровью? Не наострила ли уши? Или это мой разум вновь затянул старую параноидальную песенку? Мне хочется спросить, знала ли она Эрни, видела ли его здесь, но я прикусываю язык от греха подальше.

Секретарша снимает трубку и набирает добавочный номер.

— Ширли? — говорит она. — Здесь один парень утверждает, что у него назначена встреча с миссис Макбрайд. Нет. Нет, не знаю. Он с чемоданом.

— Это саквояж. Я только что прилетел с побережья, — бормочу я. — Противоположного. — С каждой миллисекундой моя сумка становится все тяжелее.

— Так, так, — кивает трубке секретарша, глаз с меня не спуская, в то время как я борюсь со своим багажом. — Говорит, его зовут Донни Берк.

— Донован Берк. Донован.

— О, простите.

— Я только этим и занимаюсь.

— Донован Берк, — уточняет она для Ширли, а затем мы оба ждем, пока Ширли поищет имя в книге посетителей, причем все мы втроем прекрасно знаем, что его там нет и быть не может. Обнажив полный рот коронок, секретарша одаряет меня тигриной улыбкой, рука ее все ближе и ближе к тревожной кнопке, если под столом есть такая.

— Прошу прощения, сэр, но мы не можем найти вас в списке. — Она кладет трубку на рычаги.

Я изо всех сил таращу глаза, изображая потрясение и изумление. Затем скорбно киваю, будто ожидал и такого поворота событий:

— Джуди, Джуди, Джуди... Джудит и я... у нас... мы повздорили. Но если бы вы попросили Ширли — ведь ее так зовут, Ширли? — передать миссис Макбрайд, что я здесь, то, уверяю вас, она обязательно захочет меня видеть. Мы друг друга тысячу лет знаем.

Очередная фальшивая улыбка, очередной насмерть пронизывающий взгляд. Она неохотно тянется к трубке:

— Ширли, это снова я...

Я хожу взад-вперед, ожидая в уголке, пока Ширли и секретарша в приемной вдоволь наболтаются. На этот раз, всего несколько минут спустя — секунд! секунд! — ко мне с неожиданным почтением обращается секретарша и сообщает, что миссис Макбрайд примет меня сейчас, извините за беспокойство, в своем кабинете на семьдесят восьмом этаже.

Скоростной лифт. Это я люблю. Хорошо, что у меня нет евстахиевых труб.

На сорок шестом этаже два дина в облачении здоровенных охранников — черные костюмы, наушники с микрофонами и так далее — входят в лифт и застывают у меня по бокам. Они излучают физическую силу, и я не удивлюсь, если каждый припас немного песка, чтобы швырнуть мне в лицо. Я с трудом сдерживаю порыв поразмять мускулы.

— Доброе утро, ребята, — говорю я, слегка касаясь шляпы. Движение это приятно щекочет меня где-то в архетипической глубине сыщицкого подсознания, и я решаю как можно чаще касаться шляпы.

Они не откликаются.

— Отлично выглядите в этих костюмах. Хороший выбор, куда ни глянь.

И снова никакой реакции. Их феромоны — темный, тяжелый запах забродившего овса с пивными дрожжами — уже окутали весь лифт, захватив заложником мой собственный восхитительный аромат.

— Если б меня спросили, — продолжаю я, повернувшись к тому бегемоту, что слева, — а я, позвольте вас заверить, в этом разбираюсь, я бы сказал, что вы...э-э... Аллозавр, а этот вот шалунишка — Камптозавр. Прав я или не прав?

— Угомонись. — Мягко, но убедительно. Я тут же подчиняюсь.

Самое подходящее слово, чтобы описать офис Джудит Макбрайд, занимающий весь семьдесят восьмой этаж, это «шикарно». Слово дня, тут не поспоришь. Шикарные ковры, шикарные драпировки, шикарный вид на Гудзон и далекий Статен-Айленд из окон во всю стену. Доведись мне оказаться в здешнем сортире, не сомневаюсь, и там обнаружил бы, что

воду они тоже умудрились сделать шикарной, уж не знаю как, с помощью сахарозаменителя.

— Миленькая берлога, — делюсь я со своими чрезмерно мускулистыми приятелями. — На самом деле, во многом в точности как моя контора... тоже квадратная.

Их это не позабавило. Я не удивлен.

— Мистер Берк? — Это Ширли, пресловутая Ширли зовет меня из-за двойных дверей. — Миссис Макбрайд ждет.

Стража занимает места по обе стороны двери, а я, натянув шляпу на глаза, вступаю во внутреннее святилище. Задача состоит в том, чтобы, сдержанно начав, медленно довести разговор до густой кофейной пены и, возможно, присыпать сверху парой-тройкой вопросов об Эрни. Здесь парит полумрак, вертикальные жалюзи отбрасывают на ковер решетчатые тени. К счастью, зеркальная тема здесь не повторяется, так что я, наконец, могу распрощаться с беспорядочными мыслями о *гондонном доме, гондонном доме, гондонном доме...* Взамен все стены тут заняты всевозможной живописью, скульптурой и прочей ерундой, так что понимаю я хоть что-нибудь в изобразительном искусстве, наверно, поразился бы богатству коллекции миссис Макбрайд. Может, тут и Пикассо есть, может, несколько Модильяни, но лично меня больше всего впечатлил бар в дальнем углу.

— В моем-то офисе бара нет, — говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь. За мной тихо затворяются двери.

— Донован? — от письменного стола отделяется тень и застывает за спинкой стула. — Это действительно ты? — В голосе ее слышится показной аристократический надрыв, присущий тем, кто желает произвести впечатление родившегося в роскоши, а не завоевавшего свой нынешний высокий статус.

— Доброе утро, миссис Макбрайд.

— Господи... Донован, ты... ты прекрасно выглядишь. — Она так и стоит, будто замороженная.

— Похоже, ты удивлена.

— Конечно удивлена. Я слышала о пожаре и... — Теперь миссис Макбрайд дергается, простирает руки и делает шаг вперед, будто хочет обнять меня, спасите, только этого мне не хватало.

Мы обнимаемся, и меня охватывает чувство вины. Я застываю. Она отступает и охватывает меня цепким взглядом.

— Ты сменил обличье.

— В некотором смысле.

— Черный рынок?

— Все, о чем неизвестно Совету... — бормочу я с деланным безразличием.

— Старое мне больше нравилось. В этом ты слишком... слишком похож на Богарта.

Я не могу скрыть улыбки. Богарт! Великолепно! Не совсем то, чего я добивался, но достаточно близко. Но теперь она пятится и так глядит на меня исподтишка, что чувствую: пора выпускать кота из мешка.

Аккуратно, нежно — я признаюсь во всем:

— Миссис Макбрайд, я вовсе не собирался вас беспокоить... я не Донован Берк. — Я готовлюсь к надвигающейся буре.

Ничего такого не происходит. Джудит Макбрайд лишь молча кивает, ее большие карие глаза наполняются тревогой.

— Так это вы? — Она делает еще шаг назад, словно в нервном каком-то вальсе. — Это вы убили Раймонда?

Замечательно. Теперь она принимает меня за убийцу мужа. Если она закричит, все пропало — гроша ломаного не поставлю на то, что эти горы мяса из лифта не дежурят у дверей, готовые вломиться сюда в любую минуту, сделать из меня отбивную и вышвырнуть с семьдесят восьмого этажа прямо в уличную давку. Тогда останется надеяться только на то, что моя кровь и мозги расплещутся соответствующим архитектуре здания художественным узором. Вот если бы вовсе избежать этой ситуации...

Я кротко демонстрирую, что руки мои свободны от оружия.

— Я не убийца, миссис Макбрайд. Я здесь не за этим.

По лицу ее скользит облегчение.

— У меня есть драгоценности, — шепчет она. — В сейфе. Я могу открыть его.

— Мне не нужны ваши драгоценности.

— Значит, деньги...

— Мне и деньги ваши не нужны. — Я лезу в карман пиджака; она застывает, зажимается в ожидании пули или кинжала, что отправят ее на встречу с мужем в Валгаллу для динов. Почему же она не кричит? Неважно. Я вытаскиваю удостоверение и кидаю к ее ногам. — Меня зовут Винсент Рубио. Я частный детектив из Лос-Анджелеса.

Гнев, разочарование, замешательство — лишь некоторые из эмоций, искажающих черты Джудит Макбрайд, словно карнавальные маски.

— Вы обманули секретаршу в приемной.

— Именно так, — киваю я.

К ней возвращается самообладание, румянец вновь окрашивает лицо зрелой дамы. В уголках глаз появляются гусиные лапки.

— У меня есть связи. Я могу лишить вас лицензии.

— Похоже на то.

— Я могу немедленно выкинуть вас отсюда.

— Вне всякого сомнения.

— Так что же заставляет вас думать, что я не сделаю этого?

Я пожимаю плечами:

— Может, вы мне объясните?

— Кажется, вы полагаете меня всем этим заинтригованной. Будто я очень хочу выяснить, зачем вы явились сюда, прикинувшись старым деловым партнером.

— Вовсе не обязательно. — Я наклоняюсь, чтобы подобрать с ворсистого ковра свое удостоверение. — Может, вам просто не с кем словом перемолвиться. Может, вам не хватает собеседника.

Она улыбается, сразу помолодев лет на десять:

— Вам нравится ваша работа, мистер Рубио?

— Бывают моменты.

— Например?

— Например, обнять красивую женщину, принявшую тебя за другого. — Шуточки. Шуточки, шуточки. Люблю это дело. Это игра, состязание, и я никогда не проигрываю.

— Хеммета начитались, не так ли? — интересуется она.

— Никогда о таком не слышал.

— Рубио... Рубио... — Миссис Макбрайд опускается в кресло за письменным столом. — Что-то знакомое. — Пальцы ее подрагивают, голова склоняется набок; она пытается извлечь мое имя из пучины воспоминаний, связанных с убийством мужа.

— Я пытался расспросить вас девять месяцев назад.

— О Раймонде?

— О Раймонде и о моем партнере.

— И что же вам помешало?

— Думаю, я не смог добиться встречи.

— Думаете?

— Это была трудная неделя, — объясняю я.

Прищурившись, она кивает и спрашивает:

— Кто был вашим партнером?

— Его звали Эрни Ватсон. Его убили, когда он выяснял причины смерти вашего мужа. Имя не кажется вам знакомым?

Она качает головой:

— Ватсон... Ватсон... Нет, не помню.

— Карнотавр, примерно метр семьдесят пять, пахнул, словно копирка? — Я сразу начал неправильно, память об Эрни овладевает моими губами, вопросы сыплются сами собой, так что удержать их стоит невероятных усилий.

— Сожалею, мистер Рубио. Больше мне нечего сказать.

Некоторое время мы молча изучаем друг друга. У нее глубокий запах. Сложный. Розовые лепестки, летящие через кукурузное поле, хлорные таблетки в апельсиновой роще. И еще что-то неопределимое, почти металлический запах, растворенный в ее природном аромате, придающий ему какой-то неумолимый оттенок.

Человеческая оболочка Джудит Макбрайд достаточно симпатична, без чрезмерного великолепия. Как правило, мы, дины, стараемся не привлекать внимания к нашей фальшивой внешности и создаем одеяния, не вызывающие излишнего интереса со стороны людей: нас и так подстерегает бесчисленное множество скрытых ловушек. Была у меня одна из Орнитомимов, так она настояла на сногшибательном облачении — формах, скажем, на 314 баллов по десятибалльной шкале, будто неудачный эксперимент стеклодува, — и в результате стала одной из самых знаменитых в мире манекенщиц, демонстрирующих купальники. Но вот, когда во время съемок в бикини на Фиджи у нее не сработала молния, все сообщество динов оказалось чуть ли не на грани кризиса. К счастью, фотограф был одним из наших и успел привести все в порядок, прежде чем заметил кто-либо из чужаков. Съемка продолжалась, как положено, крамольные негативы были уничтожены, не успев попасть в темную комнату, и мир так и не узнал, что из-под очаровательной лодыжки выступает, зарывшись в песок, зеленая трехпалая лапа, искусно скрытая камнями, морской водой и водорослями.

— Итак, — прерывает молчание Джудит, — теперь вы вернулись, чтобы поговорить об убийстве моего мужа.

— И о других материях. — Необязательно сразу переходить к Доновану Берку. Если она желает говорить о смерти Макбрайда, я еще как рад буду послушать.

— Я уже все рассказывала полиции. Сотни раз. И целому эскадрону частных детективов вроде вас, нанятых то одной, то другой компанией. Я и собственных детективов нанимала.

— И?

— И они остались с пустыми руками. Все до единого.

— Что же вы им рассказали?

Она поддерживает нашу игру:

— А газет вы не читаете?

— Нельзя доверять всему прочитанному. Почему бы вам не повторить мне то, что говорили копам?

Миссис Макбрайд глубоко вздыхает и, прежде чем начать, усаживается в кресле с широкой спинкой:

— Я рассказала им то же, что и всем остальным. Что рождественским утром я пришла в офис Раймонда, чтобы вернуть с ним подарки. Что обнаружила мужа лежащим ничком на ковре в луже крови. Что с криком выбежала на улицу. Что очнулась через час в полицейском участке, не вполне понимая, как я там очутилась и что вообще произошло. Что рыдала шесть месяцев кряду и лишь теперь нашла в себе силы откладывать слезы на вечер, когда оказываюсь в постели одна. — Нос у нее дрожит; она замолкает, переводя дыхание, и смотрит мне в глаза. — Примерно это вы хотели услышать, мистер Рубио?

Вот самый подходящий момент для соболезнований. Я снимаю шляпу, обнаружив при этом еще одно назначение моего новоприобретенного аксессуара, и говорю:

— Я глубоко сочувствую постигшей вас утрате, мадам. Мне известно, как это может быть тяжело.

Отрывистым кивком она принимает мои соболезнования, и я возвращаю шляпу на место.

— Они обшарили весь офис, — продолжает вдова, — они обшарили наш дом. Я

предоставила им всю финансовую документацию — ладно, почти всю, — и никакого толку.

— Расследование... затянулось, как говорится?

— Скончалось, как говорится, — уточняет она.

— А как насчет отчета коронера?

— Что?

— У вас есть копия?

Джудит качает головой, тербит блузку.

— Думаю, копия осталась в полицейском участке.

— Надеюсь. Вы запомнили что-нибудь из отчета?

— Например?

— Например, убил вашего мужа другой дин или нет. — Эту информацию в Совет не передавали — «они над этим работают», как я слышал перед самым изгнанием из рядов, и я очень сомневаюсь, что судебные светила собрали все данные воедино за прошедшие девять месяцев.

— Я не знаю, что они там решили, но сама не верю, что на него напал дин.

— Вы так думаете или вы знаете это?

— Никто не знает, но я совершенно уверена.

— Откуда такая уверенность?

— Мне сказали, что он убит из огнестрельного оружия. Этого вам недостаточно?

Я пожимаю плечами:

— Случается, и мы носим оружие. Капоне и Элиот Несс — вот два Диплодока, именно так решавшие вопросы, сами знаете.

— Ну, так я нутром это чувствую. Мне кажется, представители вашей профессии часто действуют по наитию, разве нет?

— Если интуиция оправданна, она может стать мощным оружием, — соглашаюсь я.

— Думайте, что хотите, мистер Рубио. — Она бросает взгляд в зеркало, поправляет прическу. Джудит Макбрайд явно собирается поставить точку в разговоре. — В полдень я приглашена на обед, я не сказала?

— Мы почти закончили, — заверяю я. — Еще несколько минут, пожалуйста. У вашего мужа были враги? Дины или люди? — Ненавижу этот вопрос. Любой с такими деньжищами просто обязан иметь врагов, хотя бы потому, что в глубине души никто не любит тугие кошельки в чужих карманах.

— Разумеется у него были враги. Он был очень удачлив. В этом городе такое небезопасно.

Пора ее озадачить. Я достаю сигарету, щелчком подбрасываю ее ко рту. Пока она медленно, как в кино, летит к моим губам, словно вырвавшаяся из рук дирижерская палочка, я соображаю, что несмотря на все мои фантазии, практики здесь у меня никакой. Первый блин бьет меня по носу, и сигарета падает на пол. Очень непрофессионально. Я застенчиво ухмыляюсь и поднимаю сигарету.

Миссис Макбрайд хмурится:

— Мы не разрешаем курить в «Макбрайд-билдинг», мистер Рубио. Старое правило моего мужа, и я не вижу причин его отменять.

— Я не собираюсь курить. — Еще один щелчок, и на этот раз я ловлю сигарету на край губы. Превосходно. Теперь она висит, как положено. Совсем хорошо.

Миссис Макбрайд смеется, и в этой улыбке растворяются еще десять лет морщинок и прочих изъянов. Если я смогу радовать ее и дальше, она вернется в свою предыдущую жизнь. Но у меня другая работа.

— Расскажите мне о Доноване Берке, — прошу я, и улыбка тут же сходит с ее лица. Я наблюдаю, как она пытается с этим бороться, напрягает губы, принуждает, натягивает, но улыбка не возвращается.

— Здесь не о чем говорить.

— Я не прошу излагать его жизнеописание. Меня просто интересуют ваши отношения.

Я извлекаю новехонький блокнот из моего новехонького пальто и распечатываю пачку новехоньких ручек. Сигарета все еще на месте, я готов действовать.

— Наши отношения? — переспрашивает миссис Макбрайд.

— Ваши с мистером Берком.

— Вы намекаете...

— Я совершенно ни на что не намекаю.

Джудит вздыхает — чуть заметное колебание воздуха, закончившееся сдавленным писком тушканчика. Уж я наслушался свидетельских вздохов.

— Он служил у моего мужа. Я в основном встречала его на званных обедах. Несколько раз мы посещали с Донованом и Джейси различные мероприятия, сидели вместе за столом и тому подобное.

— Джейси? — Всплыло новое имя.

— Невеста Донована. Вы ведь говорили, что работаете частным детективом, или как?

— Невеста... да... — Должно быть, это и есть «Джей Си», к которой зывал Берк из глубин своей комы. «Джей Си», Джейси... немудрено ошибиться. В досье, присланном Даном, не упоминается ни то, ни другое. Чем чаще я общаюсь со своим полицейским дружкой, тем больше убеждаюсь, каким неистощимым источником отсутствия информации он является.

— Джейси Холден, — уточняет миссис Макбрайд. — Прелестная девушка, просто замечательная. Была членом Совета.

— Муниципального или окружного?

— Муниципального. — Она роется в столе в поисках фотографии; обнаружив, поворачивает ко мне лицом.

— Этот снимок был сделан три или четыре года назад на благотворительном ужине в пользу одной больницы, здесь, в Нью-Йорке. Мы с Раймондом поддерживали детский медицинский центр.

— Ну разумеется. — Я рассматриваю фотографию вблизи, затем на расстоянии вытянутой руки. Глаза у меня не те, что были раньше, да и проглоченная по дороге веточка базилика как раз начинает действовать, усугубляя проблему со зрением.

Я узнаю Джудит в голубом платье, что посрамило бы само небо; вокруг шеи у нее, словно облака, пляшут жемчужины. По правую руку расположился Раймонд Макбрайд, верный муженек; выглядит он шикарно: черный галстук, бриллиантовые запонки, широкий пояс перекошен, будто «Титаник». Эта парочка сразу кажется знакомой; даже если бы я никогда не общался с Джудит, непременно узнал бы состоятельную чету в их человеческом обличье по фотографиям в изрядном количестве прочитанных мною в свое время (только в очередях, клянусь!) бульварных газетенки.

Прежде мне никогда не попадались на глаза их сотрапезники, ни на фотографиях, никак иначе, но ясно, что влюблены они по уши, по крайней мере, в физическом смысле. Меня буквально захлестывают волны страсти, исходящие от снимка; глянцева поверхность фотографии возбуждает окружающее пространство. Могу вам доложить, что Донован, щеголеватый молодой Раптор, выглядит куда лучше, нежели в больнице, и сердце мое послушно отбивает чечетку, оплакивая родственную душу. Его же пассия в тот невозвратно минувший вечер выглядит здоровой кобылкой с широким задом и мощными бедрами. Разумеется, может оказаться, что это характеризует лишь ее человеческую личину — например, у большинства оболочек модели «Накитара» есть родимое пятно на заднице, — но я чувствую, что истинное тело вполне соответствует костюму. Рыжеватые волосы до плеч окаймляют лицо, вполне миловидное, однако ничего такого, чтобы по нему особенно убиваться.

— Милая пара, — говорю я. — Хорошее все же дело женитьба.

Миссис Макбрайд убирает снимок.

— Несомненно, — затем добавляет, словно невзначай, хотя, ясное дело, это не так: — Вы женаты, мистер Рубио?

— Пожизненный холостяк.
— Это значит, что вы всю жизнь холостяк или собираетесь навсегда им остаться?
— Надеюсь, первое. Хотелось бы мне побыстрее найти симпатичную самочку Раптора. Такую, как госпожа Холден.

— Если вам нужен Раптор, то Джейси Холден не подходит. — Миссис Макбрайд подергивает губами, будто выпила кислого вина. — Она Колеофизис.

Вот это уже лучше.

— Мне казалось, вы упомянули, будто они помолвлены.

— Были.

— Выходит, они не собирались заводить детей?

— Собирались.

Я часто моргаю. Я забыл о своем блокноте — и впоследствии очень пожалею об этом, — но я действительно озадачен. Случайные связи динозавров различных видов вполне обычны, так же как и браки, если пара не обеспокоена продолжением рода. Но факт остается фактом: в смешанных браках дины не способны производить детей, и ничего тут не попишешь.

Эта ограниченность наших репродуктивных возможностей не является социальной, как в человеческом мире, где без конца спорят об этом — повсюду, вплоть до государственного телевидения. Мы же, как род, не позволяем себе столь вопиющего резонерства. У нас это всего лишь вопрос физиологии: Велосираптор-папа плюс Велосираптор-мама производят помет Велосирапторов-деток, в то время как Велосираптор-самец плюс Колеофизис-самка, хоть и рады подчас провести веселую ночь, никогда не получают в результате малютку Велосифизиса. Кроме... кроме...

— Доктор Эмиль Валлардо? — задаю я вопрос. Миссис Макбрайд поражена:

— Вы знаете о его работе?

— Я состою в Южнокалифорнийском Совете. Ну... это... состоял...

— Состояли?

— Очищение рядов.

— А-а, понимаю.

— Это вовсе не то, что вы думаете, — пускаюсь я в объяснения. — Я некорректно распорядился определенными суммами и допустил незначительное превышение власти. — На самом деле я некорректно распорядился двадцатью тысячами, и превышение никак нельзя назвать незначительным, а вдобавок угрозы, использование в личных целях авторитета Совета, да что там говорить. Но все это во имя Эрни, и я бы все повторил не задумываясь. — Так вот, — продолжаю я, — мне известно о разработках Валлардо.

— Он хороший человек. — Услышав это, я пожимаю плечами. Меньше всего мне хочется пускаться в философскую дискуссию о межродовом потомстве; эта тема из разряда тех, что способны в считанные минуты погубить любую вечеринку, и я представить себе не могу, куда она способна завести нашу беседу.

— Насчет мистера Берка... с ним, полагаю, ничего не вышло? С ним и его невестой?

— Нет, не вышло, — помолчав, отвечает она. — С тех пор, как Донован уехал в Калифорнию, они больше не вместе.

— Они расстались из-за доктора Валлардо?

— Точно не знаю... я думаю, что нет. Он должен был помочь им.

— И помог?

— Помог? Не уверена. Мне кажется, нет. Донован и Джейси очень любили друг друга, но трудно представить себе, насколько может изменить отношения неспособность к деторождению.

Я меняю тему:

— Почему мистер Берк отправился в Калифорнию?

— Опять-таки, не знаю.

— Какие-то личные проблемы? Наркотики? Азартные игры?

Джудит снова вздыхает и, похоже, собирается закончить разговор.

— Вы слишком многого от меня хотите, мистер Рубио. Я не всегда помню происшедшее со мной — куда уж мне разобраться в деталях жизни Донована.

— Он работал на вас, насколько я понимаю. Боссы многое подмечают.

— Я не сую нос в личные дела персонала.

Неплохо бы ей поговорить с Тейтельбаумом.

— Мне кажется, речь шла о неких... творческих разногласиях?

— Если вы имеете в виду мои служебные отношения с мистером Берком, то действительно, у нас были сложности в «Пангее». Я считала себя обязанной охранять в ночном клубе интересы мужа. — Она становится высокомерной, и я вновь обретаю почву под ногами. С такими я обращаться умею.

— Другими словами, вы уволили его.

— Мы пришли к соглашению.

— К соглашению, что вы его увольняете.

Джудит Макбрайд поджимает губы, и тут же к ней возвращаются все ее годы; на щеках и на лбу будто выгравирована паутина морщин. Впечатляющее зрелище — должно быть, у нее одна из тех новых шведских оболочек Эриксона со спецкапиллярами для Случаев Особого Прилива Крови.

— Да, — наконец признает она. — Я его выгнала.

— Я не хотел вас расстроить.

— Вы и не расстроили.

— Расставание было мирным?

— Насколько мирным может быть увольнение. К моему решению он отнесся с пониманием.

Как бы помягче перейти к следующему вопросу? Я выпячиваю губы и бормочу, словно неуправляемый аппарат для попкорна. Лучше спросить напрямую.

— Вы с мужем помогли ему стать на ноги в Лос-Анджелесе?

— С чего вы решили? — слегка смущается она.

— Очень уж быстро он нашел капитал для «Эволюция-клуба».

— Донован всегда был превосходным коммерсантом. Он способен в Канзасе отыскать финансирование для морской рыболовной компании. — Грациозным жестом она обводит кучу бумаг на столе. — Я была бы рада и дальше отвечать на ваши вопросы, мистер Рубио, но уже поздно, а вы видите, сколько еще предстоит сделать до обеда. После смерти мужа я вынуждена руководить его маленькой империей, а решения не приходят сами собой.

Если это не намек, то я уж не знаю, что так называют. Я вскакиваю, так что стул отлетает, оставляя на ворсистой поверхности глубокие борозды. В своей конторе я тоже настелил такой ковер, задолго до того, как был поставлен перед фактом, что за долги банк может содрать и ковровое покрытие.

— Возможно, у меня возникнут и другие вопросы.

— При условии, что на этот раз вы договоритесь о встрече, — кивает миссис Макбрайд, и я обещаю, что непременно так и поступлю.

У двери я оборачиваюсь, вдруг вспомнив последний вопрос.

— Возможно, вы подскажете мне, где отыскать Джейси Холден. Я бы хотел поговорить с ней.

Миссис Макбрайд снова смеется, но почему-то на этот раз следы прожитых лет никуда не деваются. Скорей, наоборот, лет пять прибавилось.

— На этом пути вас ждет тупик, мистер Рубио.

— В самом деле?

— Да. Не тратьте попусту время.

Шаркая, я вновь отступаю к дверям. Не люблю, когда мне указывают, что делать.

— Что ж, раз вы не хотите мне говорить, где она... — На мою долю выпадали неговорчивые свидетели, хотя им нечасто удавалось подолгу держать рот на замке. —

Уверен, что раздобуду эту информацию в другом месте.

— Это вовсе не означает, что я хочу скрыть от вас информацию о месте ее пребывания, — возражает миссис Макбрайд. — Это означает, что я не могу вам сказать, где она. Я не знаю. Никто не знает.

Тут бы к месту музыка подрамматичней.

— Она исчезла?

— Уже несколько лет. Пропала где-то через месяц после разрыва с Донованом. — Помолчав, она добавляет, чуть заикаясь: — Очаровательная девушка. Просто очаровательная.

— Ладно, может, мне удастся ее разыскать. В таких делах я считаюсь мастером. Какой у нее запах?

— Ее запах?

— Чем пахнут ее феромоны? Вас бы поразило, как много пропавших динов я обнаружил по запаху. Можете облачаться, как хотите, но запах останется с вами. Один парень испускал такое зловоние, что я выследил его в радиусе пяти кварталов через десять секунд после того, как свернул с автострады.

— Я... я не знаю, как вам объяснить, — тянет миссис Макбрайд. — Трудно описать. Жасмин, пшеница, мед, всего, знаете ли, понемножку.

Немного толку.

— Последнее известное местопребывание? — задаю я очередной вопрос.

— Большой центральный вокзал, — отвечает миссис Макбрайд.

— Меня интересует домашний адрес.

— Они с Донованом безуспешно пытались помириться за обедом, а потом он проводил ее до вокзала. Не забывайте, как давно это было... Я могу что-то упустить. Кажется, Донован говорил мне, что он видел, как она сошла с эскалатора на платформу восточного направления. Они помахали друг другу, и она тут же скрылась в толпе. Растворилась, будто сахар в воде, так он сказал. Только что была и уже нет.

— И это последнее, что о ней слышали?

Она кивает.

Все страньше и страньше. Я благодарю Джудит Макбрайд за потраченное время и готовность поделиться информацией, а она провожает меня до дверей. Пожать ли ей руку? Касаться ли ее вообще? Обычная моя практика выступает за рукопожатие, но окружающая роскошь — совсем не моя стихия. Миссис Макбрайд помогает мне принять решение, протянув руку; я хватаюсь за нее, отпускаю и бегу к лифту.

Я не удивляюсь, когда на шестьдесят третьем этаже ко мне присоединяются два телохранителя, но в этот раз я слишком занят обдумыванием следующего шага, чтобы уделять внимание их массивным фигурам и резким запахам. Они идут за мной, следя за каждым моим шагом, пока я забираю у информационной стойки свой саквояж и через вращающуюся дверь покидаю «Макбрайд-билдинг».

На улице я тщетно пытаюсь остановить такси. Я взываю, я кричу, я машу, а они проносятся мимо. Что означает этот огонек — занято или свободно? Какая разница — на меня наплевать и тем, и другим; я все стою и стою на обочине. Я машу над головой деньгами — двадцаткой, пятидесяткой. Желтые клаксы проскакивают, не обращая на меня никакого внимания. Требуется прыжок, достойный Брюса Дженнера,³ чтобы один все же заметил мои старания, и когда я, рискуя жизнью, пересекаю две дорожные полосы, то к своему удивлению обнаруживаю, что хотя водитель другой, но запах у него такой же, как у моего старого. Возможно, нью-йоркские таксисты также принадлежат к отдельному виду.

Мы направляемся к муниципалитету.

³ Американский десятиборец, чемпион Олимпийских игр 1976 года.

Государственные архивы — это сплошная боль в заднице. Лучше бы мне, балансируя на грани закона, заглянуть украдкой в кое-какие личные документы, чем стоять в бесконечных очередях ради беседы с высокомерным клерком (учат их этому на секретарских курсах, что ли?), который в зависимости от фазы луны, а также от того, успел ли он уже пообедать, может дать, а может и не дать интересующую меня информацию. Дайте мне запертую дверь и пластиковую карточку, а Закон о свободе предоставления информации можете оставить себе. Мне по душе такая софистика; не стань я детективом, заделался бы, наверное, творцом допотопной истории, сидел бы себе день за днем в одной из множества лабораторий, разбросанных глубоко под Музеем естественной истории, выдумывая все новые способы фальсификации нашего «исчезновения» шестьдесят пять миллионов лет тому назад. Мой прапрапрадядя с материнской стороны, создав первую окаменелую лопатку Игуанодона, аккуратно уложил ее в грязевые отложения на мелководье в дебрях Патагонии, и нет у меня предмета для гордости большего, чем такая вот родословная. Жульничать вообще забавно, а жульничать с людьми — настоящая потеха.

Может, сегодня и выпадет на мою долю настоящая работа для ищейки, но пока я сижу как приклеенный на жестком стуле, изначально сконструированном для нужд инквизиции, шурюсь в полумраке архива муниципалитета, раздраженный так, что дальше некуда.

В соответствии с документами, которые мне удастся добыть после пяти часов ожидания, ожидания и снова ожидания, приблизительно три года назад Джейси Холден осуществила трюк, которым гордился бы и Гудини. Имя ее, прежде встречающееся в кредитных отчетах, договорах об аренде, счетах за электричество, судебных актах, реестрах Совета и даже в нескольких газетных статьях, исчезло буквально отовсюду спустя несколько дней после того, как она ступила на восточную платформу Большого центрального вокзала. Не было никаких похорон исчезнувшей самки Колеофизиса, потому что не было тела, да и уверенности в том, что она умерла. Не было семьи, чтобы поднять шум, не нашлось никого, кто стал бы требовать от властей, чтобы те оторвали задницы от кресел и сделали что-нибудь, — родители ее скончались, а она была единственным ребенком в семье. Джейси Холден была симпатичной жизнерадостной девушкой, хотя лучше всего ее характеризуют связи с Советом и помолвка с Донованом; при ее образе жизни могло и не остаться явных следов исчезновения. Согласно статье на одну колонку, обнаруженной мной на последней странице «Таймс», Донован и еще какие-то друзья приложили все же определенные усилия, чтобы отыскать ее как без вести пропавшую: листовки, воззвания на пакетах с молоком и тому подобное, но все это было прекращено после того, как нанятые ими частные сыщики вернулись с большими счетами и пустыми руками.

Люди пропадают, это случается. Но никто не исчезает настолько бесследно. Вся моя трудовая биография посвящена розыску пропавших динов и людей, и за это время я понял одну простую вещь: как бы тщательно ни заматались следы их предшествующего существования, от бумажного следа, тянущегося за каждым на протяжении всей его жизни, избавиться невозможно. Рекламные листки, к примеру, так и продолжают сыпаться в их почтовые ящики, умоляя оценить преимущества Этих Потрясающих Кредитных Карт, безжалостные добровольные помощники благотворительных телемарафонов звонят по телефону с просьбой о пожертвовании детям — у них все ради детей. И так далее. В сегодняшнем мире, где компьютеры способны хранить все ваши личные данные еще много-много лет после того, как последние из ваших прапраправнуков переселятся в ближайшую богадельню, никто больше не растворяется без следа. Никто.

Джейси Холден растворилась. Как сахар в воде, сказала Джудит. Имя ее было вычеркнуто из рассылочных листов, удалено из списков сборщиков пожертвований. Будь у меня доступ к Интернету, не сомневаюсь, обнаружил бы, что Джейси Холден давным-давно испарилась со всех его сверхскоростных магистралей. Она превратилась в виртуальное ничто после того не по сезону теплого февральского вечера, будто бы, направляясь в никуда,

сумела каким-то образом забрать с собой чуть ли не все признаки своей жизни.

Я слышал и о более странных вещах.

С другой стороны, жизнь Макбрайда вся как на ладони — в газетах, журналах, свершениях. По крайней мере, последние пятнадцать лет его жизни; глубже зияет пустота, но это как раз неудивительно. В большинстве статей о покойном дине упоминается, что и он, и его жена родом из Канзаса, но нет никаких подробностей, кроме тех, что он рано осиротел и был взят на воспитание другом семьи. В какой-то момент он встретил свою очаровательную жену Джудит, они перебрались в Нью-Йорк, вошли в деловые круги, появились в обществе, создали сверхдоходную компанию, специализирующуюся на ссудах, поглощениях, а заодно и ночных клубах сомнительной репутации, и — бумс! — магнат родился. Далее только светская жизнь и финансовые достижения — скучно до слез.

Я выхожу из архива муниципалитета с намерением тут же съесть что-нибудь у ближайшего из этих роскошных нью-йоркских лотков, как вдруг вижу ступеньки, ведущие к окружному моргу. Мне знакомо это место — слишком, наверное, хорошо знакомо. Девять месяцев назад здесь произошла моя первая стычка с обитателями Нью-Йорка. Полагаю, у меня тогда стало навязчивой идеей докучать ассистенту коронера вопросами о смерти Эрни, хотя все мои старания не принесли ничего, кроме грубых отказов и не менее грубого обращения со стороны охранников. Кажется, я пустил в ход угрозы, а возможно, и кулаки. И пусть те дни у меня будто в тумане — тогда как раз начинался Великий Загул, и я был напичкан таким количеством базилика, что фактически являл собой ходячую оранжерею, — зато теперь я куда трезвее. За сегодняшний день всего две веточки да чайная ложка орегано — я вполне готов к постановке уместных, выдержанных вопросов в самой корректной форме.

— Нет, нет, нет... только не вы... — пятится ассистент коронера, когда я миную двойные вращающиеся двери морга. — Я позову охрану, ей-ей, я сделаю это...

— Рад тебя видеть, — говорю я, дружелюбно протягивая руки — мирное, открытое движение, наилучшим образом действующее на собак и самых тупых представителей человечества. Никакого характерного запаха, то есть парень к динам не относится — от страха, с каким сотрясается его хрупкое тельце, любой из наших испускал бы феромоны, как болонка в течке.

— Вы должны... у меня есть номер, я позвоню... я смогу вас выставить отсюда...

— Я тебя трогаю?

— Нет... пожалуйста...

Я повторяю, тщательно выговаривая каждое слово, чтобы он понял:

— Я — тебя — трогаю?

— Нет.

— Нет. Я тебя не трогаю, — киваю я удовлетворенно. — Я тебе угрожаю?

— Нет. Пока нет.

— Правильно. И не собираюсь. На этот раз я при исполнении, без дураков. — Я вытаскиваю удостоверение сотрудника «ТруТел», которое стащил со стойки в приемной, и швыряю его ассистенту. Он отшатывается, будто я в него гранатой запустил, но в конце концов склоняется над столом и принимается, водя пальцем по буквам, изучать карточку. Похоже, он успокоился. Раздражен, недоволен, но больше не дрожит как осиновый лист.

— Вы сломали мне нос, — бормочет он. — Его потом вправляли.

— Еще и лучше стало, — вру я, не задумываясь. Не помню, как он выглядел раньше.

— Моей подружке нравится. Она говорит, что так я смотрюсь намного круче.

— Очень круто. — Я совершенно не помню такой стычки, чтоб кости ломались, но под базиликовым кайфом чего только не случается. — На этот раз никакого насилия. Обещаю. Честно говоря, мне нужен твой шеф. Не может же он до сих пор быть в отпуске. — В тот раз он убрался из города сразу после смерти Эрни и не возвращался еще долго после того, как меня вышвырнули из Нью-Йорка.

— Нет... но он очень занят.

— Как и все мы. Пожалуйста, скажи шефу, что частный детектив просит уделить ему несколько минут, вот и все. — Я до боли в зубах стараюсь быть вежливым.

Ассистент размышляет какое-то время, затем молча поворачивается и скрывается за дверью, находящейся позади его стола. Тут я бы с удовольствием пошпионил, залез бы в пару картотечных шкафов, но дверь снова открывается, и в вестибюль выходит коронер — залитый кровью халат, запах формальдегида заглушает естественный аромат полированной сосны и красного перца.

— У меня там как раз групповое самоубийство. Три паренька из Городского колледжа решили себя укокошить, высосав пару галлонов «Джек Дэниэлз». Работа неприятная и при этом срочная.

— Тогда я сразу перейду к делу. Меня зовут Винсент Рубио...

— Я знаю, кто вы такой. Вы тот парень, что в январе избил Уолли. — Уолли, наблюдающий за нами из другого конца комнаты, съезживается, когда его упоминают. — Иногда он нуждается в хорошей взбучке, но я предпочитаю делать это сам: вам понятно?

— Понятно. И я уже извинился за это. В данный момент меня интересуют отчеты о вскрытии Раймонда Макбрайда и Эрни Ватсона, оба скончались примерно девять месяцев назад. Я полагаю, что оба вскрытия проводили вы...

— Я думал, что дело закрыто.

— Было закрыто.

— Было?

— Оно закрыто. Я работаю по другому делу.

Коронер смотрит на Уолли, в потолок, на пол. Принимает решение. Наконец делает мне знак следовать за ним. Через покойницкую мы проходим в его кабинет, где нет ничего лишнего, только маленький стол, стул и три больших картотечных шкафа. Я стою в дверях и жду, пока он отпирает один из шкафов, загораживая от меня его содержимое.

— Не могли бы вы закрыть дверь? — говорит он, и я с готовностью подчиняюсь. — Не хочу, чтоб мальчишка подслушивал. Он мне как сын, но млекопитающее остается млекопитающим, сами понимаете.

Две папки ложатся на стол, и коронер — доктор Кевин Надель, судя по табличке на двери, — стремительно их листает.

— Макбрайд. Ну, точно, с кем только я не говорил об этом деле. Я насчитал двадцать восемь огнестрельных ранений. — Обозначенный контур человеческого тела испещрен маленькими синими пятнышками, беспорядочный горошек разбежался по голове, туловищу, ногам.

Я показываю на ряды цифр, небрежно записанных в отчете о вскрытии.

— Что означают эти пометки?

— Калибр. Четыре выстрела сделаны из оружия примерно двадцать второго калибра, восемь из сорока пятого, три раны дробью из ружья, еще две девятимиллиметровые, и, кроме того, одиннадцать могли быть выпущены из автоматического оружия.

— Минуточку. Вы хотите сказать, что в Макбрайда стреляли двадцать восемь раз из пяти различных стволов? Что за абсурд?

— Абсурд или нет, это не моя забота. Мне приносят мертвецов, я их вскрываю, заглядываю внутрь и сообщаю, что обнаружил. — Он достает из папки фотографию и протягивает мне.

Действительно, это Макбрайд, правда, куда менее оживленный, чем на страницах бульварных газет. Здесь он лежит на полу своего кабинета. Распростертый, словно освежеванная куриная тушка, и хотя фотография черно-белая, я различаю характерные кровавые пятна на полу, на кресле, на стенах. Тело Макбрайда просто кишит ранами всевозможных форм и размеров, в полном соответствии со словами Наделя, и все это пулевые ранения. Огнестрельная рана есть огнестрельная рана, и, несмотря на разнообразие калибров, выглядят они на такого рода фотографиях более или менее одинаково. Уж поверьте, такого добра мне пришлось повидать более чем достаточно.

Я возвращаю снимок.

— Дальше.

— Что касается второго тела... Я лично этого случая не припоминаю, но, судя по записям, я пришел к заключению, что смерть мистера Ватсона явилась результатом несчастного случая и наступила вследствие обширной травмы головы, вызванной наездом автомобиля.

— И у вас нет никаких оснований в этом сомневаться?

— С чего бы? — удивляется коронер. — Насколько я понимаю, на улице были свидетели, видевшие столкновение. Сбил и смылся, что тут особенного?

— Я знал Эрни. Мистера Ватсона. Он не принадлежал к тем, кто... это лишено всякого смысла, чтобы вот так...

— Именно потому такие случаи и называют несчастными, мистер Рубио.

Тут не поспоришь, хотя даже по прошествии девяти долгих месяцев поисков в крови, поту и слезах я по-прежнему нутром чувю: смерть Эрни была не случайной.

— Это очень для меня важно, — обращаюсь я к коронеру. — Тут не просто работа. Он... он был моим партнером. Он был моим другом.

— Я понимаю...

— Если вы беспокоитесь из-за разговора со мной...

— Нисколько...

— Если вы беспокоитесь за свою безопасность, я сумею вас защитить. Я могу определить вас в безопасное место. — Это не совсем чепуха с моей стороны: известно, что «ТруТел» снимает несколько надежных укрытий на случай, если свидетель готов поделиться информацией, способствующей раскрытию громкого дела.

На мгновение мне кажется, будто доктор Надель готов сказать что-то еще. Губы его раскрываются, он подается вперед, глаза загораются тем блеском, что всегда появляется у свидетелей, решающих, стоит ли выкладывать мне всю подноготную, а затем... ничего.

— Более ничем вам помочь не могу, — говорит он, опуская глаза. Папки тут же занимают свои места в шкафах и накрепко запираются. — К сожалению.

Я ухожу ни с чем.

В тех случаях, когда мозги отказываются работать надлежащим образом — от грез ли наяву, от недосыпа или, как чаще всего последнее время случается, от перебора каких-нибудь губительных травок, — остальное мое тело с удовольствием принимает командование на себя и ведет меня, куда считает нужным. Вот так, полагаю, я и очутился в Алфавит-сити, районе Манхэттена близ Гринвич-Виллидж — ни особенно фешенебельном, ни для здоровья полезном. Выйдя из морга, я поймал себя на мыслях о Макбрайде, о Берке — и об Эрни, и вдруг я уже на автопилоте, ноги сами несут меня к темному обшарпанному зданию. А, Знакомое местечко.

«Червоточину», ночной клуб с баром на авеню D, содержат Джино и Алан Конти, парочка Аллозавров, известных темными делишками с дино-мафией. Насколько мне известно, передний зал бара предназначен в первую очередь для млекопитающих, и здесь всегда битком набито; клиентура жалкая: алкаши, в полдень начинающие закладывать за воротник и умудряющиеся продержаться до девяти следующего утра. Но за убогими сортирами с табличками «НЕ ССАТЬ НА СИДЕНЬЯ», за стеной, сплошь покрытой граффити, за металлической дверью, запертой на два засова, цепочку и Бронтозавра по имени Скич, скрывается один из лучших дино-баров по эту сторону Гудзона, прибежище самых разнообразных пороков, травяных, и не только. Кажется, я провел здесь немало времени в период моего последнего смутно припоминаемого пребывания в Нью-Йорке, хотя, войдя сюда и заняв место, я не узнаю ни души. Большинство в облачении и неотлично от млекопитающих, хотя несколько храбрецов обнажили свои исконные головы и зубы, возможно, чтобы заставить остальных держаться подальше и оставить их в одиночестве. — Базилик, два листика, — обращаюсь я к официантке-Диплодоку, сделавшей в своем

облачении разрез, из которого вылезает хвост, лениво извивающийся по полу, разметая мусор, будто метла. Сочетание человеческой оболочки и хвоста динозавра, одновременно соблазнительное и запретное, привлекает взоры обдолбанных клиентов, ошивающихся в баре в столь поздний час. Когда она проходит мимо компании Рапторов, те гогочут и тянутся хлопнуть ее по обнаженной шкуре, но тут же следует легкий удар хвоста, предупреждающий щелчок самым кончиком, и парни вновь — сама благовоспитанность, смиренно сидят за столом.

— Винсент? Пресвятые засранцы, неужели это Винсент Рубио? — Дама явно удивлена и рада меня видеть. Звук шагов, и на стол падает тень. Я заставляю себя поднять глаза. — Черт бы меня побрал, так и есть! — Даже без этих непрерывных проклятий я узнал бы Гленду Ветцель по запаху, приятной смеси гвоздики и старых бейсбольных перчаток. Гленда — отличная девчонка, и не то чтобы я не хотел ее видеть, просто мне вообще никого видеть не хочется.

— Привет, Глен, — поднимаюсь я для объятий и тут же валюсь обратно. Знаком предлагаю ей сделать то же самое.

Но она тянет стул и садится, не дожидаясь моего приглашения.

— Черт, сколько ж это... год?

— Девять месяцев.

— Девять месяцев... проклятье! Хорошо выглядишь.

— Отнюдь. — Не в том я настроении, чтобы играть в «как будто».

— Ладно. Так себе. Но запах у тебя охренительный, я сто раз говорила.

Мы треплемся, пока не приносят базилик. Гленда украдкой бросает на меня беспокойные взгляды, когда я сжевываю сразу оба листа и заглатываю весь ком. Себе она заказывает пол чайной ложки толченого тимьяна.

— Меня от тимьяна никогда особенно не тащило, — говорю.

— Меня тоже, — вздыхает она. — Но на чем-то надо съезжать с дозы.

Гленда — наш брат частный детектив, рабочая лошадка, гробящая жизнь на компанию «Джей амп; Ти», здешний, манхэттенский филиал «ТруТел». Ее босс, Йоргенсон, точная копия Тейтельбаума, вплоть до повышенного давления и дурных манер. Именно ребята из «Джей амп; Ти» с самого начала занимались делом Макбрайда по поручению Нью-Йоркского муниципального Совета и нарыли те грязные фотки, что мы, словно мальчишки в школьной раздевалке, передавали из рук в руки на заседании нашего, Южнокалифорнийского Совета. Они по-прежнему у меня перед глазами: Макбрайд в облачении спаривается с человеческой женщиной и, судя по выражению его заgrimированного лица, получает при этом огромное удовольствие. Лицо женщины было затемнено посредством специального фотографического процесса, именуемого «закрась это несмываемым маркером», но тело ее вполне недвусмысленно говорило об испытываемых ею чувствах.

— Вот дерьмо, — подает голос Гленда, явно самый выдающийся сквернослов из всех встреченных мною Хадрозавров. — Просто не могу поверить... Я имею в виду, когда в тот раз...

— Ясно.

— ...после того, как копы вышвырнули тебя на самолете обратно в Лос-Анджелес...

— Давай не будем вспоминать об этом, ладно, Глен?

Смущенная, она кивает:

— Ладно, ладно. — И тут же глаза ее снова загораются. — Черт возьми, как я рада видеть тебя! В каком дерьме ты остановился?

— В «Плазе», — поднимаю я брови. Я там еще не регистрировался и номер не резервировал, но уверен, что смогу раздобыть комнату.

— Посмотрите-ка на этого парня, шикует за казенный счет, а?

— До поры до времени. — Базилик прошибает, и ноздри мои сами собой раздуваются. Настроение повышается, душа поет. Феромоны Гленды будоражат меня, и я удивляюсь,

почему до сих пор не приглашал даму к себе. Она, конечно, из Хадрозавров, которые, в общем-то, не в моем вкусе, однако... — Господи, — изливаю я чувства, — как же здорово ты пахнешь! Здорово. Очень... очень здорово.

Смеясь, Гленда, отодвигает от меня подальше маленькую керамическую чашу с базиликовой крошкой.

— С тебя довольно этой дряни. Над каким делом работаешь?

— Пожар. Там, в Лос-Анджелесе. — Слова теперь вылезают из меня куда медленнее, слоги прибывают с опозданием, хотя мыслительный процесс идет строго по расписанию.

— И какой-то след принес тебя к нам?

— Макбрайд. Снова.

Она удивленно таращит глаза:

— Вот это да! Долбаной тебе удачи, приятель. Дело это — чертовски крепкий орешек.

Требуются особые усилия, чтобы пробиться сквозь выющиеся стебли, растущие, стелющиеся, забивающие мне рот, но я все же выдавливаю из себя:

— Ты знаешь... ты знаешь... это... дело Макбрайда?

— Знаю ли я Макбрайда? — растягивает она слова. — Да я долбанный месяц работала над этим долбанным ублюдочным дерьмом.

— Наверное... увлекательно.

— Ни хрена. Скукота адская. Ты следил за кем-нибудь, живущим на шестом этаже без гребаного лифта?

— Без... лифта? — В Лос-Анджелесе вряд ли такое встретишь.

— Квартиры над мастерскими и магазинами, никаких гребаных лифтов, — объясняет она.

Ну да, теперь я уверен, что в Лос-Анджелесе такого не бывает. Даже бедняки в обморок упадут от одной мысли. Любое расстояние свыше двадцати футов по вертикали или как угодно должно быть проехано. Желательно с кондиционером. Если нам охота поупражняться, мы едем в спортзал, благодарю покорно.

— То есть с работой-то все нормально, — продолжает Гленда. — Но хочу заметить, тебя уже на пятый день наизнанку выворачивает от спертого воздуха и завернутой в бумажку жратвы. Да еще эти затраханые насекомые повсюду, на полу, на моей гребаной жратве...

— Макбрайд... он чем-то занимался... в съемной конуре? — Не может быть, у него же миллионы, а может, и миллиарды.

Она качает головой, ковыряет в носу. Я ж говорю, шикарная дама.

— Никто не ведет речи о съемной конуре, да только дом дерьмовый. Тут, рядом, в Ист-Виллидж, не трущобы или что-то в этом духе, просто не слишком ухоженный. Одним словом, мы засели напротив и весь гребанный день фотографировали тот дом, где они трахались, он, кстати, немного получше. Думаю, это девчонкина квартира. Могу спорить, им сначала пришлось вызвать долбаного дезинсектора. Хренова туча тараканов...

В конце концов, мне удастся соединить во рту достаточно слогов, чтобы направить беседу в сторону особы, с которой Макбрайда застали на месте преступления. Я интересуюсь именем.

— Имя я тебе дам, только ты не проболтайся. Я своей задницей рискую. Так что я тебе ничего не говорила, лады?

— Вот тебе крест, клянусь окаменелостями предков!

— Известно, что маленький извращенец трахался по всему городу — жена, что ли, у него была фригидная, или еще чего, — но та сучка, с которой мы его застукали, оказалась настоящей профурсеткой. — Я что, незнаком с этим ругательством? — Секс-бомба по человеческим понятиям, титьки вот досюда, ноги, как ходули. — Почему, слушая ее, я смущаюсь больше, чем она, произнося все это?

— Ее зовут Сара, — продолжает Гленда. — Сколько гребаных раз доносилось до меня из жучка это имя! О, Сара, ты прекрасна, Сара. Ты восхитительна, Сара. Давай, Сара, давай. Меня тошнило от этих извращений. Я прямо из себя выходила.

— Сара... — Меня интересует фамилия.

— Актон... Ачтон... что-то вроде этого. — Грязная на язык представительница Хадрозавров пожимает плечами и заглатывает остатки своего тимьяна. Однако неудачно: следует нутряной кашель, и Гленда жадно хватается воздух.

— Что б его! Я точно не помню, но она поет в какой-то дыре неподалеку от Таймс-Сквер. Долбаная певичка, вот кто она такая.

Я тотчас прихожу в себя, все следы базилика временно изгоняются в какие-то заброшенные уголки мозга, никак не связанные с речью или решимостью.

— Она поет сегодня?

— Я что, похожа на ее долбаного менеджера?

— Как ты *думаешь*, поет она сегодня?

— Ну, по мне, так обязательно. Несколько месяцев прошло с тех пор, как я видела эту бестию, но думаю, там все по-старому. Что, хочешь повидать это исчадие рода человеческого? Какого хрена?

Базилик снова бьет мне в голову, мягкая такая волна, что сливается со страстным желанием отыскать нового свидетеля, дорогу в объезд недостающих свидетельств и уклончивых ответов, путь к Макбрайду, путь к Эрни.

Я слизываю остатки со дна чаши и говорю просто:

— Охота послушать.

7

Двуногие млекопитающие и сами по себе существа весьма порочные — грубы, эгоцентричны, обычно не в ладах с гигиеной, — а уж от целой своры мерзких обезьян меня просто бросает в дрожь. Это инстинктивная реакция, от которой непроизвольно сжимаются внутренности. Уверен, что истоки ее в моем коллективном бессознательном неприятии, болезненной непереносимости, заложенной в генах. Мои праотцы наблюдали, как эти существа развивались не более чем от волосатых жаб, и сколь мучительным должно было быть беспомощное осознание, что когда-нибудь в будущем придется соседствовать с этим обособленным, но разумным родом. Разумеется, мои предки могли перебить маленьких неандертальцев, обратив их в паштет парой хороших ударов хвоста, но вот решили постараться жить в мире с людьми и даже подделаться под них, если нужда заставит. Неразумный шаг.

А потому сижу я теперь в человеческом ночном клубе, слушаю человечесьи вопли, вдыхаю человеческий пот, касаюсь оголенной человеческой плоти и думаю о болезнях всякий раз, когда меня случайно задевают. В воздухе парят гигантские клубы дыма, и хотя на случайный сигаретный дымок я внимания не обращаю, здесь меня наизнанку выворачивает от впечатляющего разнообразия марок, смол и фильтров. Примитивная осветительная система расцветивает во всем остальном унылую сцену, выделяющуюся лишь небольшой приподнятостью пола и бордовым бархатным занавесом.

— Когда начнется? — спрашиваю я Гленду, потягивающую джин с тоником. Сквозь наш метаболизм алкоголь проскальзывает, как ребенок по водяной горке, но Гленда всегда придерживалась теории насчет чужого монастыря. Я заказал воду со льдом, потому что в плату за вход включены два напитка, и платы этой хватило бы на полтора дня хорошего базиликового загула.

— Бармен сказал, что она выходит около десяти.

— Хорошо. — Дольше мне здесь не вынести. Мой саквояж, который держится молодцом, несмотря на весь сегодняшний марафон, стоит у моих ног в грязи запятнанного алкоголем и остатками блевотины пола.

Еще через несколько минут вынужденной близости к этим слабоумным бабуинам я успокаиваюсь, так как свет гаснет, и лишь один прожектор отбрасывает на сцену яркое пятно. Расположившийся по соседству динамик извергает серию басов в джазовом ритме и,

чуть изменяя такт, повторяет ее снова и снова. Затем напыщенная дробь сливается с грохотом цимбал, занавеси расходятся, и масляный мужской голос объявляет: «Дамы и господа, мы рады представить вам вокальное искусство мисс Сары Арчер». Представление началось.

Из-за занавеси появляется рука, по локоть затянутая в изумрудно-зеленую перчатку, и змеится в пятне света. Вслед за ней обольстительно извивается обнаженное плечо. Далее — сверкающая зеленая туфелька на трехдюймовом каблуке и нога, близкая, по человеческим понятиям, к совершенству. Толпа единым движением подается вперед, и я ощущаю, как в ожидании возможности выдоха затаилось дыхание зала. И вот на сцене, будто никогда отсюда не уходила, появляется женщина, по плечам и спине ее струится каскад огненно-рыжих волос, обрамляющий изящную фигуру с пышными, там, где это положено у млекопитающих, формами. Тотчас же крики и свист пробиваются сквозь музыку, но смолкают, как только Сара Арчер открывает рот, чтобы запеть.

Это одна из тех медленных джазовых вещиц, названия которых я никогда не мог запомнить, но голос обрушивается на меня водопадом, просачивается в уши, затворяет глаза, чтобы я не видел больше стоящую на сцене женщину, но представлял себе красавицу-рептилию, достойную этого контральто. Я целиком охвачен жарким трепетом, и плоть под моим облачением бугрится муравейником наслаждения. Певица жаждет встретить мужчину, способного тронуть ее так, как не трогал еще никто, и я не сомневаюсь, что так оно и есть на самом деле. Мгновение спустя я заставляю себя открыть глаза, и видение пропадает. Всего лишь очередное человеческое существо.

Шаг со сцены, Сара Арчер идет по залу, не переставая петь, и вот она уже сидит за нашим столом и, не обращая внимания на Гленду, старается поймать мой взгляд. Я смотрю в сторону. Она берет меня за подбородок и поворачивает к своим пухлым губам. Я скрываю отвращение, как можно старательнее изображая скуку, и потягиваю свою воду со льдом. Меня игриво тянут за рукав рубашки, подмигивают более публике, чем лично мне, и вот она уходит, возвращается на сцену, чтобы взять там последнюю ноту.

Аплодисменты, свист, топот. Потом следующий номер, потемпераментней, еще один, и так незаметно проходят сорок пять минут, после чего Сара Арчер благодарит публику и покидает сцену. Отовсюду доносятся крики, вызывающие ее на бис, множество рук поднимают горящие зажигалки, но огни рампы тускнеют, так что на сегодня все кончено. Пьяницы, пошатываясь, бредут к выходу, забыв отблагодарить официанток.

— Ну вот, приехали, — говорит Гленда. — Я тебя предупреждала. Блевать не тянет?

Я отпихиваю стул, подхватываю, когда тот готов опрокинуться. Я уже несколько часов без кайфа, так что удерживаю равновесие чуть ли не слишком хорошо, а потому чувствую необходимость затуманить мозги химически, да побыстрее.

— Мне нужно задать певице несколько вопросов.

— Сейчас? А я думала, мы нагреем в «Силантро», есть одно местечко на окраине... трава там, ты не поверишь...

— Нет, я должен... я хотел бы расспросить ее сейчас.

Гленда вздыхает. Никому не осадить упершегося Раптора, и она это знает.

— Ладно. Может, мне удастся уговорить здешнего менеджера пропустить нас за кулисы.

— Ты иди, Глен. Я сам справлюсь.

Она качает головой:

— Забудь об этом... я с тобой...

— Я справлюсь *сам*, — повторяю, и на этот раз девчонка понимает намек.

— Посмотрю, что можно сделать.

Сорок долларов спустя, после того как Гленда устроила мне закулисное randevu и удалилась в свой бар на окраине, я стою перед входом в гардеробную Сары Арчер — хлипкой деревянной дверью, на которой кто-то неровно намалевал спреем золотую звезду. Напротив, источая невыносимое зловоние, громоздятся ящики с пустыми пивными

бутылками. Я стучу в дверь.

— Войдите.

Голос ее заметно выше того, которым она пела; должно быть, немалых усилий стоило выработать эти прокуренные модуляции.

Я пробую открыть дверь. Она не поддается. Я пробую еще раз. Опять без толку, так что я бью что есть силы кулаком по замку. Из комнаты доносится шарканье, падает стул.

— Простите, — восклицает из-за двери Сара. — Простите. Я сколько раз говорила им починить...

Дверь распахивается с треском, и я оказываюсь лицом к лицу с Сарой Арчер. Она уже избавилась от своего зеленого платья и облачилась в желтый махровый халат, туго перетянутый в талии.

— Вы были в зале, — говорит она.

— За вторым от сцены столиком. Вы пели для меня.

— Я пою для всех. — Она тяжело переступает с ноги на ногу. — Мы знакомы?

— Вряд ли. Я из Лос-Анджелеса.

Она смеется:

— Это должно произвести на меня впечатление?

— И производит?

— Нет.

— Ну... нет так нет. — Мою физиономию покидает восторженная улыбка, и я вытаскиваю удостоверение. — Винсент Рубио. Я частный детектив.

Сара сдувает прядь со лба; чувствуется, что ей это не впервой.

— Сара Арчер. Вы не похожи на детектива, Детектив.

— На кого же я похож?

Она задумывается:

— На домашнего кота. — И с этими словами она поворачивается и, виляя бедрами, удаляется в гардеробную, оставив дверь приоткрытой. Я иду следом.

Закрыв за собой дверь, я задаю вопрос:

— Вы знали Раймонда Макбрайда?

— Вот так, сразу к делу.

— Стоит ли ходить вокруг да около? Давно вы с ним познакомились?

— Я не говорила, что была с ним знакома.

— Так скажите, были?

— Да. Однако предпочитаю, чтобы все было по порядку. — Сара направляется к расположенному в нише противоположной стены бару — у них у всех, что ли, в этом городе бары? — и наливает себе полстакана «Джонни Уолкера» с черной этикеткой.

— Выпьете?

Я отказываюсь. Сара сбрасывает туфельки — зелененькие, не больше тридцать четвертого размера — и свертывается калачиком на зеленом плюшевом диване. Подушки не без прорех, кое-где торчит поролоновая набивка, но, в общем, мебель в приличном состоянии. Зеркало с тремя перегоревшими лампочками над простым деревянным туалетным столиком. К стене приклеены ряды полароидных снимков певицы с разнообразными прическами.

— Вам понравилось представление? — спрашивает она.

— Неплохо. У вас прекрасный голос.

Самодовольная ухмылка, глоток пойла. Она встряхивает волосами, надо полагать с целью выглядеть по-человечьи привлекательной.

— А все остальное?

— Все остальное в вас поет столь же чарующим голосом.

— Как это мило.

Теперь моя очередь самодовольно ухмыляться.

— Макбрайд. Как долго вы были с ним знакомы?

Госпожа Арчер надувает губы; похоже, ей хочется продолжить обмен любезностями и милыми шуточками, и хотя обычно я не уклоняюсь от хорошей партии в словесный волейбол, сейчас предпочитаю ускорить события. У меня уже аллергия от всего этого насквозь пропитавшего ночной клуб млекопитающего пота.

— Года два-три, я полагаю.

— Как вы познакомились?

— На благотворительном вечере.

— В пользу?...

— Понятия не имею. Рак, лейкемия, изящные искусства, нет, я правда не знаю.

Я невнятно бормочу:

— Вы были его... любовницей?

Потрясение от столь прямолинейного вопроса не состоялось.

— Мне больше нравится слово *возлюбленная*.

— Вы же знаете, что он был женат.

Сара вздрагивает, прищуривается. Она разгрызает ледяной кубик, поджимает губы:

— Да, я знала, что он был женат.

— Значит, вы были его любовницей. Когда вы начали трахаться?

— До чего ж вы мило выражаетесь, мистер Рубио.

— Я детектив, а не поэт.

— Но вполне могли бы оставаться в рамках приличий. Вы пришли в мою гардеробную, ко мне на работу. Я очень рада пригласить вас выпить и поболтать, но если разговор пойдет в таких... вульгарных тонах, мне придется попросить вас удалиться.

Слегка пережал — есть у меня такое свойство. Если подумать, именно оно вышвырнуло меня из Нью-Йорка и приличного общества девять месяцев назад. Я отступаю и, дабы продемонстрировать свою готовность поупражняться в хороших манерах, снимаю шляпу и кладу ее на стол.

Сара улыбается, и вновь воцаряется мир. Ее пойло опускается до угрожающе низкого уровня, и она облизывает край стакана длинным, крепким языком, извивающимся между идеально белыми зубами. Похлопывая лежащую рядом с ней подушку, она говорит:

— Давайте садитесь. Не выношу разговаривать с мужчиной, если не могу заглянуть ему в глаза.

У меня растет ком в горле, так что надеюсь, она еще раз предложит мне выпить, чтобы смыть его.

— Я и отсюда прекрасно вас вижу.

— А вот я нет. Близорукость.

С неохотой я занимаю место на диване, стараясь держаться подальше от свидетельницы, но у Сары Арчер явно другие соображения. Она вскидывает ноги и устраивает их у меня на коленях. Педикюр у нее свежий, ногти светло-фиолетовые.

— Так вот, вы должны понимать, как трудно мне говорить о Раймонде. Не в моей воле было стать его... женой... — ее губы вновь кривит горькая усмешка, — но он был очень мне близок. Даже для «любовницы».

— Понимаю. Я вовсе не хотел вас обидеть...

— Разве дело еще не закрыто?

— Именно это мне все и говорят.

— Однако?

— Однако я на всех не равняюсь.

Вытянув пальцы ног к моей груди, словно балерина, Сара говорит:

— Можете себе представить, каково это простоять целый час на сцене на трехдюймовых каблуках? Адовы муки в ногах, мистер Рубио.

— Представляю. — Пора брать быка за рога. — Вы когда-нибудь встречали человека по имени Донован Берк?

— Сейчас как раз в наших отношениях подходящий момент, чтобы вы решили

поинтересоваться, не нужно ли мне помассировать ступни.

— В наших отношениях?

— Давайте интересуйтесь.

— Я бы предпочел задать вам несколько более подходящих вопросов.

— И я буду счастлива ответить на них. — Она все вытягивает мне на обозрение свои мускулистые икры. Не соблазняет. — Вы же хотели помассировать мне ступни.

Выбора, ясное дело, у меня нет. Она может вышвырнуть меня отсюда в любой момент, и, несмотря на остающиеся у меня вопросы, я бы солгал, утверждая, будто получаю лишь отвращение оттого, что допрос мой скатывается на столь неподобающий уровень. Приступаю к энергичному растиранию ступней. В руках у меня изящная ножка, твердая, но гладкая, и хотя осязание частично скрадывается перчатками, которые я вынужден носить, дабы скрыть когти, я не могу обнаружить ни единой мозоли.

— Вернемся к моему вопросу: вы когда-нибудь встречали человека по имени Донован Берк?

— Думаю, что нет. Вот так, хорошо — там, там, колено — да, именно так...

— Вы когда-нибудь были в ночном клубе «Пангея»?

— Конечно, это же заведение Раймонда. — Она чуть приподнимается с мечтательной улыбкой на губах, будто припоминает что-то давно забытое. — На самом деле, я даже пела там однажды. Кажется, в новогоднюю ночь. Исполняла праздничное попурри.

— Донован Берк был менеджером «Пангеи».

Сара выплевывает в стакан кубик льда и вдруг отводит глаза:

— Правда?

— Итак, я повторяю вопрос: вы когда-нибудь встречали человека по имени Донован Берк?

— Наверное... наверное, должна была.

— Должны были.

— Если он был менеджером, то должна была. Но я не помню. На Раймонда работала уйма народу. Менеджеры, инструкторы, телохранители — даже детективы, как вы.

— Таких детективов, как я, не существует, — качаю я головой.

— Я в этом совсем не уверена. Несколько месяцев назад еще один детектив из Лос-Анджелеса был счастлив уделить мне время...

Молниеносно я вскакиваю над Сарой Арчер; сердце готово выпрыгнуть из груди, кровь плещется по венам. Похоже, я перепугал бедную девочку, судя по тому, как она погружается в подушки, будто в трясину.

— Как его звали? Где вы его видели? Когда вы его видели?

— Я... я... я не помню, — заикается она.

— Его звали Эрни? Эрни Ватсон?

— Возможно...

— Возможно... или так?

— Может быть, и так. — Она запинаясь, нервничает, и хотя у меня нет никаких оснований запугивать свидетеля, она теперь, по крайней мере, ко мне не лезет. — Он был примерно вашего роста... Постарше, симпатичный...

— Как давно вы видели его?

— Это было после смерти Раймонда... в январе.

— По времени совпадает. — Эрни был убит в начале января, всего через несколько дней после того, как взялся за дело Макбрайда. — О чем он вас спрашивал?

— Ни о чем особенном, — отвечает Сара. — Мы лишь немного поговорили, и он сказал, что позвонит позже. Он дал мне карточку, свой здешний номер телефона... — Она тянется к стоящей рядом тумбочке — халат распахивается, обнажая бледную кожу, — и роется в сумочке. Мгновение спустя она извлекает маленькую визитную карточку и садится. Халат запахивается. А я все равно не смотрел.

Это обычная карточка «Джей атр; Ти», агентства Гленды. Время от времени

сотрудники «Тру-Тел» используют «Джей амп; Ти» в качестве нью-йоркской штаб-квартиры; Эрни, должно быть, именно так и поступил. А это значит, что его записки, прежде не обнаруженные, могут и найтись, если поискать хорошенько. Я отмечаю про себя, что необходимо как можно скорей позвонить Гленде и заставить ее все там перелопатить.

— Вы не пытались звонить по этому номеру?

— Случая не представилось. И потом, мне казалось, он собирается вернуться, чтобы еще меня порасспрашивать. Но больше я его не видела.

Я не в состоянии справиться с дрожью в голосе, но героически пытаюсь скрыть ее кашлем и говорю просто:

— Он умер.

На лице ее лишь удивление и участие:

— Очень жаль.

— Его сбило такси.

— Очень жаль, — повторяет она. — По крайней мере, быстро.

Наша беседа прерывается дробным стуком в дверь.

— Должно быть, менеджер, — смотрит на меня Сара.

Я оглаживаюсь — и прежде чем кто-либо из нас успевает отреагировать, из-под двери показывается письмо, пауком-альбиносом скользит по полу и тормозит, уткнувшись в мои грошовые мокасины. Сверху нетвердыми, дрожащими буквами, словно писал третьеклассник, выведено имя Сары.

Я тянусь к нему и...

— Нет! — Что-то новое в ее голосе, что-то на грани смертельного ужаса. Будь она дином, я бы сразу понял — запах выдает.

— Я просто хотел...

— Я сама. Благодарю вас, но предпочитаю решать сама, когда мужчине пора склониться у моих ног.

Несмотря на сарказм, ясно, что настроение у Сары резко упало. Она с трудом волочит за собой ноги, будто те связаны, и чуть не до крови кусает губы. Медленно сгибаются колени, тело неохотно опускается следом, Сара припадает к полу и робко подбирает конверт, перебирая пальцами черные каракули, сложенные в ее имя.

— Что-то не так? — полувопросительно-полуутвердительно говорю я.

Скрежеща зубами, она качает головой:

— Нет... нет. Все в порядке. — Я вижу, как пульсируют ее виски. — Я очень устала, мистер Рубио. Наверное, нам лучше продолжить как-нибудь в другой раз.

Я предлагаю ей выпить, спрашиваю, не принести ли бутылку вина из бара, но она отказывается. Сара застывает у дивана, будто пустила глубоко в паркет корни страха.

— Может... может, вам лучше уйти, — говорит она, как и следовало ожидать. Я хватаю саквояж, перекидываю его через плечо, готовясь вернуться к роли Винсента, Странствующего Раптора, чьи пожитки тянутся за ним, пока он бороздит улицы Нью-Йорка.

— Вы правы, пора мне двигаться. Может, удастся поговорить позже.

— Наверное, так будет лучше всего.

— Я в «Плазе», если захотите меня отыскать. Поздняя регистрация в отеле была три часа назад. Может, послоняюсь по улицам и дотяну до ранней. Не придется платить за лишнюю ночь.

Однако ей, чувствуется, не до моих меркантильных проблем, так что мне остается горько оплакивать потерю случайного собеседника.

— Я вас провожу, — говорит она, не двигаясь при этом с места.

— Не беспокойтесь, я найду дорогу.

Открываю дверь — никого не видать. Кто бы ни доставил письмо — скорее всего, велосипедист-посыльный, понятия не имеющий о его содержимом, — он уже скрылся.

— Доброй ночи, — говорит она; похоже, к хозяйке возвращается та часть мозга, что отвечает за вежливость.

— И вам того же. Может, загляну завтра.

— Да, — машинально кивает она. — Завтра. — Дверь закрывается, и я снова в сыром коридоре, пронизанном ароматами прокисшего пива.

Мне необходимо поговорить с Глендой, а еще мне необходима хорошая порция базилика. Но какое-то предчувствие щекочет мне внутренности, и это предчувствие превращается в подозрение, а если я чему-то и научился от Эрни, так это относиться к любому предчувствию, как к подозрению, а к любому подозрению, как к факту.

Что бы ни означало это письмо, что бы ни было там внутри, оно было рассчитано на определенную реакцию. И реакция последовала. А за реакцией должны последовать некие события.

Если интуиция меня не обманывает — полагаться на нее — изрядная, по нынешним временам, авантюра, но что у меня осталось, кроме интуиции, — не пройдет и пяти минут, как Сара Арчер смоеется из гардеробной, проследует по коридору до служебного входа и скроется в ночи.

А я отправлюсь за ней.

Если смогу поймать такси.

8

Эрни был таким: как швейцарские часы с шестью шестеренками, слегка неисправные. Его было не остановить; у него на все готов был ответ. Ты говоришь ему: «Мы не можем вести наблюдение, аккумулятор сдох», а он отвечает: «Прикурим у кого-нибудь». Ты ему: «Запасной аккумулятор тоже накрылся», а он тебе: «Купим новый». Теперь ты понимаешь, что увяз в игре, причем игра эта нешуточная, и ставки все выше. Раз уж начал ее, приходится играть до конца, хотя точно знаешь, что светит тебе только проигрыш. «У нас нет денег», — говоришь ты, а он тут же отвечает: «Позаимствуем аккумулятор на складе». И в конце концов ты воруеть машину, ведешь ночное наблюдение, преступая все границы местных законов, и возвращаешь машину на место, обычно с полным баком. По крайней мере, Эрни был вежлив. Мы с Эрни были отличной командой, и хотя наши методы подчас не совпадали, мы превосходно дополняли друг друга. В то время как Эрни мог висеть на хвосте у самой увертливой тени, однако имел привычку приводить в ярость свидетелей, так что в результате они лишь замыкались в себе, я отдавал предпочтение более благородным способам расследования, спокойно подводя подозреваемых к нужному мне ответу, часами убеждая их признаться и добиваясь своего так, что они сами не понимали, где совершили ошибку. Эрни наплевист на себя первое, что попадалось под руку; я был парнем от «Брук бразерз». Я не пользовался одеколоном; Эрни в нем чуть ли не купался, так как, будучи Карнотавром, несколько стыдился собственного запаха. Эрни был превосходным ряженым: в считанные минуты он воплощался в человека и обратно в динозавра, так что не раз пугался собственного отражения в ванной. Эрни был толстым, я — худым, Эрни был улыбчивым, я — хмурым, Эрни был оптимистом, я — пессимистом, Эрни был Эрни, и подчас он был настоящим дерьмом. Но он был моим Эрни, он был моим партнером, а теперь все пошло прахом.

Но большой брат по-прежнему наблюдает за мной, каждый день, за каждым делом, и неважно, насколько глубоко въелись мне в печеньку навыки расследования, на них по-прежнему красуется несмываемое клеймо: ЗДЕСЬ БЫЛ ЭРНИ. Какая досада, что его нет рядом со мной, особенно сейчас, когда так стремительно уходит из поля зрения такси Сары Арчер.

— Сверни здесь направо, — прошу я таксиста. От него сильно несет карри.

— Сюда? — Он уже готов съехать на главную дорогу, в то время как машина Сары заворачивает в темную аллею.

— Нет, нет, чуть дальше.

— За тем такси, что ли?

— Да, да, именно за тем такси.

— Вам нужно за этим такси?

— Пожалуйста. — В полном соответствии с моей обычной сдержанностью я не хотел, прыгнув в машину, сразу требовать от водителя *следовать за тем такси!* Так что пришлось мне последние пять миль поработать озвученным планом города и то и дело менять направление в последнюю секунду. К счастью, мой шофер оказался превосходным слушателем, чуть ли не чересчур. Уже дважды я случайно указывал ему на улицы с односторонним движением, и оба раза он, словно робот, был слишком сосредоточен на безукоризненном следовании моим инструкциям, чтобы обращать внимание на мелочи вроде правил дорожного движения. Ладно. Это не мой город, так что делаю, что могу.

— Где мы? — спрашиваю.

— Э-э?

— Где мы?

— Да, да. Отличная еда!

Хоть английский его не идеален, он, по крайней мере, теперь понимает, что я желаю следовать за тем такси, причем на расстоянии. А я, по крайней мере, могу ненадолго откинуться на сиденье, расслабиться и...

Такси останавливается.

— Тридцать три пятьдесят.

Стараясь особо не высовываться, я бросаю взгляд через переднее стекло. В ста футах Сара вылезает из своего такси и торопливо перебегает через дорогу. Я швыряю таксисту пятидесятку — одну из двух, у меня оставшихся, но у меня нет времени дожидаться сдачи, — и он, впечатленный столь щедрыми чаевыми, предлагает взамен доставить меня в одно известное ему место, где я смогу сэкономить деньги и насладиться приятным женским обществом.

Сара проворно и с удивительным изяществом скользит сквозь уличные тени. В сравнении с ней я чувствую себя ослом, ревущим и выдающим свое присутствие каждым неверным шагом. Я стараюсь держаться от нее не менее чем в пятидесяти футах, то и дело ныряю за мусорные баки или прячусь за углами домов, дабы оставаться незамеченным.

Озираясь по сторонам, я никак не могу отыскать названия улицы или номера дома; будто здесь по округе бродил сбитый с толку Гамельнский крысолов, у которого спутались все ноты, так что не крысы, а уличные таблички сорвались из своих бетонных кроваток и побежали за ним в счастливую страну, не настолько охваченную искусством граффити. Я знаю только то, что мы с Сарой не одни на этой улице. Хотя, возможно, мы здесь единственные добропорядочные граждане.

Еще через несколько углов и закоулков этой безумной окраины мы оказываемся перед домом, который я принял бы за старый склад, если бы не блеклая вывеска, на которой жирными кривыми буквами выведено: «ДЕТСКАЯ КЛИНИКА». Между двумя закрытыми пандусами виднеется вход под навесом, и как раз к этой еле освещенной двери и устремляется Сара. Нырнув за почтовый ящик, разукрашенный изречениями в стиле граффити и боевыми кличами местных банд, я с удовольствием узнаю, что Рейна является девчонкой Джулио, по крайней мере именно так было 18.09.1994. Надеюсь, у них и сейчас все благополучно.

Перспектива общения с обитателями еще одной больницы выглядит не более аппетитной, чем отвратительное рыбное суфле с мятой в «Тар-Пит-клубе», но с моей работой выбирать не приходится: зажмурься и лопай.

Перед Сарой отворяется дверь клиники — не могу сказать, то ли ключ у нее есть, то ли ей изнутри открыли, — и она проскальзывает внутрь. Медленно повторив десять раз «Миссисипи», я перебегаю дорогу и бочком пробираюсь ко входу, в то время как глаза мои выпрыгивают из орбит, стараясь не упустить из виду больницу, дорогу, тени, всю окружающую тьму.

Дверь закрыта, крепко-накрепко заперта на засов, и мгновенный осмотр здешних

предосторожностей подсказывает мне, что на этот раз кредитной карточкой в качестве входного билета не обойтись. Прямое вторжение тоже исключается, хотя в некоторых отношениях для всех заинтересованных лиц было бы лучше, если бы я мог просто постучать в дверь этой клиники, известить о своем прибытии любому, кто бы там ни отозвался, и спросить, не сильно ли они будут возражать, если я поприсутствую на их посиделках, может, вставлю несколько реплик, запишу несколько разговоров, так сказать, в назидание потомству. К сожалению, я очень сомневаюсь, что мне удастся добиться своего, действуя подобным образом.

Листы алюминия, которые служат воротами пандусов, тоже как следует заперты, и хотя у меня, возможно, получилось бы их сорвать быстрее, чем птичке чихнуть, шум поднимется такой, что проще объявить о себе в переговорное устройство. Пора взглянуть на черный ход. Я, крадучись, огибаю здание.

Но теперь, когда началась охота, обстановка меняется.

Сейчас полночь, и что-то не так. Все вокруг обостряется — запах разложения, неровность поверхности бетонных больничных стен. Ночная тьма сгущается, граффити выглядят все непристойней, и я ощущаю металлическое покалывание в горле. Эрни всегда учил меня в любой ситуации доверяться инстинктам, изначальной основе моих познаний. И эта вот изначальная основа советует мне бежать. Смываться отсюда.

Я иду дальше.

Любой город полон звуков — воплей бездомных, криков потерявшихся животных, завываний ветра, мечущегося в бетонных ущельях. Но сейчас до меня доносятся щелчки и шорохи, бормотание, зубовой скрежет, гортанные хрипы. Я слышу шепоты и голоса и не знаю, какие из них реальны, а какие звучат лишь в моем воображении, а еще я понять не могу, почему каждое дуновение ветерка заставляет меня нервничать все больше и больше.

А потом до меня доходит...

Где-то поблизости разожгли барбекю. Странное место для семейного пикника. И время для него странное. Но я чувствую, еще как чувствую — запахи углей, горячего, жира, капающего на пламя, вспыхивающее с новой силой. И что-то еще. Что-то... неправильное. Что-то на грани моего восприятия, вступающее в игру, нарастающее, движущееся, набирающее обороты...

Пластик. Тошнотворная сладость горящего пластика.

Я нагибаюсь. Усеянный шипами хвост бьет о стену прямо над моей головой. Шрапнелью разлетается бетонная крошка, и я, шатаюсь, отступаю в темноту. Что за...

Левая рука — огонь — полоса боли пронзает предплечье — неровный вдох, не мой, но рядом — я разворачиваюсь и отпрыгиваю, плечо вопит, инстинкты мямлят.

Запах сахарного сиропа с горящим пластиком. Сахаром пропитан весь воздух. А еще я чую запах крови — моей, моей собственной, — хлынувшей у меня по руке, когда я отпрянул к стене. Я здесь не один, кто-то рыщет поблизости. Облачение мое разодрано, латекс висит ключьями.

Фырганье — рев — я собираюсь с силами для схватки и в черной впадине переулка различаю хвост, усеянный сверкающими шипами, — отточенные как бритвы когти — зубы, сотни зубов в немыслимо широкой, немыслимо глубокой пасти. Восемь, девять, десять футов — выше любого из динов за миллион лет. Это не Стегозавр. Это не Раптор. Это не Т-Рекс. И это не Диплодок. Это ни один из шестнадцати видов динозавров, чьи предки пережили Великие Ливни шестьдесят пять миллионов лет назад.

Но оно ухватило меня за задницу.

Со скрежетом внезапно тормозящего поезда оно бросается на меня, всей своей плотной массой и острыми шипами устремляется к моему телу. Тень — контур — движется во тьме, и я рискую прыгнуть вправо. Это приносит свои плоды. Это... нечто, с которым я сражаюсь — увертываясь, — с хрустом шмякается о бетон больничной стены.

Ответить ударом на удар, в порядке самообороны. Расчехлить оружие, выпустить его на свободу. Во всю длину.

В плече пульсирует боль. Я выдираюсь из своей оболочки, всех этих корсетов, туго затянутых во избежание казусов вроде того, что случился в «Эволюция-клубе». Я сражаюсь с серией «Г», сдираю кнопки, ломаю молнии. Нет времени для бережного отношения к оберточной бумажке. Мой хвост — широкий брус мускулов в толстой зеленой шкуре — рвется наружу; хоть он без шипов, однако превосходно пляшет, машет, виляет, юлит и отражает нападения.

Это зловоние, *неправильность* эта — запах жженого пластика, промышленных отходов, ошибочного творения — усиливается. Ярость и разочарование изливаются из пор моего противника, когда он/она/оно встает на дыбы и ревет, бросая мне вызов.

Драться или драпать, драться или драпать. Адреналин — наркотик альтернативы.

С серией «Г» покончено. Хвост наружу, лапы свободны.

Серия «Е» готова. Мои когти, так жаждавшие когда-то маникюра, со свистом вылетают из гнезд и слегка загибаются книзу — обсидиановые кинжалы, сверкающие в лунном свете.

«П-1» и «П-2» сброшены. С воплем, способным обратить в панику целые деревни, я, сдирая с головы резину, освобождаюсь от маски. Встают на место хрящи и кости, и вот уже морда, так долго заключенная в полистироловые оковы, обретает свои естественные очертания.

Остается серия «М». Что есть силы харкнув, я изрыгаю целый водопад мостов, коронок и насадок, с лязгом пикирующих в грязь. Три месяца я не обнажал мои истинные зубы, пятьдесят восемь отточенных лезвий, и как же здорово ухватить наконец ими воздух, щелкнуть и злобно поскрежетать.

Существо медлит. Я издаю восторженный рев. Ну, давай же, верзила! Давай!

Мысли смешались, инстинкты — вот все, что осталось у меня.

Пластик горит сильнее и сильнее, и в этой вони клубятся ярость и замешательство...

Схватка взглядов, схватка запахов...

Рычание. Наблюдение. Ворчанье. Ожидание.

Шевельнешься — проиграешь. Шевельнешься — погибнешь.

Уклоняюсь — влево — с воплем, с воем — когтями наотмашь — дотянуться до плоти, ухватить мышцы, сухожилия, кости — бью по земле лапами, ищу точку опоры — хлещут малиновые струи, но я ничего не чувствую — работать пастью, сомкнуть челюсти, все ближе и ближе к горлу...

Запахом крови, запахом сахара — моим, не моим — пропитан воздух, но нет ни боли, ни страха, есть только *она*, этот гибрид с хвостом, клыками и зубами, которые вместе не существуют — не могут существовать!

Я взмахиваю хвостом, хлещу им — вверх, вниз — в надежде свалить бестию, и нет для меня сейчас ничего прекрасней и правильной этой смертельной схватки. Есть это во мне, как в любом другом дине, наша коллективная, исконная память, и я мгновенно оказываюсь на берегу древней реки, где воздух насыщен влагой и взмахами крыльев птеродактилей, и жужжанием насекомых, давным-давно окаменевших, а земля усеяна костями поверженных. И я знаю, что тварь, с которой сражаюсь, какова бы ни была ее генетическая структура, чувствует то же самое. И нас, напрягающих мускулы, хрипящих, бросающихся друг на друга, отделяет от больниц, таксомоторов и складов сотня миллионов лет.

Передышка — я отступаю, откатываюсь, усилием воли пытаюсь остановить кровотечение. Перед глазами мерцают черные волны, мир струится, будто вода за кормой гоночного катера. Задето плечо, задета нога, задет хвост, задета шея — где-то глубоко, где-то слегка, и везде жгучая боль.

Это ускользает в тень — восстановить силы, наверное, или придумать, как взяться за меня по-новому. У меня остается совсем немного времени, прежде чем оно вновь возжаждет моей крови. Могу лишь надеяться, что силы его, как и мои, на исходе, где-нибудь на троечку с минусом.

— Довольно, — с трудом выдыхаю я. — Устал.

До меня доносится рык исходящей слюной бешеной собаки. Может, он пытается

ответить?

— Английский? — Не представляю, что там изрекает это существо, да и представлять не хочу.

Никакой реакции. Вразумительной, по крайней мере. Тяжелое дыхание, рычание, боковое движение во тьме.

Осторожненько — смотри, я дерусь против воли — поднимаю лапы, наполовину втягиваю когти, открываю грудь, безмолвно вопрошаю: может, договоримся? — вот они итоги воспитания в духе «обо всем можно договориться» этого человеческого мира.

Я уязвим.

Я беззащитен.

Я дурак.

Тварь высоко подпрыгивает — в реве слышится хохот, в визге — хихиканье, — я съеживаюсь, ухожу в защиту, скрестив лапы на груди и выпустив когти, — и она обрушивается на меня, сверкая зубами, целясь хвостом, исходя слюною, прожигающей землю. Я прищуриваюсь, конец мой близко, вот мы уже пожираем друг друга глазами... И мои когти вонзаются в ее брюхо.

Кровь хлещет у меня по лапам, и ночь разрывается воем тысячи подыхающих волков. Мои пальцы сжимают требуху, когти кромсают каверны, и существо, с которым я сражаюсь, извивается, словно угорь на вертеле.

Оно пытается отползти, скрыться во тьме, и моя лапа, намертво впившаяся в него — когти вонзаются все глубже и выше, раздирая все препоны на пути к цели, — тянет меня за собой. Мы кувыркаемся по переулку, кровь ручьями течет по мостовой в водостоки и далее, в море. Лишь несколько дюймов разделяет наши лица, и пока тело мое бьется, пытаюсь высвободиться, я смотрю в эти мутно-желтые, налившиеся кровью глаза в надежде отыскать путеводную нить к сути и происхождению их обладателя. Но не вижу ничего, кроме боли, ярости, разочарования и замешательства. Никак оно не ожидало такого вот конца.

Кровь бурлит в его горле, заглушая все звуки; существо цепляется ногами и хвостом за поребрик и тщится рывками — подпрыгивая, падая — перебросить свое тело на обочину, подальше от моих лап. И только слышно, как рвутся ткани под моими когтями.

Я истекаю кровью, дело ясное, но существо, теперь находящееся в нескольких ярдах, потеряло ее куда больше. Мои зубы и когти избородили его кожу зияющими ранами, и я вижу, как сочатся кишки из пробоины в брюхе и, точно макароны, шлепаются на землю. Оно пятится, спотыкаясь, — не из предосторожности, не от страха, но ослабев окончательно; ноги его дрожат, едва удерживая невероятно массивное тело. И теперь в его глазах вспыхивает то, что раньше было скрыто от меня за искаженными перекошенными чертами, нечто иное, нежели боль, ярость и замешательство. Я вижу там облегчение и радость освобождения. Оттого, что все это кончилось. Оттого, что он перестанет существовать. *«Спасибо, — говорит мне его взгляд. — Спасибо за билет отсюда».*

Последний хрип, и существо падает на землю. Пластик больше не горит.

Десять минут первого, и я не могу удержаться от победного клича своим собственным голосом Раптора, от песни завоевателя, от торжествующего воя, который переполняет меня и подобно углекислому газу взрывается, пенится, извергается. Частицы разума возвращаются ко мне и настойчиво твердят улепетывать, собрать свои пожитки и скрыться во тьме, пока никто не увидел в этом нью-йоркском переулке поле брани доисторических созданий. Но разве справиться этим слабеньким частицам со всепоглощающей жаждой воспеть победу и ликовать над останками поверженного врага.

С разинутой пастью, с языком, алчно пересчитывающим зубы, я инстинктивно опускаю рыло к горлу своей жертвы, к столь доступным мясистым мускулам вокруг ее шеи в предвкушении пиршества победителя...

Полицейские сирены. Далеко, но приближаются. Нет времени для сомнений. Мои челюсти все еще тянутся к телу поверженного существа, и я собираю всю волю в кулак, чтобы бросить его и отступить. Этот водянисто-сахарный аромат, этот запах крови

пробуждают мое вожделение, подхлестывают исконную страсть. Но нет, не вкусить мне, взбудораженному инстинктами, мяса — по крайней мере, сегодняшней ночью. И я знаю, что утром буду этому рад. Я редко ем сырое мясо, даже когда не сам убиваю добычу, и просто представить себе не могу, как отреагирует мой желудок на эту убоину. Пацифистские умонастроения возвращаются ко мне, и я смущаюсь при виде последствий кровавой бойни.

Сирены все громче, все ближе. Уверен, что нас не видно. Но меня удивляет, что кто-то в этом убогом районе настолько обеспокоился о своих ближних — или тех, кого посчитал таковыми, — чтобы набрать 911 и сообщить о душераздирающих звуках, доносящихся из ближайшего переулка.

Столько дел, а времени в обрез. Целый день кручусь как белка в колесе. Уничтожить все следы просто невозможно; на это потребуется не меньше двадцати минут, тогда как у меня, по моим скромным подсчетам, около четырех. Я выбираю самый скорый метод, обязательный минимум. Надеюсь, все получится.

Я ковыляю к своему саквоюжу, уровень адреналина стремительно падает, и в ноль часов двенадцать минут, точно по расписанию, болевой экспресс прибывает на станцию. В одном из отделений, под клапаном, в кармане, замаскированном полоской ткани, обнаруживаю требуемый мешочек. Зажав его между зубов, плетусь к поверженному динозавру и обеими лапами обхватываю его тушу. Рву на себя.

И чуть грыжу себе не зарабатываю. Это существо весит гораздо больше, чем можно было ожидать. Сирены уже вдвое громче, в унисон им крикает «скорая помощь». Что было сил дергаю тушу, и на этот раз она сдвигается на дюйм-другой. Тащу мертвый груз к ближайшему мусорному контейнеру, вкладывая в каждый шаг поистине титанические усилия.

Нет никакой надежды на то, что я смогу засунуть труп в контейнер, хотя и следовало бы. Даже если я как-то ухитрюсь взять этот вес на грудь и рвануть над головой — задача совершенно непосильная для моего телосложения, пусть и без облачения, — скорей всего он обрушится на меня и раздавит в лепешку. Был бы у меня час — или лебедка, — но у меня нет ни того, ни другого. Зато я слышу, как скрипят тормоза и хлопают дверцы патрульной машины.

Гражданский долг члена нашего тайного сообщества требует, чтобы я убирал с глаз долой всех скончавшихся необлаченных динозавров и определял в безопасное место, откуда их смогут забрать соответствующие службы. Но ведь это не значит, что я должен при этом себя гробить. Одним словом, в контейнер его никак не засунуть. А вот за контейнер... ага! И я продолжаю тянуть.

Это, конечно, временная мера, ведь в первых же лучах солнца останки динозавра сможет увидеть каждый, кто не поленится бросить взгляд в переулок, но до утра должна прибыть команда чистильщиков и уничтожить все следы. Я хватаю зажатый в зубах мешочек и разрываю оболочку.

Невероятная вонь — разлагающихся трупов, гниющих апельсинов — бьет меня в упор, и я шарахаюсь в теплый ночной воздух. Неудивительно, что чистильщики способны унюхать эту дрянь в радиусе двадцати миль, — я и сам, без подготовки, учуял бы, наверное, за десять. Изо всех сил сдерживая дыхание, прикрывая чувствительное свое рыло, я посыпаю гранулами из мешочка труп динозавра.

Плоть его начинает растворяться.

Хорошо бы затаиться поблизости и проследить за тем, как мой противник медленно — час или около того — исчезает с лица земли, мышцы и ткани испаряются и улетучиваются, пока не останется голый скелет, какие хранятся в музеях. Может, я смог бы тогда понять, что за тварь на меня напала и какие дела привели певичку по имени Сара Арчер из ночного клуба в обветшалую клинику, за дверями которой скрывается явно не то, что на них написано. Однако я уже слышу треск переговорных устройств и голоса полицейских, так что мне пора сматывать удочки. Я забрасываю тушу динозавра валяющимся мусором, чтобы все выглядело естественными отбросами каменных джунглей.

Не забыв собрав все свои корсеты и зажимы, не говоря уж о багаже — несчастном моем саквояже, изодранном и распоротом, — я сгибаю свои мощные ноги, прыгаю на мусорный контейнер и качаюсь на самом краю, пытаюсь обрести равновесие. Следующий прыжок — на этот раз задействован ушибленный хвост, — и я уже на крыше невысокого дома. Не имея ни малейшего представления ни о том, где я, ни о каких-либо нью-йоркских ориентирах, я просто прыгаю с крыши на крышу, неважно куда, лишь бы подальше от поля битвы.

Примерно через две минуты полиция доберется до переулочка. Возможно, они вообще не заметят следов побоища. Возможно, густые тени скроют все оставленные нами следы. Но велика вероятность, что они обнаружат кровь, клочья мяса и тогда, скорее всего, решат продолжить расследование.

Но они не найдут никого и ничего, соответствующего этой крови и этим ошметкам. Они станут обсуждать все это, выдвигать и оспаривать версии — ох уж эти копы с их версиями, — а затем, исчерпав всю свою словесную энергию, начнут осматривать местность. И все впустую. Даже если кому-то из них придет в голову заглянуть за мусорный контейнер, он увидит лишь кучу мусора, к делу никак не относящуюся. Аромат же, от нее исходящий, столь сильный, что я ощущаю его за восемнадцать крыш, не произведет никакого впечатления на изношенную полицейскую нюхалку: люди не способны учуять эти крошечные микроорганизмы, что так любят нашу разлагающуюся плоть.

А может, среди этих полицейских и динозавр затесался. В таком случае от него никак не ускользнет запах из мешочка, он тут же поймет, что к чему, и постарается скрыть все следы. Его служба на страже закона важна, но все отступает на второй план перед долгом во имя собственного рода. Позже, оставшись в одиночестве, он позвонит в соответствующие органы, и те примутся за работу.

А если на этом участке не окажется дина-полицейского? Тогда остается надеяться на то, что летучий патруль чистильщиков, один из трех отрядов динов, рыщущих по городу двадцать четыре часа в сутки, в три смены по восемь часов, без перерывов, без выходных — паршивая работенка, но кому-то надо ею заниматься, — наткнется на скелет этой твари, прежде чем об него споткнется кто-либо из человекообразных и со всех ног кинется в палеонтологическое отделение Нью-Йоркского университета. Хватит с нас этих находок современных окаменелостей.

Я прыгаю, и прыгаю, и прыгаю, словно лягушка, чья ДНК, возможно, просочилась в мой генетический код в первобытном болоте. Когда прогнившее дерево крыш сменяется на более крепкое, я понимаю, что скоро окажусь в безопасности. В конце концов я перестану беспокоиться, что вот-вот провалюсь сквозь трухлявые перекрытия, и решаю сделать остановку. Где-то в десяти кварталах от меня большая дорога, может быть, автострада. Пора менять наружность.

Последним прыжком опускаюсь на плоскую крышу, со всех сторон окруженную невысокой стеной. Прекрасно. Первым делом — перевязать раны. Я перетряхиваю весь саквояж в поисках тряпок, которых не жалко. У меня здесь куча всего от Клэйборна, а вот Армани поменьше — всего две рубашечки. Вдыхаю — итак, выбор падает на Клэйборна. Счистив о цемент кровь с когтей, я разрываю несколько рубашек из чистого хлопка на длинные тонкие полосы и заботливо перевязываю раны. Ляную сорочку от Хенли я не трогаю, потому что она любимая и мне не перенести разлуки, хоть и позарез нужен жгут для хвоста. Это моя единственная лянная вещь, и я категорически отказываюсь ее портить. Лен дышит, напоминаю я себе, а это важнейшая характеристика ткани.

Заматавшись, как мумия, так что кровь уже не хлещет, а лишь слегка сочится, я расстегиваю молнию на подкладке саквояжа, вытаскиваю запасное облачение и, прежде чем залезть в него, раскладываю на крыше. С тех пор как наш род более трех миллионов лет назад решил постоянно скрывать свой истинный облик, ни одному дину не позволено менять человеческое обличье без специального разрешения местного и национального Советов. Каждому разрешается иметь одно-два запасных облачения, экстренный комплект на тот

случай, если придет в негодность первая линия обороны, но он должен быть заказан через одну из крупных фирм в соответствии с идентификационным номером, присвоенным каждому дину и хранящимся вместе с досье в особых секретных книгах. Мой номер 41392268561, и можете не сомневаться, что он выжжен у меня в мозгу с самого первого дня.

Впрочем, допустимы небольшие отклонения, индивидуальные вариации, которые конечный потребитель может добавить или убрать из своего облачения по собственной прихоти. К примеру, то облачение, которое я сейчас натягиваю на свое помятое израненное тело, является точной копией повседневного костюма абсолютно во всем, кроме одного: в нем добавлены усы.

Нет, правда, очаровательный участок лицевого волосяного покрова, тонкий клочок шерсти, ненавязчиво, без преувеличений подчеркивающий мои мужские достоинства. Я заказал их в «Нанджутсу корпорэйшн» — отдел облачений 408, усы «Дэвида Нивена № 3», \$26.95 — и намертво приделал к запасной личине, как только уехал доставивший их почтовый фургон. Я ликовал, как ребенок рождественским утром, и хотел как можно скорей испробовать новую игрушку. Прихлобучить ее и наблюдать, как падают в обморок женщины. Так, по крайней мере, утверждала реклама.

К сожалению, Эрни при виде моего украшения каждый раз взрывался таким хохотом, будто весь день нюхал эфир, так что спустя два дня непрерывного замешательства я перестал надевать этот костюм. Однако сохранил на всякий случай в качестве запасной пары, и теперь просто счастлив такой рачительности. Я напяливаю одну из немногих оставшихся у меня рубашек, влезая в брюки и оплакиваю утрату шляпы и пальто, предметов, беспечно оставленных мною во время панического бегства. По лязгающей пожарной лестнице я сползаю с крыши и, не имея ни малейшего желания убивать очередной час на попытки остановить такси, решаю отыскать ближайший телефон-автомат. Он сломан. Я прохожу квартал, обнаруживаю еще один, тоже сломанный. Это что, обычай такой в Нью-Йорке, а? Наконец я добираюсь до исправного автомата, сообщаю свои координаты — тут уже появились таблички, и похоже, что я очутился в Бронксе, — первой же таксомоторной компании, какую нахожу в истерзанных «Желтых страницах», дождавшихся-таки меня в этой будке. Сейчас около часа ночи, почти час прошел с тех пор, как усеянный шипами хвост чуть не обезглавил меня, так что остается надеяться на то, что такси не задержится. Я устал.

Через тридцать минут я с потрепанным в боях саквояжем наперевес вваливаюсь в отель «Плаза» и ковыляю к стойке портье. Все мысли по делу — о Саре Арчер, о миссис Макбрайд, о Доноване Берке и его «Эволюция-клубе», даже об Эрни — съезжились на задворках моего сознания. От меня вообще ничего не осталось: я — оболочка, скорлупа, и мои мысли давно сбились с курса.

— Меня зовут Винсент Рубио, — шепчу я портье, пареньку столь юному, что он здесь, видимо, на практике от начальной школы, — и мне нужна комната.

Портье, ошарашенный моим багажом, потухшими глазами и резкими манерами, начинает, заикаясь:

— У вас... у вас... у вас есть...

Голову даю на отсечение, я знаю, что за этим последует.

— Если ты скажешь, что комнаты нет, — мой мозг уже спит и видит сны, поручив всю работу телу, — если ты скажешь, что я должен был заказать номер заранее, если ты просто захочешь произнести слова: «Я сожалею, сэр», — я перепрыгну через этот прилавок и откушу тебе уши. Я вырву твои глаза и заставлю их съесть. Я выдерну у тебя ноздри и засуну их тебе в задницу, и более того — куда более того, — я удостоверюсь, что ты никогда, никогда не станешь отцом своего ребенка, причем сделаю это самым ужасным, самым злобным, самым умопомрачительным способом, какой только способен представить себе твой крошечный умишко. Так что если не желаешь насладиться собственными криками от мучительной, леденящей кровь, унижительной боли, советую взять мою кредитную карту, выдать мне ключ и сообщить, какой лифт доставит меня в номер.

Мое размещение в президентских апартаментах прошло просто великолепно.

9

Если нью-йоркская «Плаза» еще не проходит по классу лучших в мире странноприимных заведений, настоящим заявлением я выдвигаю ее в таковые. А если она уже попала в этот престижный список, предлагаю учредить новую категорию под названием «Самая Удобная Койка» и на законных основаниях присвоить первое место кровати королевского размера — императорского размера — размера пожизненного диктатора, — на которой мне посчастливилось скоротать прошлую ночь.

Несмотря на множественные ранения различных частей тела, я не сдвинулся во сне ни на дюйм. Несмотря на то что ушибленный хвост приобрел синеву ночного неба, которая совершенно не сочетается с естественной зеленью моего тела, я ни разу не повернулся. Несмотря на уйму образов, заполонивших мою голову, будто пассажиры переполненного вагона метро, видений, способных на всю жизнь обеспечить психоаналитика пищей для размышлений, меня не мучили кошмары. Не было вообще никаких тревожных снов, не говоря уж о рысующих по городу динозаврах-мутантах, и все это я ставлю в заслугу кровати, чудесной кровати, не слишком жесткой, не слишком мягкой и обложенной подушками во всех надлежащих местах. Теперь я понимаю, почему млекопитающие так оплакивают невозможность вернуться в материнскую утробу.

После ночных неудач я чувствую себя вправе заказать обслуживание в номер. Правила Винсента недвусмысленно гласят: если когда-нибудь тебе случится подвергнуться в тихом переулке нападению твари, которая по законам природы существовать не может, накладные расходы по делу автоматически утраиваются.

Завтрак — яичница из трех яиц, два ломтика бекона, два колбасных паштета с гарниром из овсянки и печенья, шесть блинов, четыре вафли, жареный французский батон, три бисквита, жареная куриная грудка, блюдо медовых пончиков, жира поменьше, молока побольше, а также апельсиновый сок — был доставлен и расставлен на тумбочке официантом по имени Мигель, и хотя я подумываю, не попросить ли его принести с кухни кое-какие приправы, что-то во мне леденеет при мысли о веточке базилика, прямо сейчас, с утра пораньше. Странно. Все проходит, и это тоже пройдет.

Быстренько прослушиваю свой автоответчик в Лос-Анджелесе, и среди угроз и уговоров разнообразных кредитных учреждений обнаруживаю два коротких послания от Дана Паттерсона с просьбой позвонить ему, как только представится такая возможность. Мне совершенно не хочется сообщать Дану о моем местопребывании, так как он сильно обидится, узнав, что с ним не поделились информацией, а потому я решаю позвонить попозже, когда мои угрызения совести улягутся под воздействием травмы.

Только я кладу трубку и макаю блинчик в подтаявшее масло, как звонит телефон.

— Алло? — бормочу я с полным ртом блинов.

— Это... детектив? — Знакомый голос, но смутно. Не то чтобы знакомый, но я его знаю.

— Именно так. А вы?...

Молчание. Я стучу по трубке, чтобы убедиться, работает ли. Работает.

— Думаю, у меня... — Голос сходит на нет.

— Вы не могли бы говорить погромче? Ничего не слышно.

Вдруг я сообщаю, что сбилось мое облачение: левое «ухо» отошло от слухового отверстия, и скула моего человеческого лица закрывает доступ каким-либо звукам. Должно быть, сдвинулась во сне. Проклятье, я-то надеялся выйти сегодня на люди, не переклеивая маску эпоксидной смолой. Слегка подергав туда-сюда, я приспасабливаю личину, так что могу хотя бы закончить разговор.

Снова шепот, но теперь вполне различимый:

— Думаю, у меня может найтись для вас кое-что. Кое-какая информация.

— Теперь начинаю понимать. Я вас знаю?

— Да. Нет... мы... мы встречались. Вчера. У меня в кабинете.

Доктор Надель, коронер.

— Вы что-нибудь вспомнили? — Есть у свидетелей склонность припоминать самое главное, когда меня давно уже нет. Довольно-таки раздражающая.

— Не по телефону, — говорит он. — Не сейчас. Встретимся в полдень, под мостом у южного входа в зоопарк Центрального парка.

Сейчас около десяти.

— Послушайте, я не знаю, что вы там в кино насмотрелись, но свидетели вполне могут сообщать детективам всю информацию по телефону — для этого совершенно не нужно встречаться под мостом или в каком-нибудь глухом переулке, если вы это имеете в виду.

— Нельзя, чтобы нас видели вместе. Это опасно.

— Ну-ну, по телефону-то говорить куда безопаснее, чем встречаться друг с другом. Вы боитесь, что люди увидят нас вместе? А в парк ходят только хорошие парни, так, что ли?

— Я буду в другом облачении. И вы тоже.

Черта с два.

— У меня нет другого...

— Так достаньте. — Этот парень от страха последний ум потерял. Надо бы с ним поосторожнее.

— Вам нужна эта информация, детектив. Но я не могу позволить, чтобы нас видели вместе, так что придется вам что-нибудь придумать.

— Может, не так уж и нужна.

— А еще может быть, что вы не хотите узнать, как умер ваш партнер.

Следует отдать ему должное, парень знает, куда нажать.

— Хорошо, хорошо, — соглашаюсь я. — Будь по-вашему. Как я узнаю, что это вы...

Но он уже был таков. А через десять минут и я тоже.

В любом крупном городе найдется тысяча способов раздобыть нелегальное облачение, а в Нью-Йорке их по меньшей мере в двадцать раз больше. Несмотря на то что агенты Совета постоянно обшаривают ткацкий район в поисках противозаконных одеяний, здесь, вкупе с оптовыми магазинами электроники, а также порнолавками вокруг Таймс-Сквер, процветает хорошо налаженное производство недозволенных аксессуаров. Если знаешь нужного дина, в любое время дня и ночи можно зайти в подсобку оружейного магазина или в прачечную и разжиться новыми волосами, новыми бедрами или новым пивным брюхом, если в голову придет такая блажь. К сожалению, я не знаю нужного дина. Но чувствую, что его вполне может знать Гленда.

— Ты знаешь, который сейчас долбаный час? — спрашивает она, увидев меня на своем коврике у двери.

— Десять тридцать.

— Утра?

— Утра.

— Вот дерьмо. Долгая была ночь. После того как мы расстались, я разбомбила еще несколько баров. Слушай, я выпила целый гребаный чайник этого травяного отвара, просто неземного, черт бы его побрал, а еще...

— Мне нужна твоя помощь, — перебиваю я. Отличная девчонка, но если у тебя к ней срочное дело, надо как можно раньше остановить этот словесный поток. Я быстро обрисовываю ситуацию: необходимо новое облачение, немедленно, по-тихому.

— Черт, да ты не по адресу, Винсент, я совсем не та...

— Та самая, крошка. Все остальные в Нью-Йорке либо смерти моей желают, либо намерены вышвырнуть меня из города. Или то и другое.

Она водит языком по зубам и внутренним сторонам щек, обдумывая мою просьбу.

— Знаю я одного парня...

— Отлично! Давай мне его...

— Но он Анки, — тут же предупреждает Гленда. — Я же знаю, как ты относишься к этим гребаным Анки.

— Сейчас я готов купить облачение даже у Компии.

Гленда издаст язвительный смешок:

— У него партнер Компии.

— Шутишь.

— Серьезно.

Время к одиннадцати. Выбора у меня нет.

— Буду держать язык за зубами. Пойдем.

Анкилозавры — это торговцы подержанными автомобилями мира динозавров. На самом деле, в мире млекопитающих они тоже торгуют подержанными автомобилями — в Калифорнии практически каждая меняющая владельца тачка проходит через руки кого-то из немногих Анки, переживших Великие Ливни и наглядно олицетворяющих опасность родственного спаривания. Еще они валяют дурака с недвижимостью, занимаются театральным менеджментом, поставили на широкую ногу производство оружия, а на худой конец могут втюхать тебе и Бруклинский мост. Если имеешь дело с Анки, держи ноздри остро: говорят они бойко, но ложь сочтется через поры.

— Его зовут Мэнни, — сообщает Гленда, когда мы заворачиваем за угол. Мы недалеко от перекрестка Парк-авеню и Пятьдесят шестой, и я не понимаю, зачем она притащила меня в этот фешенебельный район.

— Разве это подходящее место для нашего дела?

— Видишь напротив художественную галерею?

— Нам туда?

— Вот именно. Я познакомилась с Мэнни, когда мы следили за соседним магазином кожи. За то, что мы купили у него пару вещей, он дал нам воспользоваться задней комнатой, чтобы протянуть несколько проводков. Баш на баш, обычное дело с Анки; им не дано понять значение слова *одолжение*.

— Ты купила у него произведения искусства?

— Не-а, — смеется Гленда. — Я купила у него новый комплект губ. Пухлых — подделку под «Риту Хейворт № 242» от Нанджутсу. Искусство никто не покупает, это просто витрина. Черт, видел ты, чтобы кто-то что-то покупал в галереях?

— Никогда не был ни в одной.

— Ладно, я тоже — до этой. Дело там совсем не в гребаном искусстве — может, заходят иногда долбанные млекопитающие приобрести пару литографий для гостиной, но... — Мы подходим ко входу в заведение Мэнни, со вкусом оформленный салон с витриной от пола до потолка. Сквозь нагромождение ярко размалеванных скульптур я различаю продавца, разговаривающего с двумя покупателями. Гленда открывает передо мной дверь.

— Сейчас увидишь, что я имею в виду.

Ужасная катастрофа автоцистерны, под завязку заполненной красками, — вот все, что я смог представить себе, очутившись в галерее. Ярко-красные, кричаще-желтые и ядовито-синие плакаты, холсты, скульптуры, мозаики, слегка разбавленные для полноты ощущений неоновой зеленью. Просто ослепительно.

Гленда коротко машет продавцу — я так понимаю, что это Мэнни, — и он вежливо извиняется перед двумя покупателями, застрявшими у кассы. Пока он идет к нам с распростертыми объятиями и крокодильей улыбкой, растянувшей губы в подобие двух слипшихся пиявок, я уже чувствую слизь, что источают его поры. Более того, я обоняю его, и сквозь типичный алюминиевый запах Анки явно проступает аромат вазелина.

— Мисс Гленда! — с деланной радостью восклицает он. — Какое неслыханное счастье увидеть вас сегодня! — Мне кажется, он сильно преувеличивает свой акцент, однако

воздержусь от оскорбительных комментариев, пока не узнаю парня чуть ближе.

— Мы были тут по соседству, так что я решила заскочить и показать моему другу Винсенту вашу замечательную галерею.

— Винсент? — Он обхватывает мою руку обеими своими. — Это правда? Ви-и-инсе-е-ент?

— Именно так. — Я заставляю себя улыбнуться.

— Мы бы хотели поговорить о некоторых из тех репродукций, — понизив голос, сообщает Гленда.

Бровь поднимается, глаз чуть заметно подмигивает, и Мэнни возвращается к своим покупателям:

— Может быть, на следующей неделе у меня появится то, что вам нужно. Мэнни позвонит вам.

Парочка — человечья — понимает, что их вежливо выставляют, и покидает галерею. Мэнни запирает за ними дверь и переворачивает лицом к улице табличку «ЗАКРЫТО НА ОБЕД». Затем возвращается и говорит, заметно смягчив акцент:

— Млекопитающие. Им нужен Кандинский. Что я там знаю из Кандинского?

Следует отвечать? Мы с Глендой предпочитаем сочувственно покачать головами. Я украдкой гляжу на часы, Мэнни украдкой глядит на меня.

— Торопитесь, так? Пойдем, пойдем, вон туда, в подсобку.

Мы проходим в заднюю часть галереи, пробираемся между ящиками с живописью и литографиями, коробками с абстрактными скульптурами. Мэнни ведет нас к двери туалета с табличкой «ТОЛЬКО ДЛЯ ПЕРСОНАЛА», не прекращая всю дорогу болтать:

— ...и когда поступила новая партия латекса, я сказал рабочим, что мы должны немедленно внедрить его в производство, поскольку Мэнни делает лучшие облачения, лучше, чем компании, гораздо лучше, чем Накитара, к примеру, который даже не использует биополимеры млекопитающих — вы не знали? — и применяет коровий материал. Коровы, кажется, тоже млекопитающие, но у Мэнни идет в работу только настоящий млекопитающий продукт, если вы понимаете, что я имею в виду, и потому у Мэнни вы найдете самый лучший товар... — И так далее, и тому подобное.

Из туалета ведет следующая дверь, потом еще одна, и еще одна, и еще, так что вскоре мы преодолеваем целый лабиринт комнат, причем на каждой висит своя особенная табличка: «КЛАДОВАЯ», «ОСТАТКИ», «ЧИСТЫЕ ХОЛСТЫ», «НЕ ОТКРЫВАТЬ. ОПАСНО ДЛЯ ЖИЗНИ: КИСЛОТА».

Когда Мэнни открывает эту последнюю дверь, я инстинктивно шарахаюсь, ожидая получить в физиономию залп химикалий, но ничуть не бывало: Мэнни спокойно переступает порог небольшого склада, под завязку забитого пустыми человечьими оболочками всех размеров, цветов и форм. Вдоль стен выстроены в ряд специальные вешалки — пенополистироловые манекены, вырезанные по фигуре млекопитающих, — и на каждой натянута жалкая пародия на человеческое тело. Воздух наполнен электрическим жужжанием.

На полу дюжина работников в поте лица корпит над швейными машинами и утюгами, аккуратно вшивая кнопки, молнии и затворы, являющиеся неотъемлемой частью любого хорошего облачения. Жара здесь невыносимая, и я начинаю жалеть динозавров, вынужденных работать в подобных условиях. Я еще помню истории о тех далеких временах, когда не было для нас ничего лучше жары и сырости — мы просто расцветали в них, просыпались утром и вкушали сладкий парной воздух, каждая частица которого истекает сочной влагой, — но теперь, спустя все эти долгие спокойные прохладные и хорошо проветриваемые годы, я готов поспорить, что любой из нас скорее предпочтет поселиться в Антарктиде, нежели, скажем, в Майами-бич. Правда, мне по вкусу королевские пингвины, так что здесь я небеспристрастен.

— Не обращайтесь на них внимания, — говорит Мэнни, явно читая мои мысли. — Они довольны этой работой. — И в подтверждение своих слов восклицает: — Работники, вы

счастливы работать на Мэнни?

Все они, как один, одурманенно-монотонно откликаются:

— Да, Мэнни.

Похоже, у этого Анки счет в торговле дешевым базиликом идет на тонны.

— Итак, мистер Винсент, что бы вы хотели сегодня? — Мэнни ведет нас с Глендой к ряду облачений у противоположной стены. — Мы специализируемся на аксессуарах ручной работы для торса. Возможно, новые бицепсы...

— Мне нужно полное облачение.

— Полное облачение, неужели? Это очень дорогая вещь. Здесь, у Мэнни, только самые лучшие мастера...

— Хватит, Мэнни. Цена значения не имеет. — У меня при себе кредитная карта «ТруТел». — Если вы мне выпишете счет на какое-нибудь произведение искусства.

Сейчас Мэнни улыбается вполне искренне; видно, любит, когда покупатели сразу берут быка за рога.

— Разумеется, мистер Винсент. Именно так мы и поступим.

Следующие двадцать минут мы роемся в рядах облачений, каждое из которых имеет свои преимущества и недостатки по части функциональности и эстетики. Гленда выступает в роли моего личного советника и критика, отмечая дрянной дизайн и некачественный пошив. Честно говоря, облачения Мэнни сделаны просто великолепно, и я выражаю удивление, почему он не выходит на легальный рынок.

— Подождите, пока не увидите счет, — ухмыляется он в ответ.

В конце концов мы останавливаемся на облачении дородного мужчины средних лет с выпирающим брюхом и слегка кривыми ногами, копии модели Накитара «Мистер Иохансен № 419». Рост около ста семидесяти двух при восьмидесяти килограммах веса вполне соответствует возрасту и полу, в общем, именно то, что нам нужно. Но у костюма на пенополистироловом манекене вместо лица бесцветная оболочка, лишенная волос и отличительных признаков. За сорок пять минут, прежде чем я напялю этот костюм и потопая в Центральный парк, из него нужно слепить подобие человека.

— Мария просто гений по части волос, — говорит Мэнни. Мы стоим рядом со старой высохшей дамой Аллозавром, дряблая кожа ее облачения усеяна морщинами и просвисает. Мэнни явно не снабжает работников бесплатными облачениями. — Она мастерит волосы уже... сколько ж лет прошло?

Мария бормочет что-то непонятное. Я уверен, что и сам Мэнни ничего не понял.

— Слышали? — восклицает он. — Много, много лет.

Мы выбираем светлый рыжеватый образец с сединой на висках — «придает аристократизма, правда?» — и, чтобы сэкономить драгоценные минуты, минимум растительности на теле. Я собираюсь использовать облачение всего один раз, а во время встречи с коронером мне вряд ли понадобится раздеться.

Появляется Тревор, «гений» по части особых примет, и мы разживаемся родимыми пятнами на лицо и блекло-синей армейской татуировкой на предплечье. Фрэнк, «гений» по части оттенков человеческой кожи, проходится по облачению оливковым спреем, добиваясь чего-то среднего между загаром и естественной смуглостью. Мария, которая оказывается «гением» по части не только волос, но и глаз, прописывает голубые контактные линзы, дабы скрыть естественную зелень моей радужки.

Пока Гленда и Мэнни помогают мне снять повседневный костюм и уложить его в отличную кожаную дорожную сумку — «подарок моему дорогому другу мистеру Винсенту», — остальные специалисты добавляют последние штрихи к моему новому облачению. Родинку сюда, морщинку туда. Все в спешке, но на час-полтора сгодится.

Я натягиваю облачение, словно удобную пижаму. Меня уверяют, что подкладка сделана из шелковых полимеров, что весьма облегчает процедуру. Прежде чем надеть чужую кожу, я представляю себе, как непривычно будет глядеть сквозь новые глазницы, осязать новыми перчатками. Однако все оказывается вполне соизмеримым со старой оболочкой:

человек есть человек. Ко мне подкатывают зеркало, и теперь, когда я взмахиваю рукой, в ответ мне машет упитанный малый средних лет. Когда я ухмыляюсь, упитанный малый средних лет выпячивает второй подбородок. Я начинаю пританцовывать и путаюсь в собственных ногах. Превосходно.

— Вам нравится? — спрашивает Мэнни, когда все встает на свои места.

— Отличная работа. — Я протягиваю дебетную карту «ТруТел», чуть задержав взгляд на счете — еще один взгляд убил бы меня наповал, — и Мэнни нетерпеливо снимает затребованную сумму.

— Мистер Винсент, вы хороший покупатель. Мы всегда будем рады вас видеть.

Мэнни целует нам руки, щеки и ведет нас лабиринтом комнат в картинную галерею. Вся процедура заняла не более тридцати минут.

— Хочешь, чтобы я пошла с тобой? — спрашивает Гленда, когда мы уже стоим в дверях.

— Сольная партия. Не хочу пугать парня, он и так дрожит как заяц.

— Может, мне проследить издали...

— Все в порядке, Глен. Иди на работу.

Выйдя от Мэнни, я улавливаю знакомый запах и кручусь, как волчок, в надежде установить источник. Однако вокруг столько пешеходов, многие из которых обладают своим собственным специфическим запахом, что это оказывается практически невозможным. В заведение Мэнни уверенно направляется какой-то молодой человек; возможно, запах исходит именно от него. Однако лицо его мне незнакомо, и нет времени беспокоиться по этому поводу.

Мне нужно узнать дорогу.

— Центральный парк...

— На севере, — отзывается Гленда. — Зоопарк примерно на полпути к восточной стороне. Держись все время вправо, не проскочишь.

— Тьфу, чуть не забыл, — возвращаюсь я к Гленде. — Можешь проверить кое-что для меня?

— Как проверить?

— В «Джей атр; Ти», по компьютеру.

Гленда хмурит брови:

— Хочешь втравить меня в какое-то дерьмо, Винсент?

— Возможно.

— Ну, наконец-то. — В предвкушении она потирает руки. — Что тебе нужно?

— Похоже, Эрни в свой последний приезд хранил материалы в «Джей атр; Ти». Записи, досье, все, что сможешь отыскать.

— Эрни как-то связан с твоим новым делом?

— Может быть. Но даже если это не так...

— В прошлый раз через эти дела ты нажил кучу неприятностей, помнишь об этом?

— Помню. Пожалуйста, в порядке одолжения. Для меня. Для ми-и-истера Ви-и-инсента, — передразниваю я Мэнни.

Как только Гленда соглашается порыться в своей конторе и позвонить мне с отчетом, мы прощаемся. У меня есть пятнадцать минут на то, чтобы пройти тридцать кварталов до середины Центрального парка, и я держу направление в сторону высоких деревьев вдалеке. На север, надо полагать.

Полдень. Солнце сегодня печет невероятно, обжигая мою нежную кожу даже сквозь новый костюм. Оказывается, у облачения Мэнни очень слабая пористая структура, так что изрядная часть моей естественной влаги задерживается под кожей. Остается надеяться, что она не растворит эпоксидный клей.

Никакого доктора Наделя в поле зрения, хотя, поскольку и он, и я в других костюмах, от зрения помощи ожидать не приходится. К счастью, у выбранного мной облачения

исключительно широкие ноздри, так что я всегда смогу уловить его запах. Кажется, такой лесной... дубовый, что ли? В общем, как только почувствую, сразу узнаю.

По пути к зоопарку я прошел через впечатляющую ботаническую коллекцию, высаженную посреди Центрального парка: деревья и кустарники со всего света, и на каждом именная табличка с описанием вида растения, периода его цветения и страны обитания. Я будто невзначай срывал то тут, то там несколько листиков, чтобы распробовать их в течение дня, если возникнет такая необходимость; я, к примеру, вряд ли окажусь когда-нибудь во французской Гвиане, но если выяснится, что тамошние деревья прошибают как-то по-особенному, то почему бы не съездить? Я сажусь на скамейку и, разобрав листья, запихиваю их в нагрудный карман совершенно отвратительной вязаной жилетки, которую выбрала для меня Гленда.

Порыв ветра доносит до меня аромат полированной сосны — это Надель. Я озираюсь по сторонам, пытаюсь определить, от кого исходит запах. Панк с ирокезом на голове, расхаживающий по дорожке? Нет, это человек. Рассерженный папаша с извивающимся младенцем на руках, несущийся в мою сторону? Может ли он притащить с собой ребенка? Они проходят мимо — теперь я понимаю, что оба люди, — а запах остается. Слабый, но нарастает. Я устремляю взгляд подальше, на зеленые лужайки.

Там, метрах в пятидесяти, черная женщина с короткой стрижкой. Яркие спортивные трусы, розовая безрукавка. Худенькая. В руках небольшая папка для бумаг. Она приближается, запах усиливается, и, как только я ловлю ее взгляд, мы узнаем друг друга. Это доктор Надель.

Неплохая идея — сменить для конспирации пол, хотя сам я полчаса назад, у Мэнни, от подобного предложения отказался. Дины и так постоянно на грани личностного кризиса, чтобы еще беспокоиться о том, женщина ты сегодня или мужчина. Надель подходит ближе, не торопясь, не мешкая, твердым шагом направляется к мосту. Похоже, долгого обсуждения не предвидится; скорее всего, он пройдет мимо, оставив папку на скамейке, а я заберу ее через пару секунд. Я отступаю на несколько шагов, в безопасную тень под мостиком.

Вдруг сосновый аромат Наделя перебивает другой, незнакомый мне запах. Но этого достаточно, чтобы застыть на месте и вновь прощупать глазами парк. Никаких изменений — пешеходы прогуливаются, дети бегают, жонглеры роняют свои булавы. Но запах остается — дезодорант и жевательная резинка. Он ко всему этому не относится.

На сцене появляется велосипед-тандем; две тучные блондинки каким-то образом умудряются сохранять равновесие на этой штуковине вопреки неправдоподобно смещенному кверху центру тяжести. На них одинаковые туго обтягивающие тела футболки с надписью: «СЛИШКОМ ГОРЯЧО ДЛЯ ТЕБЯ». Обе непрерывно хихикают по причине, только им понятной. Они быстро крутят педали — чуть ли не слишком быстро даже для опытных спортсменов, — так что велосипед несется по парку с весьма впечатляющей скоростью.

Запахи становятся все сильнее и сталкиваются друг с другом, перемешиваясь так, что мои органы обоняния не в состоянии разделить их. Застыв под мостом, я перевожу взгляд с чернокожей, известной мне под именем доктор Кевин Надель, на двух тяжеловесных девиц на велосипеде, о которых мне известно только то, что это две тяжеловесные девицы на велосипеде.

Но у меня нехорошее предчувствие.

Прежде чем я успеваю предложить своим ногам покинуть это место, прежде чем мысль об этом успевает добраться до спинного мозга, велосипедистки тормозят перед доктором Наделем и останавливаются посреди дорожки, преградив ему путь. Теперь я начинаю приводить в движение конечности, будто сорвавшись со стартовых колодок, — но даже сквозь шум зверинца, крики детей, все звуки Центрального парка я слышу, как отшелкиваются кнопки и встают на свои места когти. Женщины разворачиваются в седлах и своими внушительными корпусами загораживают от меня Наделя. Я бегу.

Практически никакого волнения — никто не кричит, не протестует. Никакой борьбы —

разве не так должны происходить подобные вещи? Вжик, шлеп, всхлип, стон, и не проходит и того времени, что потребовалось дамам, чтобы остановить велосипед, как они вновь крутят педали, за считанные секунды набрав скорость. Надель остается лежать на земле.

Добежав и склонив колени перед его телом, я поднимаю глаза и вижу, что велосипед уже скрылся в одной из тенистых аллей. Из длинной узкой резаной раны на шее чернокожей течет алый ручеек, кровь выходит толчками, в ритме слабеющего пульса. Запах улетучивается, доктор умирает.

Единственный удар острым когтем: вот и все, что требовалось. Я даже не понял, какая из дам приложила руку. Несмотря на рану, облачение сидит вполне естественно — я с трудом отличаю фальшивую кожу от распоротой шкуры под ней, хотя, наверное, это кровь заливает стыки. Наделю не осталось времени прохрипеть предсмертное признание: глаза стекленеют, рот открывается и закрывается, будто у выброшенной на берег трески.

Папка исчезла.

Начинает собираться толпа, движимая, без сомнения, скорее любопытством, чем альтруизмом, однако я должен обеспечить безопасность и как-то избавиться от тела. Вскинув голову, я сообщаю:

— С ней все в порядке, ничего страшного. Упала в обморок. Такое бывает сплошь и рядом.

Некоторые из зевак успокаиваются и уходят. Другим, похоже, кажется, что это нечто большее, нежели просто выдохшаяся бегунья, и они остаются следить за развитием событий. Я ловлю взгляд дина из толпы — девушка, запах жасмина, возможно, Диплодок — и медленно опускаю веко.

— Не могли бы вы позвать кого-нибудь на помощь, девушка? — со значением обращаюсь к ней, и она вроде меня понимает. Во всяком случае, бежит со всех ног к ближайшей телефонной будке, откуда, надеюсь, вызовет компетентных динов.

Тем временем я осматриваю новое — и теперь уже для него бесполезное — тело Наделя, обшаривая труп в поисках любой информации, не захваченной двумя велосипедистками. По части информации поиски не приносят ничего, однако в кармане шорт обнаруживается увесистая связка ключей, которую я тут же перекладываю в свой собственный карман.

Ожидая появления «скорой помощи», я прикрываю Наделя от прохожих и делаю вид, будто разговариваю с лежащей на земле афроамериканкой.

— Вы почувствуете себя лучше, как только что-нибудь съедите, — обращаюсь я к телу. — Через минуту-другую все будет в полном порядке.

— Дорогу, дорогу! — покрикивает фельдшер. С ним еще двое, все Карнотавры, судя по запаху. Они склоняются над распростертым телом Наделя, о чем-то переговариваются. Правило здесь одно: убрать дина в безопасное место, с человеческих глаз долой. Они кладут тело Наделя на носилки и катят его/ее к капоту машины. Жаждавшая крови разочарованная толпа рассеивается.

Когда мы остаемся одни, ко мне обращается главный фельдшер:

— Вы все видели?

— Всего не видел, но был рядом.

— Не хотите объяснить, что здесь произошло?

— Нет времени для объяснений, но вечером вы можете позвонить мне в гостиницу. — Я сообщаю, как связаться со мной, диктую данные удостоверения и осторожно предупреждаю его, что если вдруг облачение зарегистрировано (мое — так нет), то вряд ли на имя того дина, что внутри.

Угрюмо выслушав мои слова, он садится в машину.

— О, кстати говоря, — кричу я вдогонку, — вам придется отыскать другого коронера для вскрытия!

— Зачем? — удивляется фельдшер. — Тот парень отлично справляется с подобной работой.

— Да, но он в отпуске. Уехал ненадолго.

Нет времени менять облачение. Я не знаю, кто послал убийц к Наделю, не знаю, посланы ли они за мной. Лучше пока оставаться неузнанным. Я крадусь по подземным проходам у городского муниципалитета, стараясь отыскать служебный вход в морг. Если я смогу пробраться в кабинет Наделя незамеченным...

Поиски ни к чему не приводят. Придется ломиться через главный вход. Вэлли, ассистент coronera, возвышается за стойкой, и я почти готов к тому, что он впадет в истерику и кинется звать на помощь охранников, как только я появлюсь в дверях. Но я совершенно не похож на парня, который штурмовал его девять месяцев назад; я всего лишь очередной потерявший родственника мужчина, с годами раздавшийся, и его вшивый человеческий нос не способен раскрыть мой обман.

— Она... она здесь... моя Мертл? — бормочу я.

— Простите? — Вэлли уже сконфужен — отлично.

— Моя Мертл, она... они говорят, случился удар... удар...

— Я... я не знаю, сэр, э-э... Я посмотрю в журнале. Фамилия?

— Литтл.

— Мертл Литтл? — в голосе его ни малейшего сомнения, а я с трудом сдерживаю смех. Надрывисто кашляю и принимаюсь рыдать, зарыв лицо в ладони. Вэлли листает регистрационную книгу морга.

— Не могу отыскать. Когда она?...

— Несколько часов назад, я не знаю. Пожалуйста... вы должны ее найти... пожалуйста...

Я цепляюсь за воротник белого халата Вэлли и тяну, вызывая о помощи.

— Может быть, вам лучше вернуться в больницу...

— Они сказали мне идти сюда...

— Сказали?

— Только что. Пожалуйста, моя Мертл...

Вэлли хватает телефонную трубку, набирает номер и говорит с кем-то на другом конце, все более распаляясь. Чуть не оглушив меня своим криком, Вэлли швыряет трубку и вылетает из-за стойки с праведным негодованием на лице.

— Я не знаю, что за чертовщина здесь происходит, — шипит он, — но я, мистер Литтл, намерен отыскать вашу жену.

— Спасибо вам, молодой человек. Спасибо. — Я продолжаю извергать потоки слез, пока Вэлли выходит за дверь, пересекает вестибюль и начинает подниматься по лестнице. Как только он скрывается, глаза мои мгновенно высыхают и я перехожу к делу.

Дверь морга открыта, так что первая часть оказывается простой и приятной. А вот в кабинете Наделя приходится перепробовать все ключи из связки, прежде чем отыскивается подходящий. Комната, кажется, ничуть не изменилась с тех пор, как я покинул ее: опрятная, аккуратная, скучная. Вся моя надежда на картотечный шкаф: четыре ящика с особым ключом для каждого отделения — зря, что ли, такие предосторожности, что-нибудь да отыщется.

Эти ключи видно сразу, и двери шкафа беззвучно расходятся передо мной. В каждом отделении сотни бумажных папок, на каждой дата смерти, и расставлены они по алфавиту. Я просматриваю отделения «М» и «В», пытаюсь найти то, чего здесь нет: протоколы о вскрытии Макбрайда и Эрни. И я знаю, где эти папки, — зажаты в потных ладонках пухленьких хихикающих велосипедисток.

Не найдя ничего и жалея о потерянном времени, я уже готов бросить это дело, когда замечаю еще одно маленькое отделение в глубине нижнего отсека — запертый металлический ящик. Чтобы отпереть ящик, требуется еще один ключик из связки, такой маленький, что я чуть не проглядел его. Внутри оказываются не папки, а красная кожаная записная книжка на спирали, идеально подходящая для записи имен, адресов и тому

подобного. Я, предвкушая невиданные открытия, нетерпеливо переворачиваю страницы, но там нет ничего, кроме непонятных букв и номеров. К примеру: «6800 ДРЭВ. 3200 ДРЭВ». Не совсем то, что нужно для раскрытия этого дела.

Но под записной книжкой лежит расчетная — Первого национального банка, и, похоже, доктор Надель последнее время клал на свой счет некие суммы. А именно, 28 декабря, через три дня после того, как Раймонд Макбрайд был обнаружен мертвым в своем кабинете, а потом время от времени в течение всего последнего года, причем суммы вкладов соответствуют числам в записной книжке. Так, 6800 обозначает шесть тысяч восемьсот долларов, положенных на этот счет в декабре, три тысячи двести поступили через несколько месяцев. Остается лишь разобраться с буквами ДРЭВ. Я не вижу ни одного взноса, сделанного непосредственно после смерти Эрни, — ближайший поступил через тридцать один день после того, как до меня дошло страшное известие. Впрочем, не сомневаюсь, что при более тщательном изучении я смогу уловить закономерность.

Но я не сомневаюсь и в том, что здесь чертовски неподходящее место для более тщательных изысканий. Я распахиваю по карманам свои находки, запираю шкафы, выхожу в коридор, поднимаюсь по лестнице, выхожу в вестибюль и успеваю скользнуть в нишу как раз в тот момент, когда измотанный Вэлли входит в морг, чтобы объяснить мистеру Литтлу, что его дорогая Мертл в течение последних десяти часов восстала с одра, каким-то образом вырвавшись из объятий смерти, и была такова.

10

Неожиданное и внезапное отсутствие базилика вот уже более трех часов заставляет мое тело обходиться без травы, и несмотря на редкие приступы вызванной воздержанием боли, я с удовольствием замечаю, как сама собой исчезает паутина, окутавшая уголки моего сознания. У меня нет особого желания сохранять подобную трезвость в мыслях дольше, чем необходимо, но пока она есть, почему бы не воспользоваться, предавшись серьезным размышлениям?

Нет сомнения, что Джудит, Раймонд, Сара Арчер и существо из переулка заслуживают самого пристального внимания, но если я хочу докопаться до сути дела, следует начинать с начала, хотя бы для того, чтобы оправдать расходы. А значит — с «Эволюция-клуба».

Управляющий ночным клубом Донован Берк встречался с членом Нью-Йоркского Совета и типичной американской девчонкой Джейси Холден, которая бесследно пропала на битком набитой платформе подземки, заставив обезумевшего любовника искать ее по всему северо-востоку Соединенных Штатов. Это факт. Затем Донован Берк покидает Нью-Йорк ради простых, спокойных, провинциальных ценностей Лос-Анджелеса, где открывает ночной клуб, сгоревший дотла, несмотря на команду опытных пожарных и восемь тысяч галлонов воды. Тоже факт. Во время этого пожара Донован Берк рискует жизнью, оставаясь в клубе до тех пор, пока языки пламени не добираются до его тела. Еще один факт. А теперь догадка: Донован Берк, сломленный сердечной драмой, не испытывал особенной привязанности к этому миру.

Возвратимся к разговору с Джудит Макбрайд и ее оценке отношений Донована и Джейси. «Донован и Джейси очень любили друг друга, — сказала она мне вчера, — но трудно представить себе, насколько может изменить отношения неспособность к деторождению». Возможно, Донован просто решил бросить все это дело. Возможно, в самоубийственном отчаянии он сам устроил поджог. Возможно, хватило с него и переодеваний, и лжи, и мучительного сознания, что никогда ему не быть с любимой. Два разных мира и вся прочая ерунда.

И здесь мне весьма кстати оказывается вышеупомянутое просветление головы. Джудит Макбрайд говорила, что доктором, пользовавшимся Донована и Джейси, врачом, посулившим Доновану разрушить систему, так хорошо работающую на нас уже триста миллионов лет, генетиком, чьи эксперименты когда-нибудь могут сделать возможной помесь Раптора и

Колеофизиса, был не кто иной, как доктор Эмиль Валлардо.

Доктор Эмиль Валлардо.

Д-р Э.В.

ДРЭВ.

И потому через час, после ужасающей пробки на Парк-авеню, по сравнению с которой часы пик в Лос-Анджелесе — это безбрежные просторы Монтаны, я оказываюсь в личном кабинете доктора Эмиля Валлардо в ожидании прибытия хозяина. Даже если моя любительская расшифровка слова «ДРЭВ» в записках Надея неверна, все равно, лучше начинать отсюда. Валлардо — «доктор крути-верти», как его называли на собраниях Совета по причине слухов, будто он использует центрифуги в своих генетических экспериментах, — может, и не знает ничего по интересующему меня делу, но Эрни всегда учил, что случайных совпадений не бывает. Если имя попадает более одного раза, это имя следует проверить.

Доктор Валлардо в данный момент отсутствует, сообщила мне секретарша, но он может вернуться в любую минуту. После промывки ее мозгов всей элегантностью и просушки их всей искренностью вашего покорного слуги секретарша оказалась достаточно любезной, чтобы предложить мне кресло в кабинете доктора, и хотя я сильно подозреваю, что Валлардо не одобрил бы ее решения, самому мне гораздо больше нравится погрузить свой зад в мягкую кожу, нежели оставить его потеть на жестком виниле скамьи в приемной. По крайней мере, я могу убить время, изучая многочисленные дипломы и сертификаты, развешанные на обитых деревянными панелями стенах. К сожалению, мне это не дает ничего, кроме чувства собственной интеллектуальной неполноценности.

Дипломная работа в Корнелле. Солидно. Я знал одного Стегозавра, который учился в Корнелле, а теперь зарабатывает себе на жизнь, возясь с машинами. Ладно, он их проектирует, но все же... Медицинская степень по акушерству в Университете Джона Хопкинса. Еще солидней. О, в придачу докторская по генетике в Колумбийском. Видать, проблема в том, что у парня слишком много слов после собственного имени — Эмиль Валлардо, доктор медицины, доктор философии, акушер-гинеколог. Звучит и вполнину не так славно, как Винсент Рубио, частный детектив. Моя-то добавка куда круче, по крайней мере для телевизионного сериала.

— Я так редко принимаю посетителей, — доносится у меня из-за спины голос, окрашенный, без сомнения, легким акцентом, хотя я и не могу сказать, каким именно. Эдакое европейское попури. — Удел ученого — одиночество: не правда ли?

— Полностью с вами согласен, — откликаюсь я. Доктор Валлардо, большая жирная скотина с большой жирной улыбкой, пожимает протянутую руку и ну качать ее, точно домкратом. Левая рука у него явно послабее: она исступленно дрожит, возможно, вследствие частичного паралича.

— Рад вас видеть, — говорит он. Может, какие-то голландские интонации? Его запах, смесь анисовой настойки, пестицидов и чистящих паст, ничего не сообщает о происхождении хозяина. — Желаете кофе? Содовой? Минеральной? Да, да?

Я отказываюсь от напитков, хотя в горле у меня слегка пересохло.

— Я частный детектив из Лос-Анджелеса, — сообщаю я, и он тут же кивает, так что плечи его вздымаются горными пиками. — У меня к вам несколько вопросов, это не займет много времени.

— Да, да, Барбара сказала. Я буду счастлив помочь вам с... формальными вопросами, как всегда. — Улыбка его все шире, и — боже милосердный — я начинаю верить, что она вполне искренняя. — С чего начнем?

— Ваша работа здесь... просто восхитительна. Возможно, стоит начать с ваших экспериментов?

— Моих экспериментов? — повторяет он, подразумевая: *каких из миллионов?*

— Да. Ваших экспериментов, — изо всех сил нажимаю я на последнее слово.

— Ах да. Моих экспериментов. Да, да.

Обожаю такие общие, неопределенные беседы. Тренируют мозги куда лучше, чем

простой, конкретный разговор. Доктор Валлардо морщит нос — возможно, принюхиваясь к моему запаху старых кубинских сигар — и шлепается в кресло за своим столом.

— Не стоит выбирать выражения. Здесь вы можете говорить без обиняков, мистер...

— Рубио. Винсент Рубио.

— Повторяю, мистер Рубио, в этом кабинете можно ничего не скрывать. Он звуконепроницаем. Да, да. Мы могли бы говорить в открытую даже в вестибюле. Весь мой обслуживающий персонал принадлежит... к нашему роду, и хотя в моей акушерской практике случаются человеческие пациенты, в основном это тоже дины.

— Ваша секретарша в приемной...

— Барбара.

— Орнитомим?

Он аплодирует, и щеки его покрываются рябью истинного удовольствия:

— Да! Да! Замечательно! Как вы догадались?

— Отчасти запах, отчасти интуиция. Постоянная практика, только этим и занимаюсь.

— Ага! Очень мило. Очень мило. Позвольте и мне попробовать... — Глаза его оценивающе блуждают по моей оболочке, и если он скажет сейчас, что я Компти, убью на месте. — Вы не Зауропод, это очевидно. Возможно... Чилантазавр?

Он мне льстит, давая в то же время понять, что я не самое выдающееся существо, которое ему доводилось видеть. Чилантазавры были гигантами из гигантов — огромные утесы с явным недостатком мозгового вещества, одни из немногих динозавров, переживших Великие Ливни, но вымерших прежде наступления эры Человека. Последний Чилантазавр канул в небытие около двух миллионов лет назад. Его звали Уолтер; по крайней мере, эта английская транскрипция ближе всего к сочетанию воплей и рева, под которым он был известен в те далекие дни. Останки Уолтера, собираемые на протяжении всех этих эр умелыми динами-архивариусами, были выставлены в вестибюле штаб-квартиры Всемирного Совета в Гренландии. Я там был всего два года назад, и могу вам доложить, что этому Уолтеру очень повезло не дожить до современности. Ему бы понадобилась чертова уйма времени приспособиться к ней — чего бы стоило только умять его бока.

Наконец доктор Валлардо совершенно справедливо предполагает, что я Раптор. Затем, вернувшись к цели моего визита, он говорит:

— Итак, вы хотите узнать о моих экспериментах. Вы ведь не член Совета, не так ли?

— Я был им.

— Вот как? — Теперь в его голосе слышится недоверие с оттенком неприязни.

— С ударением на прошедшем времени. Уверяю вас, к делу это никакого отношения не имеет. До них не дойдет ни слова из нашей беседы.

— Понятно, — кивает доктор Валлардо, и я впервые замечаю трещинку в этой приветливой оболочке. Она тут же затягивается, и опять сплошные улыбки и хихиканье. — Тогда никаких проблем. Всегда рад помочь. Да, да.

Я встаю и опираюсь на спинку своего стула. Пора осмотреть лабораторию.

— Вы не возражаете?

Доктор Валлардо не ожидал такого быстрого перехода. Взволнованный, он с натугой вылезает из кресла. Трицератопы и так не самые быстрые из динов, но доктор Валлардо движется куда более вяло, чем предназначено природой.

— Какие-то проблемы? — спрашиваю.

— Никаких проблем, — откликается Валлардо; его грузное тело будто разрывается между дверью и переговорным устройством. — Я не готов покинуть кабинет, вот и все.

— Не готовы?

— У меня есть... люди. Дины. Они всюду ходят за мной.

О нет.

— Вы хотите сказать, что вас постоянно кто-то преследует? — Меньше всего мне хотелось бы заполучить в качестве свидетеля очередного параноидального шизофреника — лучше не спрашивайте, каково было в предыдущий раз.

Валлардо хихикает и трясет головой:

— Мне самому нужно, чтобы они меня сопровождали. Они мои телохранители, за неимением более подходящего слова.

С каких пор доктору требуются телохранители?

— С каких пор доктору требуются телохранители?

— С тех пор, как в Совет поступил первый донос о моих генетических исследованиях. — В каждом слове его чувствуется, мягко говоря, осуждение. — Некоторые члены сообщества динов были недовольны моими результатами.

Быстро, будто бы и не вполне того желая, доктор Валлардо отгибает воротник, обнажив едва заживший длинный широкий шрам — для тех, кто разбирается в этих делах, явный след когтя.

— Это последняя атака, — объясняет он. — Самка Раптора, даже замахнувшись для смертельного удара, визжала, что я грешник. Грешник, так она называла меня. В наши-то дни. Да...

Разглашать любую собранную Советом информацию, прежде чем принято официальное решение и о нем извещен объект расследования, категорически запрещено, и хотя до меня доходили слухи, будто у кого-то в Нью-Йоркском Совете оказался слишком длинный язык, я не представлял себе, что дело зашло так далеко. Я снова заверяю претендента на Нобелевскую премию по генетике, что информация, им предоставленная, никоим образом не дойдет до Совета. По той причине, что я скорее проведу остаток дней отшельником, нежели снова займу место среди этих лицемеров, — но этого я ему не говорю.

Валлардо оповещает через переговорное устройство секретаршу в приемной, и к нам присоединяются два Бронтозавра в человеческом облике, представленные мне как Фрэнк и Питер. Облачения их подогнаны так, что они смотрятся близнецами, и, насколько можно судить по их одинаково чудовищным размерам, они и вправду вполне могут оказаться одного помета. Эволюционный процесс, съжививший остатки нашего брата динозавра до неких приемлемых размеров — некоторых даже до излишне приемлемых, — в меньшей степени повлиял на Бронтозавров, отчего они теперь приобрели статус крупнейших на земле динов. Неудивительно, что многие из них играют в Национальной футбольной лиге.

Наш квартет в сборе, и мы отправляемся в лабораторию.

Помещение, отведенное доктору Валлардо в Медицинском центре Кука, кажется небольшим, но это ловкий оптический обман. На первый взгляд, это обычная частная клиника, состоящая из приемной, нескольких комнат для осмотра и кабинета. Но за раздвижной дверью позади стойки Барбары, если пройти по вызывающему приступ клаустрофобии коридору с рядом металлических дверей, запертых на кодовые замки, обнаруживается исследовательский центр, по сравнению с которым все, что я видел в «Звездных войнах», выглядит устаревшим хламом.

Я не скрываю благоговейного трепета, и доктора Валлардо это не удивляет.

— Да, да, вижу, вам нравится, — говорит он.

Возбуждаясь сам от моего предвкушения, он хватает меня под руку и тянет к самой сердцевине процесса. Совершенно безучастные Фрэнк и Питер не отстают ни на шаг.

Помимо гудения, жужжания, свиста, помимо кручений, вращений, извержений, помимо колб, мензурок, пробирок, больше всего меня поражают сотрудники. Дюжины ученых, больше сотни, рядами согнувшиеся, словно соломинки для коктейля, над микроскопами, чашками Петри, образцами спермы. Короче говоря, работа просто кипит. Как у Мэнни, только техника куда круче, и кондиционеры работают всюду.

— Это моя лаборатория, — с воодушевлением провозглашает доктор Валлардо, наслаждаясь возможностью продемонстрировать свое рабочее место. А я, в свою очередь, с готовностью восхищусь любым офисом, который в шестнадцать тысяч раз больше моего. Где он деньги берет содержать такую громадину?

— Просто замечательно, — говорю я.

Он ведет меня вдоль шеренги исследователей в белых халатах, суесящихся, будто

лабораторные крысы, вокруг своих хитрых шуток. Они лишь на миг отрываются от своих экспериментов, чтобы поприветствовать шефа, и тут же, будто подгоняемые невидимым кнутом, возвращаются к работе. Мы подходим к молодому человеку в очках, чье облачение с прической «утиный хвостик» кажется забавной попыткой вызвать ностальгию по временам Джеймса Дина и раннего Брандо. Должно быть, модель Фанджутсу, вроде того подобия Джейн Мэнсфилд, что они выпустили несколько лет назад. Нынче в моде облачения в стиле ретро; я и сам подумывал, не добавить ли волос на груди — аксессуар 513, стиль «Коннери № 2» — и золотых цепей в придачу. Вполне подошло бы к моим усам, по поводу которых, должен заметить, я за весь день не услышал ни одного отрицательного отзыва.

Мы представлены друг другу по всей форме, и пару минут я заверяю доктора Гордона — молодого ученого, — что от меня в Совет не просочится ни капли информации. Последнее время здесь явно пребывают в некотором беспокойстве.

— Доктор Гордон работает над перемещением белка вторичных рецепторов, — объясняет доктор Валлардо научной тарабарщиной, от которой мои мозги скручиваются, словно старое посудное полотенце. — Он ищет способ использования цитозина от одной цепи ДНК и...

— Тпру, тпру, док, подождите. — Я здесь не больше минуты, а голова уже кругом идет.

— Я что, слишком быстро? — спрашивает доктор.

— Можно сказать и так. — На самом деле я просто ни слова не понимаю. — Можете вы объяснить по-простому?

— Разве вы не читали моих публикаций?

— Стыдно признаться, не довелось. Знаю лишь в общих чертах, чем вы тут занимаетесь, не более того.

Доктор Валлардо задумывается, густые брови шевелятся так, словно на лбу у него примостились две гусеницы.

— Пойдемте, пойдемте. — Он явно принял какое-то решение, и мы покидаем молодого ученого, который только рад вернуться к работе.

Валлардо проводит меня через всю лабораторию и вниз по лестнице, говоря при этом:

— Обо мне... как бы это выразиться... ходят самые вздорные слухи. — Он отпирает очередную раздвижную дверь. — Все эти годы затворничества, да, да.

— В данном случае речь не о том, — возражаю я, хотя частично и о том. — Я в основном просматривал обзоры ваших исследований.

— Да, да. Это, наверное, более подходящий вариант.

Мы входим в коридор, весь, от пола до потолка, заполненный рядами флюоресцирующих трубок, пульсирующих бледно-фиолетовым сиянием. Доктор Валлардо ступает в середину прохода, вскидывает руки и делает пируэт, словно балерина. Ему вторят Фрэнк и Питер, и при виде этих бегемотов, танцующих «Щелкунчик», я чуть не впадаю в истерику.

— Слабое ультрафиолетовое излучение, — объясняет доктор Валлардо, предлагая мне последовать его примеру. — Убивает поверхностные бактерии. Мы пробовали облучать сильнее, но это плохо сказывается на здоровье, да, да.

Как утешительно. Я неохотно поднимаю руки и присоединяюсь к пляске Валлардо, Фрэнка и Питера.

Вволю покружившись, мы выходим с другой стороны коридора продезинфицированные и готовые ко всему, что впоследствии.

— Сейчас я закрою за нами дверь, и свет погаснет, — сообщает доктор Валлардо лично мне — я так понимаю, что Фрэнк и Питер все это уже слышали. — Мы окажемся в полной темноте, но не беспокойтесь, это нормально, да. Откроется другая дверь, и я проведу вас туда. Она тоже закроется, и некоторое время будет довольно темно, да. Так что оставайтесь совершенно неподвижны, чтобы ни во что не врезаться. Освещение минимально, на то есть свои причины.

— Готов, — киваю я.

С электрическим щелчком гаснут огни. Я слышу шуршание еще одной раздвижной двери, и чувствую сильную руку на своем локте. Меня ведут вперед, и я ощущаю дуновение, когда за нами скользит, закрываясь, дверь. Мы ждем.

— Вы правы, док. Я ни черта не вижу. — Из Медицинского центра Кука мы вышли в калькуттскую темницу.

— Подождите, — успокаивает меня доктор Валлардо. — Скоро вы все увидите, да, да.

Но пока ничего. Ничего. Ничего. О... похоже... какое-то грейпфрутовое сияние, колеблющееся между желтым и розовым, на уровне пояса, но далеко... а вот еще одно, больше похожее на свежавыжатый апельсиновый сок... и еще, и еще. И вот уже мерцают сотни маленьких светящихся ящичков, впечатлив мои зрительные нервы до такой степени, что я наконец перестаю сомневаться, где нахожусь: в инкубационной камере.

— Огни, которые вы видите — меняющиеся цвета, тона, оттенки, — все это побочные продукты химических и тепловых факторов каждого отдельного инкубатора. — Доктор Валлардо ведет меня по комнате, похваливаясь своими творениями. — Голубые, к примеру, яйца оплодотворены последними. Мы не собираемся доводить их до желтого или оранжевого свечения еще три недели. Затем, удостоверившись, разумеется, что оплодотворение прошло успешно, мы сможем увеличить температуру, да...

Пока доктор Валлардо разливается соловьем, я пытаюсь обнаружить признаки мистификации, выискивая леску на спине летающего чародея. Вопреки прочитанному о докторе Валлардо и его работе, первое впечатление склоняет меня к недоверию. Легко допускать все это, сидя на собрании Совета в подвале на другом конце страны, — хорошо, есть в Нью-Йорке врач, который утверждает, будто может соединять гены динов различных видов, производя смешанное потомство, и что нам следует предпринять, если это дойдет до Лос-Анджелеса? Тогда речь шла о политическом решении, основанном исключительно на выборе оптимальных действий по защите общественных интересов в подобной, чисто гипотетической ситуации, но теперь, в этой камере, я чувствую все куда острее, и от возможных последствий мои собственные репродуктивные органы сжимаются в комок.

В каждом инкубаторе находится яйцо, и все они разные, их размеры варьируют от бейсбольного мяча до баскетбольного, но при этом, вне всяких сомнений, они остаются яйцами динозавров. Сложные наборы зажимов и резиновых подкладок хаотично обволакивают каждое яйцо в его колыбели, поднимают его, переворачивают и осторожно возвращают на место. Маленький монитор, прикрепленный к верхушке каждого инкубатора, считывает то, что я принимаю за всевозможные показатели состояния организма, хотя и трудно представить, чтобы у только что оплодотворенного яйца можно было замерить слишком много показателей.

Все это напоминает совершенно нелепую киношку, которая шла несколько лет назад и имела невероятный коммерческий успех; люди ходили смотреть ее, дабы подкрепить наихудшие свои опасения относительно нашего рода, а мы, дины, — дабы подкрепить наихудшие наши опасения относительно того, что мы действительно вызываем наихудшие опасения у людей, а потому нас следует стереть с лица земли в ту минуту, как мы решим заявить о своем присутствии; в общем, неудивительно, что фильм этот собрал кучу денег. Основная идея фильма, насколько я помню, заключалась в том, что человеческий ученый использует ископаемую ДНК — ха! — чтобы воссоздать целую артель динозавров и держать нас в плену на острове где-то в южной части Тихого океана якобы для устройства увеселительного парка, да только мы умудряемся освободиться и убиваем всех людей подряд, не задумываясь, зачем нам это надо или каковы они на вкус.

Одним словом, полная чепуха, особенно то, как изобразили нас, бедных Рапторов. Мы можем быть опасными, да, но мы не убиваем без разбора, и я никогда не слышал, чтобы кто-то из нас убил человека без веских на то оснований. Впрочем, вытащить нас из пробирки и запереть в клетках, будто диких зверей, это ли не веское основание?

Я понимаю, что все это не более чем развлечение, целлулоидные фантазии для безмозглого человеческого быдла, которое даже в самых жутких кошмарах не может себе

вообразить встречу с настоящим живым динозавром, не говоря уж о том, чтобы этот динозавр вел уголовное расследование, проявлял пленку, подавал напитки в «Дин-о-Мэт» или стоял во главе ведущей в мире фармацевтической компании, хотя от этого легче не становится.

Но если что-то произвело на меня впечатление в этом фильме и вспомнилось сейчас, так это немислимые финансовые затраты на выделение ДНК и получение всего генетического кода для инкубации одного-единственного яйца. Поскольку у парня из фильма было до хрена деловых связей, а у доктора Валлардо все устроено значительно круче, я снова поражаюсь, откуда он берет деньги на свои исследования. И на этот раз спрашиваю его.

— В основном конфиденциальные жертвователи, — объясняет доктор. — Конечно же, я не могу использовать больничные фонды, поскольку многие из попечителей принадлежат к человеческому племени, да, но у меня есть друзья в правлении, благодаря которым никто не мешает нашей работе.

— Конфиденциальные жертвователи, как, например?...

— Если я скажу, они потеряют свою конфиденциальность, да, — грозит мне пальцем доктор Валлардо.

— Может быть, я сам догадаюсь?

— Очередное озарение?

— Догадка, основанная на фактах.

Он пожимает плечами и отворачивается, чтобы осмотреть яйцо.

— Я же не могу запретить вам гадать, правда?

Не может.

— Был жертвователем Донован Берк?

— Кто?

— Донован — Берк, — повторяю я чуть ли не по слогам.

Он опять пожимает плечами:

— Это имя мне незнакомо. Жертвуют многие, обычно небольшие суммы. Всех не упомянешь.

— Около двух лет назад он был еще и вашим пациентом. Раптор-самец.

Доктор Валлардо устраивает целый спектакль, будто бы пытаясь вспомнить: закатывает глаза, трет подбородок, но меня не проведешь.

— Нет, — качает он головой. — Пациента с таким именем я не припоминаю.

— Его невестой была Джейси Холден, Колеофизис.

Он опять качает головой, и я опять не верю ему.

— Вы говорите, они проходили обследование?

— Я этого не говорил, но все именно так.

— Да, да... Никаких воспоминаний. Так много лиц.

— Что ж, возможно, они не были крупными жертвователями.

— Возможно.

— А как насчет доктора Наделя?

— Кевин Надель?

Ура, победа — доктор хоть в чем-то признался.

— Да, окружной коронер. Он принадлежал к жертвователям?

— Не думаю.

— Но вы его знаете.

— Мы вместе учились медицине, да. Старый друг. Но он работает на правительство — какие уж там деньги.

— Так, может, вы подбрасывали ему наличных?

— Я друзьям займы не даю.

— А если не займы?

— Вы пытаетесь меня в чем-то уличить? — спрашивает он, и я предпочитаю спустить дело на тормозах, не дожидаясь, пока два Бронты запихнут меня в стеклянный ящик и

вышвырнут вон.

— Давайте продолжим. — Занимайте места — основное представление начинается. — Был ли жертвователем Раймонд Макбрайд?

К счастью, доктор Валлардо уже положил на место яйцо размером с шар для боулинга, а иначе конкретно этот эксперимент закончился бы, разбившись вдребезги. Доктор подзывает телохранителей, усердно изучающих яйца поменьше:

— Фрэнк, Питер, не могли бы вы подождать за дверью?

Парочка Бронтозавров подчиняется. Доктор Валлардо ждет, пока за ними не закроется дверь, и только затем поворачивается ко мне, изо всех сил стараясь удерживать доброжелательную мину.

— Вы говорили с ним? — Через всю комнату я слышу, как он скрежещет зубами. — То есть прежде чем он скончался?

Я рассчитываю на какую-то реакцию, но нет, ничего особенного. Что ж, поднажмем так, чтобы брызги полетели.

— Я разговаривал с его женой, — заявляю я со всей возможной многозначительностью. — У нас была долгая беседа. Она многое мне поведала.

Он на удочку не поддается.

— Мистер Макбрайд, да упокоится душа его, был среди жертвователей, да. И, в общем, этого не скрывал. Он полностью поддерживал мою работу, да, да.

— Полностью... Так речь идет о тысячах? Сотнях тысяч? Миллионах?

— Боюсь, что этого я вам сообщить не смогу.

— Даже если я очень попрошу?

— Даже если очень.

Столкновение лоб в лоб. Не отступать. Кто кого пересилит? Я предпочитаю сражаться именно так. Битва взглядов — кто первый моргнет, тот проиграл.

Проклятье. Так нечестно — у меня врожденная сухость в глазах. Ладно, по крайней мере, я убедился, что Макбрайд был среди жертвователей, хотя точных сумм и не выяснил.

— Зачем понадобилось Раймонду Макбрайду финансировать опыты ученого, чья работа ему до лампочки? Они с миссис Макбрайд оба Карнотавры. Им ваше лечение ни к чему.

— Как я могу прочесть мысли покойного? — удивляется доктор. — Возможно, он хотел помочь сообществу динозавров в целом, да, да.

— Не думаете ли вы, что Раймонда Макбрайда убил некто, не одобрявший финансирование ваших проектов?

— Понятия не имею, почему был убит мистер Макбрайд. Если бы я знал, немедленно отправился бы в полицию, да.

— Но вы *допускаете*, что мистера Макбрайда убили из-за того, что он впутался в ваши дела? — За неимением дневной работы, последнее время я слишком часто по ночам смотрел телевизионные инсценировки судебных разбирательств, так что теперь изо рта у меня лезет вся эта прокурорская муть.

Глубокий вздох — последнее время мои свидетели издают их все чаще и чаще, — и он произносит:

— Все возможно, мистер Рубио. Абсолютно все. — С губ Валлардо не сползает ужасно раздражающая меня улыбка. Это не более чем деталь облачения, не удивлюсь, если окажется, что доктор воспользовался аксессуаром производства «Нанджутсу корпорэйшн» № 418, «Постоянное Оживление». В голове у этого доктора будто высокая и толстая стена, и, похоже, гиблое дело пытаться ее раскурочить. Но возможно — не более чем возможно, — я смогу обогнуть эту стену.

Я, словно от нечего делать, небрежно обхожу комнату, будто бы невзначай бросая взгляд на инкубаторы. *Все в порядке*, возвещаю я этой прогулкой, *все расслабились*. Углубившись в недра лаборатории, я обнаруживаю секцию яиц, развившихся явно более прочих. Это выпускной класс инкубационной камеры доктора Валлардо, ребята,

подруливающие к школе на крутых машинах под восторженными взглядами девчонок. Излучатели заливают скорлупу темно-красным, почти коричневым сиянием. В наборах акварельных красок этот цвет назвали бы «умброй жженой».

— А это что? — спрашиваю я, показывая на продолговатое яйцо. — Оно больше остальных.

Лучась отеческой гордостью, доктор Валлардо натягивает пару резиновых перчаток и осторожно поглаживает хрупкую оболочку.

— Это Филипп, — сообщает он нежным воркующим голосом. — Филипп зашел дальше всех остальных наших питомцев.

— Но он даже не проклюнулся.

— Конечно нет, — отвечает доктор, продолжая поглаживать скорлупу. — Мы еще ни разу не достигали этой стадии.

— Но я слышал...

— ...всякие глупости, — заканчивает за меня доктор Валлардо. — До вас, должно быть, дошли сведения, будто из моих яиц уже кто-то вылупился, да? Увы, рано еще говорить о такой удаче. Но слухи опережают действительность.

Вот именно. На Совете об этом сообщили как о свершившемся факте: доктор Эмиль Валлардо создал живого смешанного детеныша, хотя из неведомых составных. Обычно у меня не было оснований сомневаться в истинности полученной на Совете информации, но если у доктора Валлардо действительно вылупился смешанный дин, какой же смысл ему скрывать успешное завершение многолетнего труда?

— И сколько времени пройдет, прежде чем Филипп вылезет из яйца? — интересуюсь я.

— Если он вылезет вообще, то борьба начнется не ранее, чем через три недели или около того. Он почти полностью сформировался, но должен еще набраться силенок, да. — Затем, включив дополнительный свет, обычную двадцатипятиваттную лампочку, вставленную в стенку инкубатора, он спрашивает: — Хотите посмотреть на него?

Чего не сделаешь ради науки.

— Будьте любезны.

Доктор Валлардо осторожно перемещает хрупкое яйцо поближе к лампе — левая рука его по-прежнему дрожит, — обращаясь с ним, будто ребенок, которому мама разрешила поддержать свою любимую фарфоровую куклу.

Скорлупа тоньше, чем я думал, и когда она оказывается против света, появляется смутный силуэт, беззаботно плавающий в центре яйца в окружении известково-молочной плазмы.

— Если вы приглядитесь, — показывает доктор на тупой и более округлый конец яйца, — то заметите зубчатую оборку вокруг головы Филиппа, да.

— Будто у Трицератопа.

— Да, да, Филипп — дитя отца Трицератопа и матери Диплодока.

Отец Трицератоп — так может, это его ребенок? *Врачу, помоги себе сам*, так, что ли? И я спрашиваю:

— Вы женаты?

— Знаю, о чем вы думаете, мистер Рубио, и отвечаю: нет, это не мое яйцо. Филипп будет моим племянником, да, да.

Какова бы ни была его родословная, Филипп обещает стать весьма крупным, если ему суждено когда-нибудь вырваться из этой скорлупы. Трицератопы достаточно велики и без того, чтобы наращивать их генами Диплодока. А может, тут все и не так получается. Не имею ни малейшего представления, да и, говоря откровенно, ни малейшего желания вступать в длительную дискуссию на эту тему.

Однако не могу не заметить эти характерные черты Диплодока в юном (очень юном) Филиппе — мягкие изгибы спины, округлая голова, сочетающиеся и сливающиеся с костистой чешуей, что уже начинает формироваться на еще даже не младенческой шкуре Филиппа. Хвост, слишком короткий для Диплодока и слишком длинный для Трицератопа,

будто игрушечная спиралька свернут кольцами под плодом и готов распутиться где-то в ближайшие три недели. Также и лапы, одновременно длинные и коренастые, являют собой превосходную смесь обоих существ, и я ловлю себя на мысли о том, какая жизнь уготована Филиппу, если получится у него живым явиться этому миру: чудом будет он провозглашен или чудищем?

Кстати, надо бы полюбопытствовать.

— Доктор Валлардо, — обращаюсь я, приблизившись вплотную к собеседнику и стараясь придать голосу как можно больше миролюбия и задушевности, — а вы единственный, кто занимается такого рода исследованиями?

Теперь он искренне смущен — это не притворство.

— Насколько мне известно. Да, да, я бы сказал, что я единственный.

— И никаких слухов, никаких известий о мятежных ученых, ведущих исследования за пределами общепризнанной науки? — Я говорю бестолково и нечленораздельно, словно помешанный, и сам это сознаю. Скоро, впрочем, дойдем и до сути.

Доктор Валлардо отвечает, яростно трясая головой и разбрызгивая слюни по всей своей лаборатории:

— Уверяю вас, я знал бы о любом подобном исследовании.

— А как насчет случайной мутации? Не может ли она стать причиной появления... ну, кого-нибудь подобного Филиппу?

Он фыркает:

— Невозможно. Мутации и в самом деле являются движущей силой эволюции, но обмануть природу они не способны.

— Это ваша работа, точно? — Доктор Валлардо не отвечает, а мне приходит время закинуть удочку: — Что, если бы я рассказал вам, — ступаю я на тонкий лед, готовый в любой момент оказаться в воде, — что некие друзья в Нью-Йоркском Совете поведали мне о неких сообщениях относительно смешанных... существ... на улицах Нью-Йорка. Свидетельства...

— Какие такие свидетельства? — с жаром, выдающим крайний интерес, спрашивает он.

— Их было несколько, — вру я, не краснея. — Одна женщина утверждала, будто видела Аллозавра с клювом Хадрозавра.

Доктор не реагирует. Я продолжаю:

— Другой член Совета говорил — хотите верьте, хотите нет — о полностью сформировавшемся Бронтозавре с шипами Анкилозавра. Нелепость, не так ли?

— Да, да, действительно.

— И наконец, последнее — ох, не следовало мне отнимать ваше время со всеми этими...

— Нет, нет, — возражает доктор, и я прямо трепещу оттого, что добился от него чего-то вместо «да, да». — Продолжайте.

— Честно говоря, там все слегка запутано. Я сам разговаривал с беднягой, и, доложу вам, никогда мне не доводилось встречать такого бледного Раптора. Он был до смерти напуган. Вроде того, что он дрался, будучи атакован дином, — хочу подчеркнуть, что это его слова, не мои, учтите, — дином, вышедшим прямо из преисподней.

— Ого! — откликается доктор Валлардо.

— Вот именно, ого. Больше похоже на бред сумасшедшего, но позвольте рассказать до конца. Он говорил, что у этой твари был хвост Стегозавра — большие шипы и все остальное, когти Раптора — я бы снял перчатки, чтобы вам продемонстрировать, но вы и так понимаете, зубы Тиранозавра — множество и преогромные, длиною же он был с Диплодока. Доводилось вам слышать подобную нелепицу? Я полагаю, он как следует зарядился в местном базиликовом баре.

Я начинаю смеяться. А доктор Валлардо — нет.

— Где это было? — спрашивает он.

— Нападение?

— Нападение, эта тварь.

— Разве это имеет значение?

— Нет... нет... конечно, нет, — заикается доктор, и я чувствую, как уже проскальзываю мимо его ментальной стены. — Чистое любопытство.

— Говорил, что это произошло в переулке, где все было исчеркано граффити. Один из беднейших кварталов города, полагаю.

— Бронкс? — морщинки вокруг глаз доктора Валлардо выдают одновременно надежду и недоверие. Ага, может быть, теперь я разберусь, в каком районе искать ту клинику.

— Бронкс, Бруклин, Квинс — вряд ли тот парень знал, где находится. Оказываешься в каком-то грязном переулке...

— Да, да. Наверное, вы правы. Должно быть, он был пьян.

— Так одурел от травки, что ничего уже не соображал, вот как мне кажется. Впрочем, его описание мерзкого существа звучало вполне убедительно. Уф, прямо тварь из Черной лагуны.⁴ — Интересное наблюдение: чем чаще я насмехаюсь над существом из переулка, тем более встревоженным кажется доктор Валлардо. Обнаруживается явная, хоть и совершенно непредумышленная связь между моими подначками и его кровяным давлением. Я пробую снова: — Клянусь, доведись нам отыскать это существо, мы огребли бы кучу денег от бродячего цирка.

Похоже, тут я переусердствовал: накладная кожа доктора Валлардо аж посинела, а значит, генетик весь побагровел под своим обличьем. Ловко проделано, но сейчас лучше бы его успокоить, прежде чем, сраженный ударом, он не покинет этот мир и мое расследование.

— Эй, какого черта, раз, по-вашему, этого быть не может, значит, не может. Вы говорите, что не бродят, значит, не бродят по Нью-Йорку никакие дины-мутанты. Вы же по этому делу профессор, так? Парень с генетическим замыслом.

Он моргает, медленно приходя в себя. Синева постепенно сходит с его оболочки, и та в конце концов обретает приемлемый с медицинской точки зрения бежевый оттенок.

— Гм... да. Да, — с трудом переводит дыхание доктор.

Тут-то я вспоминаю, за что всегда любил свое ремесло.

Доктор Валлардо предлагает нам покинуть инкубационную камеру — ... яйцам нужен покой, да... — и я с готовностью поднимаюсь вслед за ним по ступенькам. Моя рыбалка окупилась сполна — в лодке прыгает на несколько мелких рыбешек больше, чем было сначала, и хотя мне до сих пор неизвестно, подходит ли сам доктор Валлардо в качестве основного блюда, на гарнир-то он, по крайней мере, точно сгодится.

Собираясь отчаливать, я наспех задаю доктору Валлардо еще несколько вопросов относительно его работы, ответив на которые своей научной тарабарщиной он останется в хорошем настроении после моего ухода. Возможно, в ближайшем будущем я пожелаю вернуться в лабораторию генетика, и если рассчитываю на радушный прием и в следующий раз, то не могу позволить, чтобы он кинулся звонить в управление Совета, как только за мной закроется дверь.

— Воистину, вы оказали мне великую честь, — виляю я хвостом. — Великую честь. Величайшую.

— Умоляю вас, какие пустяки, да.

— Нет, на самом деле, незабываемое впечатление. Теперь я понимаю куда больше, чем прежде. — Я вытаскиваю блокнот и принимаюсь энергично трясти им. Вряд ли ему известно, что там нет ничего, кроме нескольких записей о пожаре в «Эволюция-клубе», слов «Джудит», «Джей Си» и «мама», а также пары полустертых эротических набросков, моделью для которых послужила стюардесса в самолете, на котором я прилетел в Нью-Йорк.

Мы прощаемся, и я устремляюсь к выходу. Но не успеваю пройти и трех ступенек, что

⁴ «Тварь из Черной лагуны» — фильм Джека Арнольда 1954 года.

ведут в вестибюль, как слышу за спиной трусцу доктора — звук такой же противный, как, должно быть, и зрелище — и чувствую руку, бесцеремонно опустившуюся мне на плечо.

— Что стало с вашим другом? — задает он вопрос, и я сначала никак не могу сообразить, о ком это он.

— С тем, на которого напали?

— Да, что с ним случилось?

— Насколько я знаю, он посещает врача.

— Ах. Да, да... — Мы стоим в коридоре и оба молчим. Он решается еще на что-то, но я ничего говорить не собираюсь, пока он сам не начнет. Затем, основательно прочистив горло, он задает вопрос, ответ на который его интересует на самом деле:

— А... существо? Помесь дина?

— Да?... — Я понимаю, чего он добивается.

— Что... что с ним стало?

Я мог бы соврать, рассказав, что оно скрылось в ночи, истекая кровью, но все же жизнеспособное, или заявить, будто вовсе ничегошеньки об этом не знаю, но мне так дьявольски любопытно увидеть наконец истинное чувство на физиономии доктора Валлардо, что я не могу удержаться и говорю ему правду:

— Вам следовало бы поинтересоваться у команды чистильщиков. Как правило, со скелетами имеют дело именно они.

Уверяю вас, это бы вышел тот еще кадр для семейного альбома.

11

Близится час пик, когда я покидаю Медицинский центр Кука, и таксомоторы проносятся мимо, не обращая никакого внимания на мою протянутую руку. Черт побери, все остальные в этом городе тоже ходят пешком, а поскольку я чувствую, что брюшко у меня растет, то решаю и сам немного прогуляться. У медсестры в вестибюле я выясняю направление и выхожу на дорогу. Возвращение в «Плазу» таким способом займет немного больше времени, разумеется, но, может, я смогу обдумать это дело, повертеть его в голове, посмотреть, нет ли каких-нибудь несоответствий. По меньшей мере, сэкономлю пятерку на такси.

Я как раз вернулся к началу начал, готовый мысленно прокрутить сцену в «Эволюция-клубе» на «Бетамаксе» моего мозга, когда рядом со мной тормозит роскошный лимузин. Я ни о чем таком не задумываюсь, кроме бесспорного факта, что этот «линкольн» тащится за мной со скоростью пять миль в час. Так он далеко не уедет.

Нет никакой возможности как следует разглядеть шофера: окна затемнены до черноты, лежащей далеко за пределами закона и хорошего вкуса. По этому поводу у меня возникают неприятные чувства, правда, неприятные чувства возникают у меня по любому поводу. Может, машина просто сломалась. Может, он там заблудился. Может, шофер хочет узнать дорогу и решил, что я местный, раз тут прогуливаюсь. Может, я просто параноик.

Нет. Мгновение спустя по бокам у меня встают два дина, облаченные в лучшие свои воскресные личины. Размерами ни тот, ни другой меня не превосходят, однако не очень-то вежливая манера, с которой они подхватывают меня под локотки, недвусмысленно сообщает, что, похоже, придется их выслушать.

— Вы хотели поймать машину? — спрашивает тот, что слева, воняющий парфюмерией «Олд Спайс» и протухшим гелием. Что-то знакомое.

— Благодарю за предложение, но я как раз решил прогуляться.

Я пытаюсь поймать взгляды других пешеходов, дабы воззвать к ним, предупредить о нависшей надо мной опасности. Но хотя мы со всех сторон окружены сознательными гражданами Нью-Йорка, ни один из них в лицо мне не заглядывает; все носы опущены долу, у каждого коробка передач переключена на максимальную скорость.

— Думаю, мы с удовольствием прокатимся, — слова исходят от того дина, что справа:

он побольше своего партнера, но запах от него — капелька детской микстуры от кашля, не более того. Ничего угрожающего, что-то фруктовое.

Я снова бросаю взгляд на лимузин, на его темные стекла, блестящие колпаки, новехонький лак — устрашающе черный, оттенок 008, — и подтверждаю свое твердое решение идти пешком. Разве что чуточку побыстрее...

Все так же не отставая от меня ни на шаг, «Олд Спайс» кладет руку мне на плечо. Вполне дружеский жест, если смотреть со стороны: теплое объятие старого приятеля и прекрасное настроение. Но рука эта вовсе не ласкова — он оттянул латексный кончик пальца своей фальшивой кисти, и я ощущаю вонзившийся в мою нежную шею коготь. Так вот почему мне так знаком этот запах — дезодорант и жвачка, — это головорезы из парка, те, что убили Наделя.

— Часто катаетесь на велосипеде? — интересуюсь.

— Еще раз прошу тебя по-хорошему, — бормочет убийца прямо мне в ухо, — а затем просто прикончу. Давай в машину.

Ладно, ладно, лезу в машину. Правило Эрни номер пять: мертвые сыщики не способны вести расследование.

Какое-то время мы едем в абсолютном безмолвии. Шофер, которого мне толком не разглядеть, так как автомобиль разделяет полупрозрачная перегородка, радио включать не намерен. Хоть музыкой могли бы меня позабавить. По обе стороны устроились головорезы, что затолкали меня в автомобиль, и хотя заднее сиденье весьма просторно, я плотно зажат между их плечами.

— У меня ноги занемели, — нарушаю я тишину.

Кажется, моих похитителей это совершенно не беспокоит. Едем дальше.

— Знаете, — говорю, — меня вдруг осенило: нас же никто друг другу официально не представлял. Может, вы увезли не того парня.

— Не-а, того самого, — отзывается Микстура-от-кашля. — Не бывает двух динов по имени Винсент Рубио, пахнувших гаванской сигарой.

Я недоуменно щурюсь и что было сил морщу лоб:

— Винсент Рубио? Послушайте, я вижу, вы все перепутали. Я Владимир Рубио. Из Минска.

Тот, что потупее, задумывается, но «Олд Спайс» тут же портит мне всю игру:

— Не обращай внимания на эту парашу. Все в порядке, он Рубио.

— Вы меня раскусили, — признаю я, — да, раскусили... Ну... эх, парни, теперь вы знаете мое имя, но я-то ваших не знаю.

— Ах да, — спохватывается Микстура-от-кашля. — Я Энглберт, а это Гарри...

«Олд Спайс» с силой лупит нас обоих по затылкам, в ответ на что я рыгаю, а Микстура-от-кашля взвизгивает.

— Ну-ка, оба, заткнулись, — отдает он приказ, и мы тут же подчиняемся.

Проходит некоторое время, прежде чем жесткие линии города уступают место беспорядочным загогулинам природных ландшафтов: деревья, цветы и кустарники вместо фонарных столбов, автомобильных фар и уличных торговцев. Так же резко меняются и запахи, и я поражаюсь лакунам в насыщающих воздух ароматах, словно в головоломке из тысячи кусочков не хватает шести ключевых. Я редко оказываюсь за городом — Лос-Анджелесом, Нью-Йорком и тому подобными — и всякий раз чувствую себя сбитым с толку отсутствием пикантного благоухания смога. В некотором смысле это как путеводный огонь, знак места, которое я люблю.

В то время как мы мчимся по сельской местности, «Олд Спайс» лезет под переднее сиденье, достает оттуда бумажный мешок для покупок и протягивает мне со словами:

— Надень его себе на голову.

— Должно быть, вы шутите.

— Разве это похоже на шутку?

— Не знаю. Я знаком с вами не более получаса.

— И тебе не удастся продлить знакомство, если не натянешь на голову мешок. — Совершенно очевидно, что ему неизвестен афоризм о том, что куда больше мух удастся поймать на мед. Ноги у меня совсем онемели.

Я неохотно натягиваю импровизированный шлем, и тут же пропадают все эти милые деревья. По крайней мере, при мне остается обоняние.

— Чуть не забыл, — бормочет «Олд Спайс». Я слышу, как он роется по карманам, мелочь побрякивает, ключи позвякивают, и мгновение спустя сует мне что-то в левую руку. Я вожу пальцами по этому предмету, пытаюсь уловить его очертания, — длинный и тонкий, о двух деревянных сторонах, соединенных скрученной металлической проволокой, что-то на манер пасти аллигатора, только без зубов. Одна сторона открывается, когда сжимаешь с другой... — Зажми-ка его, — обращается к партнеру «Олд Спайс». — Зажми, да потуже.

С коричневым пакетом средних размеров от «Блумингдейла»⁵ на голове и бельевой прищепкой, сомкнувшейся на носу, я продолжаю свое стремительное продвижение по сельской местности. Во всяком случае, так мне кажется. Кто его знает, не возвращаемся ли мы обратно в город. Чувство времени тоже начинает блекнуть — остаток пути длится час или день, понятия не имею. Я только надеюсь, что когда с меня наконец снимут этот мешок, я не окажусь в Джорджии, где меня ждет, а может, и не ждет ордер на арест — лучше не спрашивайте.

Уши мои, впрочем, оставили в неприкосновенности, и через некоторое время я слышу доносящееся слева жужжание циркульной пилы, слабое, но нарастающее. «Олд Спайс» дрыхнет, возвещая об этом ближним и дальним весям. Еще немного времени спустя машина замедляет ход, и до меня доносится звон трех монет, проваливающихся в монетоприемник, — это ни с чем не перепутаешь. Машина снова набирает скорость.

Через десять минут я слышу корову.

Еще через пять минут резкий аромат мусорной свалки умудряется преодолеть прищепку, прокладывает себе путь сквозь ноздри и безжалостно врывается в обонятельные центры моего мозга. Я невольно с шумом хватаю ртом разъедающий глаза воздух. «Олд Спайс» просыпается — его храп сменяется хрипом, чихом, кавалькадой прочих звуков — и вяло поправляет прищепку, перекрывая доступ остаткам вони.

Мы в Нью-Джерси.

Через какое-то время мы останавливаемся. Это случалось и раньше, но теперь мне предлагают вылезти из машины. Я счастлив оказать своим спутникам подобное одолжение и прямо-таки спрыгиваю с заднего сиденья, желая наконец выпрямить сведенные судорогой, онемевшие ноги.

— Могу я снять мешок?

— Это было бы неразумным.

Гарри хватается за мою левую руку, Энглберт за правую, и они тащат меня по ухабам. От подошв ко мне поступают сигналы: мы идем по усыпанной гравием проселочной дороге.

Несколько минут спустя мы выходим на ровную лужайку. Я, на всякий случай, уже вырабатываю план нападения и побега. Я отказываюсь умирать с пакетом от «Блумингдейла» на голове.

— Закрой глаза, — говорит мне Гарри, и на этот раз я принимаю решение проигнорировать его указания.

Ой! Свет — яркий свет — ослепительный — глаза горят, просто пылают! Я тут же захлопываю веки, даруя тень своим уязвленным гляделкам. Гарри смеется надо мной, к нему нехотя присоединяется Энглберт.

— Мои глаза! Что вы сделали с моими глазами?

Бац! Очередной подзатыльник.

— Хватит ныть, — рявкает Гарри. — Я снял с твоей головы мешок, вот и все. Здесь

⁵ Универсальный магазин в Нью-Йорке.

свет яркий, идиотина.

Глаза привыкают, блекнут красные зигзаги на роговице. Постепенно вырисовывается окружающий пейзаж, и, в общем-то, именно так я его себе представлял: неровный расчищенный круг среди растительности, древесная листва заслоняет солнце, однако недостаточно, чтобы дать покой моим измученным глазам. Единственное, чего я не мог себе представить, это наиболее выступающей детали, причем находящейся в самом центре круга: бревенчатой хижины, будто вышедшей из-под топора старого доброго Эйба Линкольна. Насколько мне известно, он тоже такой смастерил.

Гарри слегка подтолкнул меня футбольным пинком по заднице:

— Иди, давай.

— Туда?

— Ну, куда же еще?

— Не могу ли я снять с носа прищепку?

— Нет.

Тяжело дыша ртом, я направляюсь к хижине, причем замечаю, что ни Гарри, ни Энглберт за мной не идут. Я уже в добрых тридцати ярдах от них и, теоретически, могу попытаться улизнуть — рвануть через поляну, словно газель, а потом исступленно ползти через подлесок. Позвонить в полицию, предупредить о грозящей опасности, а потом выбрать ток-шоу и рассказывать там свою историю.

К сожалению, в то время как я представляю себя рассерженным барсуком, забивающимся в нору, скорость моя более соответствует скорости упитанной таксы, нежели газели. Даже если я смогу убежать от этой пары олухов, вполне вероятно, что они носят с собой оружие дальнего действия, способное уложить меня в один миг и вне всякой зависимости от моих копательных способностей. Короче, я решаю войти в хижину.

Вот повезло, внутри никакого освещения. Между инкубатором Валлардо и блумингдейловским пакетом мой зрительный диапазон сменялся от яркого к темному и от еще более яркого к еще более темному, так что гляделкам стоило немалых усилий сохранить себя в целостности и сохранности. На мгновение я задерживаюсь в дверях, впуская внутрь наружный свет, но тут женский голос — низкий, настойчивый — произносит:

— Закройте дверь.

Я повинуюсь и снова оказываюсь во тьме.

— Ваши глаза приспособятся, — слышу я голос. — А до того хочу вам кое-что сообщить. Прошу молчать, пока я не закончу. Понятно?

Я на лету схватываю, когда слышу каверзные вопросы, а потому варежку не разеваю.

— Очень хорошо, — говорит она. — В конце концов, это не так сложно.

Я начинаю различать тени: печку, стул, возможно, очаг и посреди всего этого высокую гибкую фигуру.

— Итак, мне известно, что вы здесь по делу, — сообщает тень, и я различаю массивный хвост, медленно покачивающийся среди прочих силуэтов. — И я способна отнестись к этому с уважением. Все мы делаем свою работу, причем стараемся выполнять ее в полную силу. Было бы нерадением и пренебрежением своим долгом, если бы вы не уделяли работе максимум внимания.

Теперь можно различить шею, долгий грациозный лебединый изгиб; руки, маленькие, но соразмерные; миндалевидные глаза, высоко поднятые над щеками цвета спелой сливы.

— Мне известно и то, что вы прибыли из Лос-Анджелеса, — продолжает она, — и, хотя, наверное, полагаете, что привыкли к жизни в мегаполисе и знаете, как вести себя в большом городе, зарубите себе на носу, что Лос-Анджелес — это детский манеж по сравнению с Большим Яблоком. То, что допустимо у материнской груди, недопустимо в яслях. Я вытащила вас сюда не ради себя, а для вашего же блага. На самом деле, я уже дважды спасла вам жизнь. Можете мне не верить, но это правда.

Колеофизис, вне всякого сомнения, и при этом красавица. Каждый из шести пальцев на ногах идеальной длины и пропорций, и перепонки между ними без единого изъяна. А ее

хвост — о! этот хвост! — в два раза толще моего и в сорок раз милее. Единственное мое желание — избавиться, наконец, от чертовой прищепки, чтобы вдохнуть полной грудью ее аромат.

— Было бы неправдой сказать, что я не... понимаю, чем вы занимаетесь. Но если вы продолжите все эти расспросы, это расследование... мои возможности защищать вас вовсе не безграничны. Вам ясно?

— Мне ясно, что вы имеете в виду, хотя я вовсе не обязан со всем соглашаться. — Мои глаза наконец приходят в норму.

— Этого я и не ожидала.

— А еще мне не ясно, зачем вы притащили меня в хижину в Джерси. Могли бы послать телеграмму.

— Все это вас не касается, — отвечает Колеофизис. — Однако в отличие от всех остальных, я не верю, что вы можете пострадать.

— Кроме стычки с Гарри и Энглбертом, мне вообще ничего не угрожало. Знаете, что ваш головорез грозил разорвать мне горло?

— Они сообщили вам свои имена? — поджигает она губы, явно недовольная.

Я пожимаю плечами:

— Энглберт. Такое не придумаешь.

— Расскажите мне кое-что, — говорит она придвигаясь, так что меня обжигает ее дыхание. — Почему вам непременно нужно встречать во все неприятности?

— Я встречаю? По-моему, это они встречаются в мою жизнь.

Пауза. Поцеловать она меня хочет или плюнуть? Ни то ни другое — Колеофизис отстраняется.

— Вы посетили доктора Валлардо, так?

— Если учесть, что ваши головорезы схватили меня у медицинского центра, вам это и без меня известно. — Не спрашивая разрешения — хватит с меня разрешений, — я начинаю приседать, вверх-вниз, вверх-вниз, стараясь оживить онемевшие ноги. Колео не обращает на мою разминку ни малейшего внимания.

— Это не мои головорезы. — И дальше, чуть помедлив: — Доктор Валлардо — человек извращенный, Винсент. Выдающийся, но извращенный. Лучше бы вы оставили его наедине с опытами по ублюдочиванию природы.

— Похоже, вы их не одобряете.

— Я знаю, чем он занимается. Из первых рук. — Она садится на стул. — Еще вы докучали Джудит Макбрайд.

Откуда она все знает? Неужели за мной следили с того момента, как я вылез из самолета? Мучительно сознавать, что я был настолько сбит с толку этим городом, что и намек на хвост не обнаружил, несмотря на всю мою манию преследования. Привычка озираться всякий раз, когда я иду по городу, въелась мне в плоть и кровь, так же как смотреть то и дело в зеркало заднего обзора в машине. Проклятье, обычно я проверяюсь насчет хвостов даже в душе.

— Я не докучал. Я задал пару вопросов.

Тяжелый взгляд, и она кивает на стул:

— Садитесь, пожалуйста.

Я завязываю с приседаниями и падаю на стул напротив нее. Я обращаю внимание на отсутствие упоминаний о моей схватке с дином-гибридом в переулке за клиникой, но прихожу к выводу, что либо еще черед не настал, либо ее шпионы той ночью работали спустя рукава.

Колео берет меня за руку, и трепет проникает сквозь оболочку, бежит по руке и останавливает сердце. Как ни странно, ему это вполне по душе. Мгновение спустя оно возобновляет работу.

— Пожар в «Эволюция-клубе» — это чудовищно, — говорит она мне, и, судя по блеску в ее глазах и мягким интонациям, будто ватой перекладывающим каждое слово, мне кажется,

что говорит она искренне. — Погибли дины, и это плохо. Пострадал Донован, и это ужасно. Ужасно. И я полагаю, что вас не менее беспокоит смерть вашего партнера. Но все это просто несчастные случаи. Способны вы это понять?

— Вы были там той ночью? Когда погиб Эрни? — спрашиваю я.

— Нет.

— А в Лос-Анджелесе — в клубе?

— Нет. — И хотя нос мне в данном случае не помощник, я чувствую, что в обоих случаях она говорит правду. — Но я знаю, что вовсе не предполагалось того, что произошло. Не так, как это случилось.

— Замечательно. Что же предполагалось?

Она качает головой, вскидывает руку:

— В этом все дело, Винсент. Вы должны прекратить задавать вопросы. Вы должны сегодня же покинуть Нью-Йорк и навсегда выбросить все это из головы.

— Я не могу сделать этого.

— Придется.

— Понимаю. Но не буду.

Не могу сказать, смеется она или плачет: голова ее опущена, плечи трясутся, все тело содрогается в конвульсиях: то ли приступ рыданий, то ли припадок хохота, но я прерываю беседу, чтобы вновь потянуться. Меня выматывают такие посиделки, и шкура под облачением покрывается холодной испариной.

Она встает, с глазами, блестящими от слез, — так и неясно, смеялась она или плакала, — и качает головой, словно отказываясь продолжать разговор. Здесь был бы к месту тяжкий вздох.

— Я сделала все, что могла, — вздыхает она. — Я больше не могу защищать вас.

— Понятно, — киваю я, в то время как часть моего сознания недоумевает, почему я не соглашаюсь и не отправляюсь восвояси, спасая свою нежную шкуру. Защита обычно дело хорошее, и я не выхожу из игры лишь потому, что чувствую, как близок к чему-то грандиозному.

— Неужели эта работа для вас важнее жизни? — спрашивает Колео.

Я медлю, и она дает мне время подумать. Мой затянувшийся ответ срывается с губ еще прежде, чем я осознаю, насколько он верен:

— В данный момент эта работа и есть моя жизнь.

Она понимает и более не настаивает. Меня это радует. Я смотрю на часы — уже поздно, и теперь, когда я вполне уверен, что не буду изувечен посреди штата Нью-Джерси, усталость начинает брать свое. Мышцы жаждут освободиться от оков, уже предвкушая восхитительную негу в горячей ванне отеля.

— Мы ведь почти закончили? — показываю я на часы. — Не хочу показаться невежливым, но...

— Еще один вопрос. А потом я велю Гарри и Энглберту доставить вас в отель.

— Валяйте.

— Это личный вопрос.

— Только без поцелуев при первом же похищении.

— Я знаю, что вы навещали Донована в больнице, — говорит она, и манера, с которой она произносит имя обгоревшего Раптора — приливная волна на первом слоге, подчеркнутый ритм двух других, — дает мне понять, что когда-то она хорошо знала его.

— Верно.

— Скажите мне... — И тут голос ее срывается. Она не хочет задавать этот вопрос, видимо, потому, что не желает слышать ответ. — Скажите мне, как он себя чувствует?

Мольба в ее глазах, немой их крик: скажи мне, что все в порядке, скажи, что он не мучается, — приводят в действие цепочку мыслей, которая до того и в голову мне не приходила: она Колеофизис — она разглядывает меня, оставаясь в тени, — ей приходилось общаться с доктором Валлардо — она велела своим головорезам зажать мне нос, чтобы я не

запомнил ее запах и не смог отыскать ее, — она скрывалась и намеревается так же поступать впредь, — но прежде всего, и это самое главное: она по-прежнему очень любит Донована Берка.

Даже все эти годы спустя.

— Он выглядит прекрасно, — отвечаю я, и неуловимая Джейси Холден расцветает улыбкой. — И чувствует себя просто замечательно.

Мешок снова у меня на голове, хотя последние десять минут я бурно протестую против этого решения, взывая к тому, что поскольку я уже знаю, где мы находимся, нет никакой необходимости ослеплять меня подобным манером.

— Порядок есть порядок, — ворчит Гарри.

— Хозяйка распорядилась отвезти меня в гостиницу. Я там был, я все слышал, насчет мешка она ничего не говорила. — И в самом деле, Джейси велела двум динам вернуть меня в «Плазу» целым и невредимым, причем как можно быстрее. Последнее она выделила особо, как будто имела некие основания считать, что дины способны поступить иначе, и те нехотя согласились.

Шофер, которого я так и не видел, что-то бормочет, Гарри наклоняется к переднему сиденью и шепчет неразборчиво. Энглберт все это время не разжимает губ, и прежняя его готовность позабавиться со мной улетучивается начисто. Я обдумываю, не подать ли снова голос, попросить, допустим, включить посильнее кондиционер, но в конце концов решаю откинуться на сиденье и, не суетясь, использовать время, чтобы разложить все в голове по полочкам.

Мысленно я перебираю связи, одну за другой: Валлардо знал Макбрайда, Наделя, Донована, Джейси; Джудит Макбрайд знала их всех плюс Сару; Сара спала с Макбрайдом и коротко беседовала с Эрни; Надель вскрывал и Макбрайда, и Эрни; Наделя убили дины, сидящие рядом со мной...

Тут я отмечаю, как изменилась дорога. Мы съехали с шоссе или вообще какой-либо мощеной поверхности на рыхлую обочину. Слышно, как летит за колесами земля, машина замедляет ход, словно буксуя.

Я хватаюсь за мешок:

— Где мы?

Тут же мою руку отбивают прочь:

— Не твое собачье дело.

Ветви скребут по бокам лимузина, и несмотря на мои слабые познания относительно здешних границ трех штатов, я совершенно уверен, что это не дорога к Манхэттену.

— Вы, парни, не туда повернули.

— Нет, все верно, правда, Гарри?

— А то.

— А я уверен, что не туда. Госпожа Холден велела вам доставить меня в «Плазу», а это вовсе не Парк-авеню.

Гарри прижимается лбом к мешку, лишь тонкая коричневая бумага отделяет мое ухо от его губ:

— Мы этой сучке не подчиняемся.

Я понимаю, что это значит, еще прежде чем слышу щелканье кнопок и свист выпускаемых и встающих на место когтей. Я понимаю, что меня никогда не доставят в номер отеля. Они собираются убить меня, прямо здесь и прямо сейчас.

Изо всех сил оттолкнувшись ногами, я откидываюсь назад, на Энглберта, одновременно срывая с глаз мешок и отщелкивая кнопки перчаток...

— Держи его! — вопит Гарри. — Держи!..

Но я гладким маленьким угрем проскальзываю за ошарашенного Энглберта и, будто щит, толкаю его вперед. Перчатки сидят слишком плотно — нет времени отстегивать их как положено, — а потому я расправляю когти, острые как бритва лезвия продирают мягкие латексные подушечки пальцев, и сквозь бесполезные человеческие руки со свистом вылетает

мое грозное оружие.

Хвост обрушивается на соседнее сиденье, чуть не пополам разрубая подушку, и я устремляюсь к дверце лимузина, ногами в стекло — снова встает вопрос, убить или быть убиту, и я готов принять вызов. Собрав все свои силы, я обрушиваюсь на теплые туши агрессоров. Шофер озирается в беспокойстве и останавливает машину. Все вокруг окутывает запах битвы, насыщенная смесь страха и ярости.

Мы сбиваемся в ревущую груды когтей, никто не в состоянии высвободить конечности, нет ни времени, ни возможности сорвать маски, выплюнуть челюсти. Хвост Гарри свободен и яростно молотит повсюду — если он пытается настичь меня, то может с тем же успехом попасть по себе самому, а я, вцепившись в него, тянусь к глазам, ушам, любой доступной плоти. Кровь и пот брызжут на обшивку автомобиля. Энглберт тоже в общей куче, и мне кажется, его когти оставили глубокий след в боку Гарри...

— Кончай... кончай это дело, — задыхаясь, хрипит Гарри. — Тебе... никогда... не победить...

Дальнейшее обращается в рев, потому что я, отыскав в себе скрытые запасы энергии, поднимаю и валю Бронтозавра, для начала прижимая его лицом к сиденью. Я отвожу назад правую лапу, напрягаю мускулы, готовый немедленно покончить с этим делом... и тут ощущаю электризующую вспышку боли, четыре острых шприца вонзаются мне под ребра. Позади мелькают когти Энглберта, залитые моей кровью.

Я верчусь штопором, вытянув лапы, описывая когтями широкие круги, не имея представления, куда приходятся удары, да и не забота об этом, пока они вонзаются хоть куда-нибудь, хоть во что-нибудь...

Они вонзаются в шею водителя.

Он тяжело валится на руль, нога мертвым грузом вдавливая до отказа педаль, и машина летит с проселочной дороги. Шум теперь просто ужасающий, и я не различаю, где рык, где рев, где визг, где грохот мотора, потому что когти все мелькают, и хлещет кровь, и плоть рвется в клочья под яростным напором, а когда я на миг вынырываю из схватки за глотком воздуха, то успеваю заметить в переднем стекле стремительно приближающееся огромное дерево, и в тот момент, когда я вновь погружаюсь в хитросплетенье изодранных человеческих оболочек и мяса динозавров...

Крушение.

Это своего рода сон, хотя я вполне сознаю, что лежу на полу лимузина, весь залитый кровью, с выпущенными когтями и лапой, застрявшей в разорванной обшивке переднего сиденья. В этой... галлюцинации, если можно так выразиться, к машине приближается молодая женщина человеческого рода — та самая женщина, что уже снилась мне, — и смотрит на мое распростертое тело. Я пытаюсь помахать, пытаюсь моргнуть, пытаюсь показать, что нуждаюсь в помощи, но все бесполезно. Она открывает дверцу автомобиля, и голова моя со стуком падает. Я не в состоянии шевельнуться. Страх нарастает.

Совершенно беспомощный, я наблюдаю, как эта женщина, чьи черты ясно различимы, но лицо целиком по-прежнему скрыто ярким светом, исходящим от ее волос, нагибается ко мне, словно мать, укрывающая в ночи своего ребенка. Наши взгляды встречаются, и в ее глазах я вижу свое отражение. Она улыбается, и я успокаиваюсь. Все так же безмолвно уста ее приоткрываются и тянутся к моим. Мы сливаемся в поцелуе, и я не способен сжать губы. Рот раскрывается, устремляется наружу язык...

А она слизывает кровь с моего лица, с ухмылкой всасывает ее губами. Я кричу и снова теряю сознание.

Водитель мертв. Гарри тоже мертв. Энглберт нет, хотя он без сознания и вполне может проваляться так еще несколько часов. Все трое вылетели через переднее стекло, когда мы врезались в старый дуб, и у меня не находится слов, чтобы выразить благодарность создателям передних сидений «линкольна», достаточно прочных, чтобы выдержать напор

Велосираптора, несущегося со скоростью шестьдесят миль в час. Мне кажется, что это не входит в стандартную программу испытаний на безопасность.

Я прихожу в себя на полу в задней части лимузина в точности так, как во сне, весь в крови, частично своей собственной, частично чужой, и вываливаюсь на мягкую землю. Требуется время, чтобы хоть как-то сориентироваться. Судя по всему, шоссе где-то поблизости: в отдалении я едва различаю шум моторов и клаксонов. Как всегда, у меня первым пунктом на повестке дня стоит очистка территории, и хотя это занимает уйму времени, я ухитряюсь натянуть облачения на Гарри и Энглберта, ценой невероятных усилий убрав когти и нацепив перчатки. Если по какой-то причине Энглберт, очнувшись, не сможет справиться с ситуацией или вообще загнется от множественных ран, то я не могу позволить, чтобы случайный прохожий-человек обнаружил посреди Нью-Джерси груды полуоблаченных мертвых динозавров.

Надеюсь, что быстрый осмотр лимузина поможет уяснить, кто велел прикончить меня. Но багажник пуст, бардачок тоже, если не считать обычных документов на машину. Даже техпаспорт не помогает: владельцем числится некий Сэм Донавано — имя совершенно незнакомое. Пospешно обыскав мертвого водителя, я обнаруживаю бумажник и стопку документов — вполне достаточно, это и есть мистер Донавано.

Мое собственное облачение, хоть и разорвано, но явно подлежит восстановлению, и если мне удастся очистить его от всяческих телесных выделений, то я вполне смогу добраться до города. Я в состоянии перетянуть самые кровоточащие раны жгутами из рубашки Гарри, и какая же радость, что на этот раз мне не нужно переводить на перевязочный материал собственную одежду. Потребуется время, чтобы поймать машину до города, — даже если бы я слегка не кровоточил, остается хромота, так что я волочу свое бедное измученное тело, словно законченный бродяга, — а солнце уже готовится нырнуть за горизонт. Впрочем, темнота лишь поможет мне скрыть повреждения, а это как раз то, что требуется сейчас больше всего. Я сажусь под дуб и стараюсь не вырубиться.

План мой прост: дожидаться сумерек, а потом возвращаюсь в город и относительную безопасность моего гостиничного номера. Там я разоблачусь, погружусь в восхитительное облако постели и завершу этот день, отключившись в третий и последний раз.

Это в том случае, если больше никто не попытается меня убить.

12

Нет покоя нечестивцам.⁶ Не успеваю я вернуться в номер, стянуть облачение, принять столь необходимый мне душ, зашить кучу зияющих прорех в своей псевдоплоти, вновь натянуть человеческую шкуру и начать переодеваться ко сну, как слышится стук в дверь. Я ковыляю пингвиньей походкой, на ходу натягивая штаны, и смотрю в глазок. Не может быть лишних предосторожностей с народом, что желает меня убить.

Это портье, славный парень по имени Альфонс, с которым я имел счастье познакомиться, покидая сегодня утром отель. Я открываю дверь.

— Добрый вечер, мистер Рубио, — слегка кланяется он. — Извините за беспокойство.

— Никакого беспокойства. — Я медлю. — Разве что вы хотите оповестить меня о чем-нибудь в этом роде.

— О нет, сэр. Для вас послание.

Я бросаю взгляд на телефон: индикатор сообщений не светится. Альфонс, должно быть, понял мое недоумение, так как продолжает:

— Я предпочел вручить вам его собственноручно, мистер Рубио, ибо таково было пожелание дамы, доставившей его мне.

Дамы? Альфонс кладет маленький розовый конверт на мою протянутую ладонь и

⁶ «No Rest for the Wicked» — название альбома Оззи Осборна 1988 года.

получает взамен пять долларов. Довольный портье благодарит, желает мне доброго вечера и удаляется. Я закрываю дверь и сажусь на кровать.

Конверт источает насыщенный аромат духов, подсказывающий мне, что отправительница принадлежит к человеческому племени. Сара.

«Дорогой мистер Рубио, — читаю я, — буду Вам очень признательна, если Вы согласитесь сопровождать меня сегодня вечером в театр и после представления поужинать где-нибудь вместе. В Хэллоуин меня всегда освобождают от работы, и вместо того чтобы навешивать на себя карнавальные тряпки, я бы предпочла провести вечер со столь интересным, каким Вы кажетесь, собеседником. Если Вы сможете составить мне компанию, пожалуйста, подъезжайте к театру «Принц Эдуард» не позже половины восьмого. Надеюсь на встречу. Искренне ваша, Сара Арчер».

Не в моих правилах отвергать приглашение дамы на ужин, особенно когда она еще и подозреваемая. Но Сара Арчер... она интересна — даже интригующа — и на определенный манер привлекает меня, пусть и против воли, хотя меня просто корчит от остальных представителей ее рода. Однако с тех пор, как я в Нью-Йорке, о логике нужно забыть, и хотя ловить мне приходится в мутной воде, предпочитаю полагаться на интуицию.

Внизу Альфонс дает мне инструкции, как добраться до театра «Принц Эдуард», которые — вот сюрприз! — заключаются в том, что он заказывает такси. Я облачен в свой единственный здесь костюм, ладно скроенную пару в серую и черную полоску, пусть не с Родео-драйв,⁷ однако, как мне кажется, отлично сидящую. Я протягиваю Альфонсу очередную пятерку, он захлопывает дверцу, такси срывается с места и несется к самому сердцу театрального района. У меня совершенно не оставалось времени заправиться базиликом, но несмотря на абсолютную трезвость, нехватка травы не ввергает меня в панику, как раньше. Уверен, что перехвачу где-нибудь... когда-нибудь.

— «Принц Эдуард»? — спрашивает водитель. Чистый нью-йоркский выговор, ни малейшего следа иностранного акцента.

Я объясняю:

— Встречаюсь там кое с кем.

— Смотреть то представление?

— То представление? Спектакль в «Принце Эдуарде», да.

— Чертовски запутанное представление, — взад-вперед качает головой водитель. — Так мне и говорили: чертовски запутанное представление.

Я прибываю к театру «Принц Эдуард» целым и невредимым, причем на десять минут опережая график, так что успеваю досконально изучить толпу. Удивляет количество динов — по моей оценке, не меньше половины публики, что значительно выше средних по стране 10–12 процентов. Странно: то ли статистика врет, то ли спектакль поставил один из наших.

Я жду на краю тротуара, будто робкий подросток, пришедший на первое свидание, с каждой минутой все больше тревожась, а Сара не появляется. Обманула? Все уже заходят внутрь, не сомневаюсь, что представление вот-вот начнется.

Я озираюсь по сторонам, выглядываю в темноте такси, лимузин, какой-нибудь признак Сары. Ничего.

— Мистер Рубио? — это не голос Сары, однако имя мое, значит, хоть что-то начинается. Я поворачиваюсь и вижу билетершу — бедняжка до того малокровна, что чуть ли не насквозь просвечивает. — Вы Винсент Рубио? — Я говорю ей, что так оно и есть. — Ваша приятельница позвонила и сказала, что немного задержится. Ваш билет был заказан заранее, так что... вот он.

Мне вручают билет и сопровождают прямо к месту — третий ряд, в середине, между группой азиатских бизнесменов и пожилой парой, которой, судя по виду, все это уже наскучило.

⁷ Улица роскошных магазинов в Беверли-Хиллз.

Театр декорирован под джунгли: на стенах — тропические деревья и пещеры из папье-маше, сцена задрапирована тигрово-полосатой и леопардово-пятнистой материей, воздух наполнен звериным рыком и слоновьим ревом. Все это сгодилось бы для ресторана со сценой в окрестностях Санта-Барбары, но здесь, на Бродвее, выглядит жалко. Занавес опущен, публика гудит, а со стропил гордо свисает подсвеченный щит в тридцать футов длиной и пятнадцать высотой.

Он гласит: «МЭНИМЭЛ⁸ — МЮЗИКЛ!» И я понимаю, что вечер мне предстоит долгий-предолгий.

Признаю, что когда-то, в 1983 году, я был большим поклонником телевизионного сериала «Мэнимэл. Приключения профессора Чейза». Я был просто на седьмом небе от счастья, глядя, как доктор Джонатан Чейз борется с преступностью, как он приходит в ярость и в мгновение ока превращается в диких животных, но я, видать, один был такой, потому что не прошло и трех месяцев, как сериал закрыли, отправив на свалку низкобюджетного, высококонцептуального телевидения. Но даже самые негибкие из фанатов «Мэнимэла» не могли высидеть два с половиной часа, наблюдая, как получеловек-полулеопард поет и танцует, расследуя контрабанду наркотиков.

В первой песне, которая называлась «Невероятный человек-леопард, я люблю тебя», к примеру, были такие слова: «Да, я знала, что ты дикий кот, но к тебе устремлен мой полет». И после этого я решил отключить мозг, так как на сегодня в его услугах более не нуждаюсь.

Через двадцать минут, в течение которых я подвергаюсь испытанию еще двумя музыкальными номерами и чечеткой в четыре ноги, я вдруг ощущаю чечетку на собственном плече.

— Это место занято? — раздается шепот, и я оборачиваюсь, готовый грудью встать на защиту свободного кресла.

— Представьте себе... — И тут замечаю рыжую гриву, ниспадающую на обнаженные плечи, короткое ярко-желтое платье, заметное с другого конца города, и знакомую фигуру, во все это упакованную. Сердце мое бьется о ребра, будто запертый в клетке Кинг-Конг. — Оно зарезервировано для приятельницы, — говорю я.

Сара непринужденно опускается на мягкое сиденье, склоняется ко мне и шепчет прямо в ухо:

— Ваша приятельница не будет возражать, если я займу ее место?

— Не думаю, — отзываюсь я, сдерживая эмоции и стараясь привести в норму сердцебиение. — На самом деле, я только вчера с ней познакомился.

— И она уже стала приятельницей?

Я пожимаю плечами:

— Похоже на то. Она пригласила меня в театр.

— У нее контрамарки. — Она скрещивает ноги и поправляет платье. — Я много пропустила?

Перейдя на библиотечный шепот, я стараюсь посвятить Сару в основные хитросплетения «Мэнимэл-мюзикла». Беда в том, что их не слишком-то много:

— Значит, так... парень, что бродит по сцене, он человек, но в придачу еще и кот. А есть еще контрабандисты.

Мы терпеливо внимаем песням о леопардах, львах, барсуках, контрабанде наркотиков («Принял дозу, принял две, закружилось в голове»), опять о леопардах, и в конце концов до антракта все завершается выступлением исключительно мрачного доктора Чейза, оплакивающего свое горькое пребывание в двух ипостасях. Публика рукоплещет — мы с Сарой тупо следуем общему примеру, — и в зале вспыхивает свет. Нужно с толком провести пятнадцать минут до второго акта.

— Желаете выпить? — спрашиваю я. — Могу принести что-нибудь из бара.

⁸ Человек-зверь (от *англ.* man+animal).

Сара качает головой:

— Здесь не разрешают входить в зал с напитками. Я пойду с вами.

Когда мы выбираемся из партера — всю дорогу мужчины человеческого племени с вожделием плятятся на Сару, и хотя она не моей породы, я все равно задираю нос, — немногочисленные бары «Принца Эдуарда» уже забиты полупьяными театрами, жаждущими расширить сознание для восприятия второй части этого опуса. Мы с Сарой занимаем очередь за парой динов, облаченных пожилыми супругами. Их запахи — красное дерево, тлеющее в камине, — почти один от другого неотличимы, и хотя то, что с годами запахи мужа и жены становятся все более и более похожими, — это лишь старая сказка, ежедневно я получаю эмпирические свидетельства, заставляющие в нее поверить.

Пожилые супруги оборачиваются — должно быть, уловили мой запах — и кивают мне: дружеское приветствие, с которым мы, динозавры, иногда обращаемся к незнакомцам нашего рода, подобно владельцу старинного автомобиля, сигнализирующему товарищу по увлечению, сидящему за рулем такого же обтекаемого «мустанга» 1973 года. Но затем они видят Сару — обоняют Сару или, вернее говоря, *не* обоняют Сару, — и улыбки их вянут, тут же сменяясь гримасами отвращения.

Мне хочется завопить: «Она — свидетель! Может, и приятельница, но не более того!» С другой стороны, слишком горячо протестовать тоже не хочется.

— Длинная очередь, — говорю я лишь для того, чтобы нарушить молчание.

— Да уж, — кивает Сара. — Так можно не успеть к началу второго акта.

— Да. Верно. Не хотелось бы пропустить.

— Так вам нравится? — интересуется она, обольстительно теребя юбку изящным кулачком.

— Представление? Конечно. Он человек, он зверь... он Мэнимэл. Как можно пропустить такое?

— А-а. — Она кажется разочарованной.

— А вам?

— О, конечно, конечно. То есть я хочу сказать, чему же тут не нравится, так? Тут тебе и леопарды, и...

— И тигры, — монотонно поддакиваю я.

— Точно. И тигры.

Мы лжем. Оба. И оба это понимаем.

Хихикая, мы рука об руку пересекаем вестибюль, спускаемся по лестнице и покидаем «Принц Эдуард», словно школьники, впервые прогуливающие урок.

Часом позже мы все еще пересмеиваемся, хотя самое заразительное веселье иссякло пятнадцать минут назад. На некоторое время мы оказались в затруднительном положении, один приступ хохота сменялся другим, так что у нас никак не получалось сделать заказ в маленькой греческой таверне, которую мы обнаружили неподалеку от театра. В конце концов я был вынужден прикусить язык, чтобы прекратить смех, чуть не сменившийся слезами и поездкой в больницу: у меня отвалилась коронка, и настоящий, острый зуб с совершенно неожиданной силой прищемил язык. К счастью, я ухитрился сделать вид, что мне срочно нужно в туалет, закрепил там коронку, удостоверился, что язык мой во время обеда не выскочит изо рта прямо на колени Саре, и ко второй попытке принять у нас заказ успел вернуться к столу. И теперь мы ждем, беседуем, пьем.

— Нет, нет... — Сара потягивает вино, и губы ее оставляют на стекле изысканный красный отпечаток, — ...вовсе не так. Я вполне могу себе представить, что кому-то это по вкусу.

— Но не вам.

— Не мне. Антропоморфизм очень хорош и все такое, но...

— Богатое слово, мэм...

— ...но мне трудно представить себе, что весь мир населен человеко-кошками, которые

живут среди нас по своим законам, а мы и понятия о них не имеем.

— Не достоверно?

— Нет, просто неинтересно.

Прибывают закуски, и мы лениво макаем лепешки в хумус, цацики и тараму. Наш официант настолько грек, что дальше некуда — на Хэллоуин он нарядился в жилет с открытой спиной а-ля Зорба, — и оглашает коронные блюда с таким удовольствием, что каждое слово аппетитно само по себе. Сара советуется со мной относительно выбора, и я предлагаю «греческое ассорти», рассудив, что всегда смогу стянуть оттуда то, что ей окажется не по вкусу.

Я дохожу до того, что вылавливаю по возможности весь базилик и укроп из собственной порции; процедура почти автоматическая — вилка погружается и поднимается, прежде чем я успеваю проконтролировать движение. Что бы мы ни делали сейчас — я и Сара, — все почему-то кажется правильным, и впервые за долгое время я не ощущаю потребности пожевать травки. Что касается Сары, то она просит меня помочь с базиликом на ее блюде, и поскольку на нее он нужного действия все равно не произведет, я только рад оказать ей подобную услугу.

Щурясь в полумраке ресторана, Сара пристально изучает мое лицо, так что лоб ее морщится очаровательными дюнками. Ее взгляд блуждает по моей физиономии, делая остановки на носу, на губах, на подбородке.

— Я что, запачкался? — Неожиданно смутившись, я хватаю салфетку и судорожно вытираю губы и подбородок, дабы начисто удалить греческие деликатесы, осевшие на моем лице.

— Вовсе нет, — хихикает Сара. — Это... я имею в виду... усы.

— Вам не нравится?

Должно быть, Сара увидела, что я задет, так как поторопилась уверить меня в обратном:

— Нет-нет, мне нравится! Очень! Просто когда я увидела вас... ну, вчера вечером... вы были чисто выбриты.

На это мне сказать нечего. Изменения в облачение вносятся, как правило, постепенно, дабы создать впечатление естественного процесса, — к примеру, серию грудных мускулов от Нанджутсу, о покупке которой я подумывал в годы самовлюбленности, следует наращивать не один месяц, — но усы, насколько мне известно, всегда были короткой дорожкой к мужественности.

— Они фальшивые, верно?

— Конечно нет! — негодую я. — Такие же настоящие, как все остальное.

Сара снова хихикает, импульсивно склоняется ко мне и что есть сил дергает ус. Это, как правило, не больно, однако тонкий слой эпоксидной смолы под маской передает рывок истинной шкуре, так что мое «ой!» вполне натурально.

Изрядно сконфуженная Сара, густо покраснев, отворачивается:

— Простите! Я, правда, думала...

— В нашей семье волосы растут быстро, — говорю я, стараясь вернуть разговор в легкомысленное русло. — Моя мать была из породы терьеров.

Сара смеется, и я с радостью вижу, как встает и с извинениями покидает столик ее досада.

— Если вам не нравится, я могу сбрить их.

— Честное слово, нравится. Клянусь. — И она крестит сердце изящным пальчиком.

Мы едим дальше. И пьем. И болтаем.

— Как продвигается дело? — спрашивает она, наполняя бокал.

— Это деловой ужин?

— Нет, если вам этого не хочется.

Это намек? Надо быть начеку.

— Нет-нет, все просто замечательно. Дело далеко не закрыто. Улики, улики и еще раз

улики, вот жизнь детектива. Соедини их, охлади до готовности и смотри, что получилось.

Сара разделяется с бутылкой вина — господи, она умеет пить — и заказывает следующую.

— Меня вы толком еще не расспрашивали, — замечает она. — По-настоящему.

— Не очень-то учтиво превращать свидание в допрос.

— А это свидание?

— Нет, если вам не хочется.

Мы одновременно улыбаемся, и Сара, склонившись через стол, чмокает меня в лоб. После чего откидывается назад, так что ее платье туго обтягивает грудь. Сочные холмы вздымаются над вырезом, соски встают по стойке смирно, и я ощущаю странное желание... дотронуться до них? Невероятно. Я начинаю думать о кипе счетов, ожидающих меня в Лос-Анджелесе, и недозволенные мысли разлетаются и скрываются из виду.

— Не возражаю, если мы займемся этим прямо сейчас, — продолжает Сара. — Спрашивайте все, что вам нужно спрашивать. Не хочу, чтобы вы думали обо мне неправильно или, наоборот, не думали обо мне правильно.

— Вы полагаете, что я веду дело мистера Макбрайда. Раймонда. Это не так — не совсем так, — но достаточно близко к истине.

— Понятно.

— И вам не тяжело говорить о нем? — Обычно мне плевать на чувства свидетелей — я вспоминаю того надоедливового Компи, Суареса, и меня начинает тошнить, — но время от времени позволяю себе отступить от правил.

— Спрашивайте, — кивает Сара.

Подходит официант со второй бутылкой вина, и Сара накатывает себе полный бокал, не озаботившись предварительно изучить этикетку, понюхать пробку или сделать пробу.

Без записной книжки под рукой я вынужден полагаться на память:

— Как долго вы были знакомы с мистером Макбрайдом? До того, как...

Она задумывается, прежде чем дать ответ:

— Несколько лет. Два, может быть, три года.

— И как вы познакомились?

Взор ее туманится, а пальцы бесцельно теребят вырез платья, отчего я все сильнее, сильнее и сильнее напрягаю свое внимание.

— На том благотворительном мероприятии, — наконец произносит она. — За городом.

— За каким городом?

— За городом. То есть на природе. Лонг-Айленд, мне кажется, а может, Коннектикут.

Неважно.

— И Раймонд выступал в роли хозяина?

— Он и его... жена... — В последнем слове проскальзывает изрядная враждебность, чуть ли не опалившая воздух. — Все происходило в их загородном доме.

Вопросы сыплются все быстрее и быстрее, просто отскакивают от моего слегка подраненного языка:

— Как вы там оказались?

— Мой агент взял меня с собой. Это было благотворительное мероприятие. А я занималась благотворительностью.

— Но вы не помните, в чем именно заключалась благотворительность?

— Верно. — Она прижимает к носу палец одной руки и тычет в меня пальцем другой. Пьяный жест, однако привлекательный.

— Ясно. Вот так вы завели дружбу с богатым и знаменитым...

— Главным образом богатым... Я, по-моему, вообще никого из этих знаменитостей в глаза не видела.

— Я просто так выразился. Итак, тем вечером вы познакомились с Раймондом...

— Днем, — поправляет она, и я согласно киваю. — Там затянулось надолго, если мне не изменяет память. Я приехала сразу после полудня, а уехала только на следующий день.

Все остались ночевать.

— И вы сразу почувствовали влечение друг к другу?

— Я бы не сказала, что сразу, но что-то такое возникло. На самом деле, весь день мы прекрасно общались с его женой. Но уже на следующее утро мы с ней друг друга возненавидели.

Зарегистрируем.

— Той ночью вы спали с Раймондом?

Я прямо слышу звук пощечины и вижу след, оставленный моим бесцеремонным вопросом на лице ошеломленной Сары. Я вовсе этого не хотел. Я не подумал. Вот идиот, вот дубина, но я слишком обескуражен собственными словами, чтобы принести извинения. Не первый раз мой неудержимый язык вдребезги разбивает хрупкие материи, когда моя детективная составляющая поворачивает в определенном направлении, газ выжат до отказа, управление выходит из-под контроля, что замечательно, когда ты на прямой, но если перед тобой обрыв — прощай, Винсент.

Сара отвечает еле слышно, голос ее полон боли, будто у маленькой девочки, которую поставили в угол непонятно за что:

— Такой вы меня представляете?

— Нет, нет, я...

— Только заговорю с мужчиной — и сразу в постель?

— Я вовсе не то...

— Потому что если вы меня такой представляете, я вас разочаровывать не хочу. Вы собираетесь уйти из ресторана, отправиться домой и уложить меня, ладно, валяйте. — Теперь гнев заливает ее глаза, выплескивается на стол, размывает весь ресторан. Она стремительно вскакивает. С трудом сохраняя равновесие, тянет меня за руку. — Давай, парень, пойдем домой и посмотрим, как ты мне засунешь. — Посетители оборачиваются, прислушиваются, жадно впитывают сплетни, желая скрасить свои серые будни. Я чуть ли не обоняю негодование Сары.

Я накрываю ладонью ее руку, пытаюсь восстановить безмятежность нашего идиллического столика на двоих.

— Пожалуйста, я вовсе не это имел в виду. — Постепенно наступает отлив, волны ярости отползают в море. — Прошу вас. Иногда я не успеваю за собственными мыслями. Это работа виновата.

После двух бокалов вина и нескольких погружений хлеба в цацики Сара принимает мои извинения.

— Нет, — язвительно произносит она, возвращаясь к теме разговора, — я не спала с ним той ночью.

— Я так и думал.

— Хотя это вовсе не значит, что Раймонд не показался мне привлекательным. Это властное, обветренное лицо, изборожденное глубокими морщинами, — сразу видно, что он немало повидал на своем веку. Крепкие мускулы, широкие плечи... Внешне Раймонд был очень крепким. Не физически, а ментально. Эмоционально.

— А внутренне?

— Невозможно было разглядеть его изнутри, пока не узнаешь как следует, но в конце концов понимаешь, что делает Раймонда... Раймондом. Он обладал исключительным обаянием. Я сомневаюсь, что кто-нибудь, кроме меня и, возможно, его жены, знал Раймонда по-настоящему, таким, каким он был на самом деле.

Следует рассказать, что ее обожаемый Раймонд пользовался славой развратника и волокиты? Что он продавал матрасов побольше, чем агент 007? Что хотя она, возможно, была последней из его любовниц, но при этом далеко не единственной? Но что это даст — только причинит девушке боль, а я на сегодня уже исчерпал лимит оскорбительных замечаний. Возможно, я просто завидую Макбрайду, его готовности пренебречь общественными нормами, его страсти к запретному, несомненно куда более сильной, чем

моя. Однако подобные размышления и деструктивны, и дегенеративны, так что я давлю их в зародыше.

— ...но даже если он и заинтересовал меня в тот момент, — продолжает Сара, — я была не одна.

— С кем?

— С моим агентом.

— Вашим агентом? Разумно ли мешать дело с удовольствием?

— Иногда это лучше всего, — недвусмысленно намекает Сара, и я одновременно рад и обеспокоен ее переходом от гнева к обольщению. Гнев был неподдельным, однако с ним легче справиться. — На самом деле, мы порвали с ним вскоре после того вечера. Так что я осталась одна, а Раймонд по-прежнему с любовницей.

— Джудит.

Сара недовольно отмахивается от имени, словно от назойливой мухи:

— Мы ее так не называли. Мы называли ее хозяйкой, просто и ясно. Хозяйка. Так было лучше для меня, так было лучше для Раймонда.

— Но он оставался с ней в любовной связи?

Прежде чем Сара успевает ответить, к нам подходит официант с основными блюдами. Моя курица в лимонном соусе приготовлена неплохо, но «греческое ассорти» Сары просто великолепно. К счастью, я не сомневаюсь, что все это ей не одолеть, так что и на мою долю останется.

Официант удаляется, и мы набрасываемся на еду, словно Компи на свежую убоинку. Мой аппетит не удивителен — больше двенадцати часов я маковой росинки во рту не держал, и хотя сегодняшний завтрак был поистине пищей богов, успел проголодаться.

А вот что меня поражает, так это способность Сары сметать все со своей тарелки со скоростью, достойной Книги рекордов Гиннеса. Мусака, цыплята «Олимпия», пастиччо, какое-то блюдо из баклажанов, о котором я прежде не слышал, — с нарастающим изумлением я наблюдаю, как полные вилки отправляются в этот прелестный ротик и мгновение спустя возвращаются за следующей порцией. Господи, куда все это лезет?! Под стол? Бродячей собаке? Но я же вижу ее глотательные движения, так что нет сомнений, что она сама истребляет каждую крошку. Как может здоровенное блюдо еды, весящее, быть может, больше ее самой, исчезнуть в столь грациозном теле? В этой греческой таверне извращаются законы природы, происходит конфликт пищи и антипищи, но будь я проклят, если понимаю, каким образом. Если бы я не разгадал сегодня загадку исчезновения Джейси Холден, то решил бы, что ее съела Сара.

Я не могу вымолвить ни слова. Только смотреть. Ну и дела. Ну и дела.

Через десять минут Сара разделяется со своим обедом, а я сижу, широко разинув рот.

— Проголодались? — наконец обретаю я дар речи.

— Больше нет.

Надо думать. Сара отодвигает свою тарелку, и несмотря чудовищное количество ею только что поглощенного, я не замечаю, чтобы это как-то отразилось на ее животике. Во всем мире людей, подобных Саре, ненавидят те, кто печется о своей фигуре, но я слишком изумлен, чтобы завидовать чужому обмену веществ. Демонстрация усиленного поглощения пищи совершенно сбивает меня с толку.

— Вы спрашивали, продолжался ли у Раймонда роман с хозяйкой, — так Сара именует Джудит Макбрайд, — но я не успела ответить.

— Ну и... как?

Она опять замолкает, хотя, по-моему, времени обдумать ответ было достаточно для того, чтобы переварить целиком всю Грецию. Может, конечно, вся мыслительная энергия ушла на то, чтобы умять все это.

— У вас была когда-нибудь интрижка, Винсент?

— С замужней женщиной?

— Да, с замужней женщиной.

— Нет.

Хотя я был близок к тому. Я следил за женой одного Бронтозавра, пытаюсь сделать обычные компрометирующие снимки, и обнаружил, что хотя в настоящий момент она не состоит ни в какой внебрачной связи, но в высшей степени не прочь исправить эту оплошность. Она застигла меня с фотоаппаратом под окном ее спальни, и прежде чем я успел понять, что к чему, уже потягивал в джакузи шампанское под старомодные напевы Тома Джонса. Чтобы смыться оттуда, мне пришлось ждать, пока она удалится сбросить облачение и «шмыгнуть в более удобную кожу».

— Женатые, они именно что такие, — объясняет мне Сара. — Женатые. Нет смысла спрашивать, по-прежнему ли любит свою жену мужчина, заведший интрижку на стороне, потому что это вопрос не по существу. Это не существенно, любит он ее или нет, потому что она его жена, вот и все.

Я ковыряюсь в тарелке, обдумывая ее точку зрения и свой следующий вопрос.

— Как часто вы с ним встречались?

— Часто.

— Два, три раза в неделю?

— Ближе к концу? Скорее пять или шесть. Он старался проводить воскресенья с хозяйкой, но к тому времени это ее не слишком беспокоило.

— Так она знала?

С ироничным смешком Сара наклоняется и подхватывает с моей тарелки картофелину.

— О, она знала. Следует отдать ей должное, она далеко не глупа. Надо быть каменной, чтобы не замечать таких вещей. Работа допоздна, каждый день? Конечно, Раймонд работал как одержимый, но невозможно проводить в конторе по восемнадцать часов ежедневно девять месяцев подряд. Думаю, хозяйка все поняла через месяц или около того, потому что Раймонд перестал таиться по телефону. Называл меня по имени, прекратил всю эту ерунду с зашифрованным смыслом. Прежде все было сплошным шпионским романом, и я всегда знала, когда она входит в комнату, потому что он сразу начинал звать меня Берни и говорить о завтрашней партии в гольф. А я ненавижу гольф. Всю жизнь меня окружали игроки в гольф. Пожалуйста, скажите мне, что никогда не играли в гольф.

— Дважды.

— Бедняга. Раймонд обожал эту чертову игру. Вот гуляем мы по Парижу, дышим весенним воздухом, проходим в арабский квартал, заглядываем в лавочки, беседуем с людьми, а он отрабатывает подачу и гадает, какой клюшкой лучше воспользоваться, чтобы захватить мячом в витрину или в окно церкви. Помню, для четвертого яруса Эйфелевой башни лучше всего подошла бы деревянная номер девять.

— Так он возил вас в Париж?

— И в Париж, и в Милан, и в Токио, по всему шару. О, мы были «реактивной» парочкой. Странно, что вы нас не видели в светской хронике.

— Я мало читаю. Телевизионную программу иногда.

— Фотографии во всех международных журналах: Раймонд Макбрайд со своей спутницей. Они никогда не упоминали о жене и скандала из этого не устраивали. Это одно из преимуществ европейцев — адюльтер для них вроде сыра. Выбор богатейший и лишь изредка пованивает.

Итак, слухи подтвердились: Макбрайд потерял голову. Этот знаменитый Карнотавр явно рехнулся, перед всем миром щеголяя своей человеческой подружкой и не скрывая этой связи даже от журналистов. И хотя международные Советы не столь строги по части морали, как американские, межродовые связи категорически запрещены во всем мире. Достаточно любому из нас, вплоть до самого ничтожного Компии в самом крошечном округе Лихтенштейна, совершить промах, и сто тридцать миллионов лет спокойной жизни могут окончиться безвозвратно. Сто тридцать миллионов, не считая Средних веков, разумеется. Драконы, чтоб им...

— Он не делал вам предложения?

— Я же сказала, он был женат на хозяйке. Думаю, они пришли к некоей договоренности.

— Договоренности?

— Он спит со мной, она спит с тем, с кем она там спит. — Сара оглядывает соседние столы в поисках спиртного.

— Так вы полагаете, что у Джу... у миссис Макбрайд тоже был роман?

— Полагаю? — Сара трясет головой, разгоняя туман в голове, и мне приходится удерживать ее от жеста официанту, превратившемуся теперь в виночерпия. — Конечно, у нее был роман. У нее был роман еще до того, как появилась я, можете не сомневаться.

Я, понятное дело, должен быть ошеломлен, однако никак не могу отыскать подходящие эмоции.

— Вы знали типа, с которым она спала?

Она качает головой, потом кивает, и я не могу понять, то ли она пытается ответить, то ли борется со сном.

— Да, — бормочет она. — Тот чертов... управляющий ночным клубом...

Очко в пользу Винсента Рубио. Мои изначальные сомнения в природе отношений Донована и Джудит, вопросы, явно заставившие ее поволноваться, совершенно по-новому зазвучат при следующей встрече. Не в лоб, разумеется, и со всем возможным тактом, а уж если это не сработает, то прямо и без экивоков.

— Сара, вы знали Донована Берка?

— Хм?...

— Донован Берк — вы знали его? Вы знали Джейси Холден, его подружку?

Но голова Сары поникла и мотается во все стороны, кое-как балансируя на длинной шее, так что вразумительного ответа не предвидится. Вино, наконец, сделало свое дело, невзирая на шесть тонн греческой еды, заполнивших ее желудок.

— Он так хотел своих детей, — скулит Сара, едва удерживая слезы.

— Кто хотел своих детей?

— Раймонд. Я не знаю другого мужчины, который бы так хотел детей.

Речь ее становится бессвязной, и я не могу разобрать ни слова, однако закончить не спешу. Я поднимаю голову Сары, так чтобы она видела мои губы.

— Почему у него не было детей? — спрашиваю я, как можно четче выговаривая каждый слог. — Из-за миссис Макбрайд? Она не хотела?

Сара машет руками, пытаюсь освободить лицо.

— Не она! — визжит моя спутница, в третий раз за вечер привлекая внимание публики. — Он хотел детей от *меня*. От *меня*... — И тело ее сотрясают рыдания.

Неудивительно, что нервы у нее ни к черту: последние несколько лет бедняжка жила с надеждой рано или поздно понести от Раймонда Макбрайда, и не подозревая о том, что подобное физически невозможно. Кто знает, что он там ей наплел? А тот факт, что Макбрайд так втянулся во все это, заставляет поверить, будто у него, как многие полагают, действительно был синдром Дресслера, и он на самом деле стал думать о себе как о человеке, не в состоянии различить наружный обман от внутренней реальности.

Сочетание вина и болезненных воспоминаний совершенно истощило физические и духовные силы Сары Арчер, так что я считаю своим долгом убедиться в ее благополучном возвращении домой.

— Пойдем, — говорю я, швыряя на стол сотню, включающую в себя стоимость ужина, вина и внушительные чаевые. За исключением двух двадцаток, упрятанных в носок, на всей земле у меня больше нет наличных — лучше бы заплатить кредитной картой «ТруТел», но в данный момент нам бы смыться поскорее отсюда.

Волочить Сару оказывается не так легко, как я ожидал: она хоть не столь массивна, как дин-мутант, которого я буксировал за помойный контейнер, однако завихрения пьяного тела делают его куда тяжелее, чем кажется, глядя на миниатюрную фигурку. Мы пятимся,

спотыкаясь, Сара виснет у меня на колене, словно огромная кукла чревовещателя, и я от натуги похрюкиваю.

— Продолжаем веселиться? — спрашивает Сара, в крепком объятии сплетая руки на моей шее. Хотя бы легче становится, правда, ее близость вызывает кое-какие произвольные реакции, одинаково несоответствующие как месту, так и моей породе. Остальные посетители, целиком поглощенные нашей борьбой, радуются, что раздобыли себе места в ложах на столь увлекательное представление. Я вижу гримасы на их лицах, меняющиеся в такт с моими собственными, когда тащу Сару по направлению к выходу. Осталось не более десяти футов, но они кажутся милей.

К нам подступают официанты, предлагают содействие, распахивают двери, страстно, надо думать, желая поскорей закончить это представление, и я с радостью принимаю их помощь. Мы вываливаемся из таверны в оцепеневший воздух бабьего лета, безумной влажностью наносящий непоправимый ущерб моему гриму, и я озираюсь в поисках ближайшей скамейки. Мы вихляем к автобусной остановке, оклеенной рекламой (которая, в свою очередь, усеяна граффити), и я позволяю Саре шлепнуться на жесткие деревянные рейки. Юбка ее задралась еще выше, чем прежде, обнаруживая краешек солнечно-желтых трусиков.

— Сидите здесь, — говорю я, переводя юбку на более скромную позицию. — Никуда не уходите.

Сара крепко хватается меня за руку:

— Не уходи. Все уходят.

— Мне нужно поймать такси.

— Не уходи, — повторяет она.

Раскорячившись на остановке — одна нога на скамье, вторая на мостовой, с запястьем, все так же стиснутым Сарой, я размахиваю свободной рукой, словно флажком бедствия, в надежде, что вдруг из темноты выплывет такси и спасет нас. Сара начинает петь какую-то тарабарщину из слов, обрывков слов и бессмысленных звуков; песня ее несется в ночь вдоль по суетной улице. Насыщенное тренированное контральто мощно пробивается сквозь хмель, и я поражаюсь чистоте мелодии при такой невнятице текста.

Через пять минут мы по-прежнему без такси, и песня Сары постепенно сходит на нет. Она освобождает мое запястье и погружается в молчание. Уносится куда-то и шум городского транспорта, весь мир отступает, оставив единственный фонарь, освещающий скамью на автобусной остановке, роскошную женщину и Велосираптора, ее охраняющего.

— Ваш голос... — шепчу я. — Это что-то невероятное.

Вместо ответа она поднимает глаза — настоящий подвиг, если учесть, как должна кружиться у нее голова, — и судорожно улыбается. Свет фонаря превращает слезы на ее глазах в капельки золота, и единственное, чего я хочу, это осушить их поцелуями. Я опускаюсь на колени, мои губы приближаются к ее глазам, к ее щекам, и внезапно я ощущаю соленую влагу, я ощущаю ее боль, я не могу остановиться, я уже не владею собой, скользну по ее коже, впитываю слезы, сначала медленно, потом все быстрее устремляюсь к ее губам. Страсть испепеляет нас, из груди вырываются приглушенные стоны, языки извиваются. Мы застываем в долгом поцелуе, поглощающем меня целиком и лишаящим остатков разума...

Останавливается и гудит такси.

— Собираетесь ехать? Эй вы, пташечки! Вы же только что махали рукой, так что, едем?

Наверное, я должен убить этого водителя. Мы с Сарой шарахаемся друг от друга, и звезды постепенно уходят из моих глаз. Глаза у Сары все еще закрыты, хотя я подозреваю, здесь более виной сонливость, нежели продолжающееся наслаждение.

— Я не собираюсь ждать всю ночь, — сообщает таксист.

— Одну секунду! — кричу я в ответ.

— Совсем необязательно так орать!

Сара слишком не в себе, чтобы помочь мне, когда я стаскиваю ее со скамьи и взваливаю на плечо, будто неандерталец, несущий через болото свою преданную жену. А я уже чувствую отвращение от содеянного. Мой рот и человеческий рот... так и заразиться недолго.

— Есть куда руки приложить, — причмокивает шофер, когда я опускаю Сару на заднее сиденье. — Знойная штучка.

Я решаю не достаивать ответа столь грубое замечание и ввинчиваюсь рядом с Сарой, которая выбрала этот момент для того, чтобы вырубиться окончательно. Не к добру — я не знаю адреса моей прекрасной леди. Нежные похлопывания по щекам никакого толку не приносят, равно как и грубые потряхивания за плечи.

Как только я захопываю дверцу, меня с головой накрывает запах — мягкая кожа и собачьи консервы, запах дина, если я вообще в чем-то разбираюсь. Одновременно поворачивается водитель, учуявший исходящий от меня аромат с сигарным привкусом «Робусто»:

— Привет! Всегда рад дину в моем такси. Добро пожаловать на борт, — протягивает он мясистую лапу.

— Тш-ш-ш-ш! — киваю я в сторону Сары. Вообще-то нет повода для беспокойства — ее сознание далеко отсюда, — однако никогда нельзя быть слишком уверенным, когда дело касается человекообразных.

— Ты хочешь сказать, что она... То-то я не чую...

— Да. Да.

Таксист поднимает бровь и косит на меня похотливым взором, будто говоря: «Вижу, что у тебя на уме, хитрец». Мгновение спустя он подтверждает мои самые худшие подозрения:

— Ладно, ладно. Раз уж ты задумал такое, так валяй до конца, вот что я тебе скажу.

— Тут вовсе не то. Мы просто друзья.

— Там на скамейке это выглядело совсем иначе.

— Нет, мы действительно...

— Насчет меня не беспокойся, приятель, от меня слова никто не услышит. Эти гребаные ублюдки из Совета думают, что могут распоряжаться нами, как им заблагорассудится. Да я из них из всех только одного могу выбрать, и они там вечно моим парнем помыкают. — Этот слабоумный считает, что Совет действительно вершит дела на своих бесконечных, неделями длящихся заседаниях. Должно быть, Комппи.

— Нет, — говорю я, пожалуй, более себе самому, чем шоферу, — не будет тут никакого продолжения.

Он перегибается через спинку, чуть не уткнувшись головой в мои колени, и переходит на шепот:

— Я знаю целую кучу парней вроде тебя и, говорю тебе, сам бы хотел набраться смелости. Смотришь, как эти девки прохаживаются, и самому охота попробовать, верно? Эй, да я большую часть жизни провожу в этом обличье, так ведь охота попробовать, каковы они, настоящие, понимаешь меня? Но, видать, воспитывали меня слишком строго. Не могу, понимаешь, себя переломить.

Он намекает, что мои моральные устои не на столь высоком уровне. Я раздумываю, не врезать ли ему, а потом вытащить Сару из машины и донести на него в Совет за второстепенные нарушения, которые я запросто смогу состряпать, но дело-то в том, что он прав. И один-единственный поцелуй — был он минутной слабостью или нет — тому доказательство.

— Но если потискать одну из этих настоящих человеческих задниц... любой дин втайне об этом мечтает, верно? — Он смотрит на Сару, прямо-таки пожирает ее глазами. — Эх, парень, ты сорвал главный приз.

— Слушай, — собираю я все возмущение из своего изрядно опустевшего запаса, — между нами ничего нет. Ничего. Прости, что разрушаю твои хрустальные мечты. Можем

ехать теперь?

Таксист прищуривается, скрипит зубами, виски его пульсируют — двинуть мне, что ли, собирается? — затем пожимает плечами, разворачивается и ударом каратиста переключает передачу.

— Куда скажешь, приятель. Мне плевать, чем ты там занимаешься. Куда?

Нет смысла продолжать дискуссию; раз он оставил эту тему, то я и подавно.

— «Плаза», — решаю я. Пока мы доедем до моей гостиницы, Сара достаточно протрезвеет, чтобы сообщить свой адрес. Я заплачу шоферу, и он доставит ее домой.

С переднего сиденья доносится язвительное похрюкивание, когда мы съезжаем с поребрика и вливаемся в поток. По дороге в «Плазу» мы проезжаем мимо черного хода «Принца Эдуарда». Должно быть, вечернее представление только что закончилось, поскольку зрители валят из театра, кучкуются у служебного входа, где артисты, все еще в костюмах и гриме, раздают автографы динам и людям, никогда доселе о них не слышавшим. Но тут перед моими глазами проплывают дети и взрослые обоих полов, поющие, танцующие, смеющиеся, разыгрывающие номера из спектакля, и мне приятно, что кого-то переживания Мэнимэла явно обогатили.

Я опускаю стекло и швыряю в толпу театральную программку.

13

Мне повезло, что Сара решила поблевать в машине, а не в номере, так что убирать пришлось не мне, а таксисту. Еще мне повезло, что извергнутое Сарой, обильная смесь баклажанов, цацики и невероятного количества белого вина, немного отрезвило мою человеческую малышку, приведя ее от полного распада к более-менее транспортабельному оцепенению.

В результате Сара, опираясь на мое плечо, кое-как проковыляла через вестибюль «Плазы» к лифтам. Краткий привал в номере, вот и все, а потом домой, домой. Она шатается, но на ногах держится, вопреки моим опасениям. Мы ждем, пока два якобы скоростных лифта спустятся с последнего этажа. Под ногами у нас пестрый восточный ковер, и его повреждение нанесет непоправимый ущерб моему и не только моему сберегательному счету, так что я молю про себя тошнотворных богов уберечь Сару от дальнейших казусов. Если они требуют жертвы, то я с радостью разобью бутылку «Маалокса», когда в следующий раз окажусь в аптеке.

К лифту рука об руку подходит пожилая пара. Как трогательно. Что-то в них знакомое, хотя не могу определить, что именно. Я уже видел их прежде. Хм... Пронзительные взгляды, которыми они буравят меня, ставят все на свои места: это надменная чета динов из очереди в баре на «Мэнимэл-мюзикле», из тех, что, кровь из носу, карабкаются к заоблачным моральным высотам.

Сара выскальзывает у меня из рук, и я не придумываю ничего лучшего, чем крепко обхватить ее за талию. Она виснет на мне, словно потрепанная тряпичная кукла. Из всех сил стараюсь удержать ее в вертикальном положении, я улыбаюсь парочке, как бы показывая своим хихиканьем, что отношусь к сложившейся ситуации с юмором. «Ха-ха, — предназначено выражать этим смешкам, — что за глупое недоразумение. Когда-нибудь я расскажу об этом моим чистокровным рапториятам». Парочка никак не реагирует. Тишина становится невыносимой, так что я ее нарушаю:

— Понравилось представление?

Трудно разобрать реакцию людей со столь высоко задранными носами.

Почему-то Сара выбирает этот момент, чтобы изречь, наконец, законченную и связную фразу:

— Хорошо провели вечер? — интересуется она, вздымая и низвергая каждое слово в синкопическом ритме. — Я-то отлично провела время.

— Да, да, неплохо. Ах-ха, да, да.

Она зажимает мой нос большим и указательным пальцами и крутит его, явно не рассчитав силы. От ее шалостей на глазах у меня выступают слезы.

— Я хочу сказать, что провела время *по-настоящему* отлично.

— Отлично, — вторю я, потирая нос. Потом поворачиваюсь к парочке оправдаться, пожать плечами, как-то дать понять, что эта сцена, какой бы сладострастной она ни казалась, вовсе не то, что они думают, но пожилые дины спешат удалиться.

Сара снова хватается меня за нос, но я мягко отвожу ее руку:

— Тебе нужно немного поспать.

— Все, что мне нужно, — шепчет Сара, стучаясь своим лбом о мой, — это ты.

Я делаю вид, что не слышу.

— Ты-ты-ты, — повторяет Сара, и теперь от этого голоса уже не заслониться. — Ты мне нужен.

На это нет лучшего ответа, чем его отсутствие, так что я держу язык приклеенным к нёбу все время, пока мы ждем лифт, который явно попал в некое искривленное пространство.

Наконец-то он прибывает, и латунные двери раздвигаются. Я отступаю, пропуская выходящих пассажиров: молодую влюбленную пару, прямо-таки приросшую друг к другу. Но когда я отхожу влево, они тоже отходят влево. Я шарахаюсь вправо — и они вправо.

Это зеркало. Предпочитаю не думать об этом. Мы входим.

Подъемник срывается с места с таким ускорением, что мы с Сарой чуть не валимся на пол — ну, конечно, *теперь* он скоростной — и едем до верхнего этажа, снова крепко ухватившись друг за друга.

— Быстрый, — хихикает Сара, вцепившись в мое плечо.

Президентские апартаменты отделены от обычных номеров длинным коридором. Долгий путь и для трезвого, а как волочить туда Сару, я и представить себе не могу. Словно усталый мореход, знающий, что долгий путь подходит к концу и близится возвращение к семье, друзьям и домашним обедам, я перекидываю через плечо руку Сары и по ветру устремляюсь в плаванье. Мы ухитряемся преодолеть коридор, лишь несколько раз споткнувшись и поскользнувшись, Сара то приходит в себя, то снова вырубается, как сломавшийся телевизор. Я открываю дверь.

Проклятье, до чего ж велик этот номер. Короткими быстрыми скачками я пересекаю мраморную прихожую, подталкивая Сару к кровати. Тут мне бы очень пригодился хвост, и я даже раздумываю, не выпустить ли его ненадолго. Но для этого придется снять штаны, да и меньше всего мне хочется, чтобы заглянувший ненароком посыльный застал Сару Арчер распростертой на кровати и меня голышом ниже пояса. Прекрасно обойдусь и ногами.

Сара опять возвращается к жизни, когда я кладу ее на кровать и пытаюсь придать телу положение, представляющееся мне естественным.

— Хххдеееааа?

Я принимаю этот растянутый слог за попытку выяснить координаты.

— В моей постели.

Сара прыскает с явным удовольствием. Ее пальцы ползут по моим рукам, словно гигантские пауки, хватаются за рубашку, тащат за воротник, пытаюсь утянуть меня в эти простыни и подушки.

— Сара, нет. — Тон мой тверд, как плавленый сыр. Она тащит сильнее. — Нет. — Чуть лучше, однако недостаточно, чтобы она прекратила тянуть ко мне губы, сложенные для поцелуя.

Было бы так легко, так приятно сказать: «Какого черта, это просто секс, кого волнует наш род и природа, кто знает, что правильно, а что порочно», и не просто уступить соблазну, но отдаться ему целиком, однако хотя нравственность явно отправилась в увольнение, некие остатки моего сверх-Я лезут занять ее место. И несмотря на то что сердце и чресла по-прежнему увлекают меня в уют этих рук, этих губ, этого потрясающего матраса, голова остается достаточно холодной, чтобы отринуть мечты и отступить с поднятыми руками.

— Я не могу. Я хочу, но — не могу.
— Ты... женат? — спрашивает Сара.
— Нет... не в этом дело...
— У тебя... у тебя есть подружка?
— Нет. Послушай... — Тут звонит телефон. Я не обращаю внимания. — Послушай... — повторяю я, и снова звонит телефон. Индикатор сообщений горит с тех пор, как я зашел в спальню. Еще звонок. — Не забыть бы, что имел в виду, — говорю я и снимаю трубку.

— Вот дерьмо, он дома! Рубио, где ты шляется, черт тебя побери!
Гленда.
— Гленда, это не может подождать? Я... занят.
— Так ты сначала просишь меня о долбаной помощи, а потом охренительно занят, чтобы услышать, что я нарыла, так? Я намеки понимаю...

— Подожди! Подожди — ты что-то нашла?
— Нет, раз так, ничего. — Ну вот, надулась теперь.
Сара вьется на простынях, тянется к моим рукам, тащит меня к себе.
— Оставь этот телефон, — обольстительно воркует она. — Потом им позвонишь.
Блеск, теперь двух дамочек успокаивать. Саре я показываю палец — одну секундочку, умоляю, одну секундочку — и отступаю в затемненный угол спальни.

— Глен, прости меня. Тут просто... черт знает что творилось. Но все, что ты раздобыла, я выслушаю с радостью.

— Только не по телефону. Нам нужно встретиться, Винсент.
— Парень, который говорил мне это последним, уже сыграл в ящик.
— Что?
— Потом расскажу. Встречаемся прямо сейчас? Ты не можешь хоть в общих чертах объяснить?

Гленда колеблется, но ответ ее тверд:
— Лучше не стоит. Можешь подвалить в «Червоточину»?
— Сейчас?
— Сейчас. Сам поймешь, как это важно для тебя.
— Да, да, конечно. Дай мне двадцать минут. И еще, Глен — будь осторожна.
— Как всегда.

Я поворачиваюсь к Саре, прокручивая в голове извинения и причины, по которым я вынужден покинуть ее в столь решающий момент наших... отношений. Но услышав ровное дыхание с легким посапыванием, понимаю, что объяснения можно отложить на следующий раз. Сара Арчер отключилась, одной рукой продолжая сжимать мою штанину.

— Прости, — шепчу я. — Я так сожалею.
Ее кожа блестит в тусклом отблеске горячей в гостиной люстры, и столь чиста и непорочна эта бледная матовая поверхность, что заслуживает прощального поцелуя. Когда я наклоняюсь к ее щеке, Сара приоткрывает глаза и смотрит на меня с нарастающим изумлением. Она поднимает ладонь и гладит мое лицо, и тепло ее прикосновений доходит до самого сердца. Она говорит:

— Ты... ты похож на того, кого я знала когда-то. Давным-давно.
— Кто же это? — шепчу я.
Но Сара уже спит.

В канун Дня всех святых бар динов на задах «Червоточины» выглядит совершенно обычно: травка, шум, пьяные крики. Но того бедлама, что творится в передней части, где собираются млекопитающие, мне видеть еще не доводилось. Все здесь забито грязными обезьянами, наряженными в карнавальные костюмы той или иной степени идиотизма. Сквозь плотные ряды шмелей и нинзя, персонажей комиксов и французских камеристок я продираюсь к потайному ходу за туалетами.

Гленда ждет меня за дальним столом, и, направляясь к ней, я мимоходом обнюхиваю помещение на предмет знакомых запахов. Все чисто — по крайней мере в отношении попадавшихся на моем пути наемных убийц. Если же кто-то послал новых динов, чтобы меня укокошить, то с этим я мало что могу поделать. Я подхватываю свободный стул и заказываю чай со льдом.

— Без мяты, — говорю я официантке.

Озадаченный взгляд Гленды:

— Без мяты? Ты же любишь мяту.

Я показываю на скрепленную тремя кольцами папку, что лежит у нее под рукой.

— Что ты для меня нарыла?

— Это дерьмо было скрыто, причем основательно.

— Стерто?

— Думаю, да. Но тот, кто уничтожал данные, либо торопился, либо забыл о временных файлах. Я использовала восстановитель, чтобы вытащить их, и большая часть этой дряни оказалась в порядке. — Гленда просто чудо по части компьютера, во всяком случае по сравнению со мной. У меня дома, в ожидании, когда его затребует банк, пылится компьютер Эрни. С тех пор как Эрни не стало, компьютер использовался только в качестве подставки для грязной посуды, так что пусть забирают, коль угодно.

— Покажи, что у нас есть.

Первые несколько листов — это рукописные заметки, которые Эрни вел во время бесед, отпечатанные жирными темными чернилами.

— Он просто сканировал их, — объясняет Гленда. — У нас в «Джей амр; Ти» принято иначе: мы используем ту говенную программу, конвертирующую в текст наши записи от руки, но так как программа не знала его почерк, она оставила все, как было.

У меня ком в горле застревает, когда я смотрю на петли, изгибы и закорючки, оставленные рукой Эрни. Почерк у него был просто ужасающий, так что нередко он заручался моей помощью в расшифровке самых неразборчивых фрагментов своих каракулей. Будто бы он сидит сейчас рядом со мной, протягивая только что исчерканный блокнот, и просит: «Винни, тут написано: *свидетель утверждает, что обнял жертву*, или *свидетель утверждает, что обманул жертву?*»

— Насколько я смогла разобрать его дерьмовый почерк, он опрашивал тот же народ, что и ты: миссис Макбрайд, человечью певичку из ночного клуба, несколько служащих, того же коронера. Можешь проверить, есть ли несовпадения с твоими заметками.

— Обязательно. Что еще?

— Кое-какой обычный материал, записи расходов, расписания, какие-то каракули, которые я не смогла разобрать, список встреч...

— Дай-ка мне... этот список.

Гленда роется в распечатках и протягивает три листка, будто бы скопированные из карманного ежедневника или чего-то в этом роде. Сверху типографским способом напечатаны даты (в данном случае это девятое, десятое и одиннадцатое января). Нижняя часть разделена на получасовые промежутки с местом для записей. Страницы в основном пусты, но несколько встреч обозначено.

Девятого января, например, он встречался с Джудит Макбрайд и четырьмя высшими администраторами «Макбрайд корпорейшн». Десятого фигурируют Валлардо и Сара, а также несколько имен, мне ни о чем не говорящих. Но одиннадцатого, в день, когда он был убит скрывшимся с места происшествия таксомотором в каком-то богом забытом переулке, в десять часов утра, всего за несколько часов до того, как голова его вдребезги разбилась об асфальт, у Эрни состоялась встреча с доктором Кевином Наделем. А всего через три дня после этого, когда я, обуреваемый пьяной яростью, прилетел в Нью-Йорк и ворвался в морг, чтобы увидеть своего партнера и лучшего друга, а также коронера, столь явно подделавшего заключение о вскрытии, оказалось, что Надель пребывает в двухмесячном отпуске на Багамах, полностью отрезанный от внешнего мира.

Маленькая плотная запись примостилась в уголке места для десятичасовой встречи, слишком крошечная и неразборчивая, чтобы прочитывать ее невооруженным глазом.

— Что за стекла у тебя в очках? — спрашиваю я Гленду.

— Бифокальные.

— Сойдет.

Гленда снимает очки, и я направляю на закорючки маленькую линзу в нижней части стекла. Они становятся больше, оставаясь такими же неряшливыми, но если найти правильный угол зрения и напрячь глазные мускулы, можно разобрать: «забратьсянимки».

— Забрать снимки.

Я поднимаю глаза на Гленду, и она протягивает мне лист с черно-белой распечаткой набора фотографий.

— Может, он это имел в виду.

Фотографии с места убийства Макбрайда.

Истинные фотографии с места преступления. Никаких аккуратных пулевых отверстий с кровью, в умеренных количествах аккуратно разбрызганной по полу, — никакого красивого, чистого, здорового убийства, насколько это возможно при множественных пулевых ранениях.

Нет, все совершенно иначе. Кровь здесь повсюду, словно ацетатным брезентом накрыла она стены, мебель, ковры; под темными разливами я различаю смутные очертания Макбрайда, истерзанного почти до неузнаваемости, бесформенной грудой, без малейшего следа бывшего аристократизма лежащего у дивана в углу комнаты. Я вижу следы от зубов, следы от когтей, следы от ударов хвостом и понимаю, что все рассказанное Джудит Макбрайд и доктором Наделем просто наглая ложь.

Теперь у меня есть доказательство: Раймонд Макбрайд был убит динозавром.

— Все это было подделано, — объясняю я Гленде.

— Ты видел что-то другое?

— У коронера. Он показал мне одну из этих фотографий, но только почти без крови, и раны там были... подчищены, я полагаю. Отретушированы так, что стали походить на многочисленные пулевые ранения, от которых, по словам Джудит, и погиб ее муж. А док утверждал, что в Макбрайда стреляли из оружия пяти различных калибров...

— ...что и объясняет различные размеры ранений, — закончила Гленда.

— Черт возьми.

— Черт возьми.

— Кто-то очень постарался, чтобы изобразить, будто все это дело рук человеческих. И я готов поспорить, что Эрни шел по следу, когда его прикончили.

Официантка приносит мой чай со льдом, и я осушаю его одним глотком. Гленда, беспокойно озираясь, придвигает свой стул поближе ко мне:

— Я могу сжечь их. Ты ведь это понимаешь? Мы просто отойдем в сторонку, выльем на них немножко бензина из зажигалки и подожжем. Если ты остаешься в деле, я тоже остаюсь, но хочу, чтобы ты знал: мы можем отступить и тогда все закончится.

Я не тороплюсь с ответом. Я хочу быть понятым:

— Я видел, как команда из двух динов-головорезов убила Наделя. Они же чуть не убили меня самого. До этого в глухом переулке на меня напало и едва не прикончило некое чудище, но прежде всего погиб мой партнер, погиб в результате несчастного случая, который никак не мог быть случайным. Меня сбивали с толку, обманывали, потешались надо мной, я лишился работы, друзей, всей былой жизни. Меня оболгали и выставили на посмешище. Честно говоря, ты права — пора мне забыть об этом деле. Лучше всего сейчас развести костерок с шашлычками где-нибудь в укромном уголке, а потом улететь мне первым же рейсом на Галапагосские острова, отыскать там подходящее зелье и нажеваться до полной отключки. У меня есть все основания удалиться, и это было бы самым разумным решением в моей жизни. Но, как говаривал Эрни: самый безмозглый сукин сын всегда оказывается в конце пищевой цепочки, когда вокруг все уже рушат метеоры. И на сей раз

этим безмозглым сукиным сыном собираюсь оказаться я.

Пока я вещаю, на лице Гленды появляется улыбка.

— Винсент Рубио, — говорит она, — рада снова видеть тебя.

Недорого стоит развязать рот привратникам, особенно если те недолюбливают обитателей дома. Чет, парень, работающий в вечернюю смену по домашнему адресу Джудит Макбрайд в Верхнем Ист-Сайд, с удовольствием рассказывает мне, где отыскать миссис, сразу после того, как пятерка находит дорогу в его карман.

— Она на благотворительном балу в «Четырех временах года», милосердная наша, — сообщает привратник, пряча за улыбкой неприязнь к Макбрайд. А затем, все с той же раздраженной ухмылкой добавляет: — Да эта сучка ни хрена не поймет в милосердии, хоть ей в глотку его затолкай.

Я покидаю Чета, возвращаюсь в такси и прошу шофера побыстрее отчаливать.

«Четыре времени года» — отель весьма элегантный, если вам по душе такого рода заведения. Лично я — человек «Плазы». Мы с Глендой, одетые слишком скромно и для отеля, и для праздника, бродим по роскошным коридорам в поисках нужного зала. В конце концов мы сдаемся и обращаемся за помощью к консьержу, ни дружелюбием, ни обходительностью не сравнимому с Альфонсом, хоть он и направляет нас в нужное место.

«Маскарад для детей» — возвещает огромное полотнище, гордо реющее над входом. За величественными золочеными двойными дверями в четырнадцать футов высотой я слышу громко и чисто свингующий в бесшабашном трехчетвертном такте оркестр: барабаны, трубы, тромбоны. В коридоре эхом отдается приглушенный голос, напевающий о девяноста девяти женщинах, которых он любил на протяжении своей жизни.

— Приотстань, когда мы войдем, — говорю я. — Я поговорю с Джудит, а ты...

— А я сопру какой-нибудь жратвы.

Я хватаюсь за ручку одной створки, Гленда за ручку другой. Тянем.

И на нас ударной волной обрушивается звук; музыкальный вихрь подхватывает нас и отбрасывает в распахнутый дверной проем. Оркестр, толпа, невероятный шум на мгновение спутывают мои мысли, и я способен только пялиться на все это. Три сотни, четыре сотни, пять, тысяча? Сколько здесь смешалось существ? Сколько бы ни было, немалую их часть составляют дины, ибо когда спадает волна звуков, меня заливают вторая — ароматическая, и, наряду с запахами пота и алкоголя, я различаю ароматы сосен и утра и всевозможных трав. Гленда приходит в себя и бредет по залу в поисках закусок. Я направляюсь в другую сторону, оглядывая кутил и пытаюсь засечь любые знакомые черты, запахи или звуки.

Костюмы здесь поинтересней, чем в «Червоточине» — у этого народа есть бабки на всю эту канитель, — я просто диву даюсь, до чего замысловаты и мастерски сшиты некоторые из одеяний. Женщина, чье дыхание настолько сдобрено ромом, что я чую его за тридцать ярдов, приближается ко мне вихляющей походкой и утонченно рыгает прямо в лицо. Она наряжена чем-то вроде большого письменного стола с двумя ящиками в районе живота и столешницей под самым подбородком, которую она поддерживает руками. Ко дну одного из ящиков приклеена Библия, а к столешнице очки.

— Угадай, кто я! — вопит она мне в самое ухо.

— Я не знаю.

— Что? — взвизгивает женщина.

Я повышаю голос:

— Я сказал, что не знаю!

— Я — роман на одну ночь! Понял? Роман — книга в гостиничной тумбочке! Роман — любовь на одну ночь! Я — роман на одну ночь!

Если ее отпихнуть, она грохнется и поднимет шум, поэтому я просто извиняюсь и в просвет между двумя пончиками ввинчиваюсь в толпу. Окружающие носороги бодают меня в бок, и я кручусь в поисках лазейки. Но тут же попадаю в общество инопланетян с черными глазами, застывшими и угрожающими. Они тянут ко мне длинные тонкие руки со

стаканами джин-тоника. С другой стороны — пререкаются, кувыркаются, валятся на пол Эбот и Костелло;⁹ Никсон, жалко и высокопарно убеждающий Эйба Линкольна в своей честности; свинья-копилка, набитая долларами...

И Карнотавр. Настоящий, истинный, неподдельный Карнотавр собственной персоной. Весь остальной зал меркнет, будто проваливаясь в некую визуальную пропасть, ибо все огни поворачиваются и упираются в дина, болтающего в отдалении с Мэрилин Монро. Моя первая мысль, что в угаре Хэллоуина кто-то забыл натянуть оболочку, подобно тому как дети, облаченные в человеческую кожу, порой забывают об одежде и голыми выбегают на улицу, трясая на ветру человеческим срамом.

Мои ноги сами собой пересекают зал, и, оказавшись в трех футах от дина, я чувствую его запах — запах апельсинов, запах хлора — *ее* запах — запах Джудит Макбрайд. Необлаченной и непринужденно болтающей, как будто так в этом мире и положено. Я вполне способен понять непреодолимое влечение, всепоглощающую *необходимость* освободиться от корсетов, зажимов и ремешков, но не здесь, не сейчас, не перед млекопитающими. Нимало не задумываясь о приличиях и последствиях, я кидаюсь к Джудит и хватаю ее за локоть мускулистой конечности Карнотавра.

— Она сейчас вернется, — объясняю я изумленной Мэрилин, которая, при ближайшем рассмотрении, скорее Марвин, и тещу Джудит в укромный угол, где можно высказать ей все без обиняков. — Что, черт возьми, вы себе позволяете, появляясь в таком виде? Вы что, не в своем уме?

Растерянная Джудит отвечает:

— Кажется, на этот раз, мистер Рубио, придется вас вышвырнуть. — Она поднимает руку — переднюю лапу — в сторону невидимого отсюда охранника, но я на полпути перехватываю ее конечность, сжав пальцы своим кунфуистским захватом.

— Вы не можете... это... это нарушение из нарушений... невероятное... выйти без облачения...

— Сегодня Хэллоуин.

— Плевать на праздник, вы не имеете права рисковать безопасностью только потому, что некоторые млекопитающие строят из себя идиотов.

— Уверяю вас, я ничем не рискую.

— Вы прекрасно понимаете, что я имею в виду...

— Но вы не слушаете меня. Это Хэллоуин. Это — просто — костюм. Костюм динозавра. Не более того.

Разжав пальцы, я отпускаю когтистую лапу.

— Этого не может быть. Рот... он движется, когда вы говорите. Все в точности, как... зубы... язык...

Джудит смеется, и костюм Карнотавра покачивается вверх-вниз:

— Я потратила на этот костюм больше, чем вы, возможно, на все свое жилище, мистер Рубио. Надеюсь, вышло реалистично. А что до его возможностей... ну, вам лучше знать.

— Так вы... нарядились?

— Я вас уверяю... я клянусь вам... что надетое на мне — просто костюм динозавра.

Я понижаю голос, хотя здесь и сейчас никто ничему бы не удивился, даже подслушай он ненароком:

— Так вы, выходит, дин, облачившийся человеком, облачившимся дином.

— Что-то вроде этого, — кивает она и в доказательство осторожно отгибает шкуру на поясе, где теперь я замечаю шов. Действительно, там видна бледная плоть «натурального» цвета человеческой оболочки миссис Макбрайд.

— Хороший костюм, — выдавливаю я из себя.

Однако в результате она смеется, а смех ее куда лучше, чем вопль телохранителям

⁹ Бад Эбот и Луи Костелло — известные комики, снимавшиеся вместе во многих фильмах.

швырнуть меня в чашу с пуншем.

— Потанцуем? — спрашивает она и, не дожидаясь ответа, направляется к танцплощадке.

Исполняют фокстрот, и я стараюсь вспомнить движения танца.

— Почту за честь и надеюсь, вы сможете простить меня. — Болтовня за танцем может оказаться превосходным вступлением к последующим моим вопросам.

Все так и происходит: беседа о погоде, о городе, о безумии этого праздника, мы с Джудит медленно-медленно-быстро-быстро кружим по площадке, и с каждым проходом и поворотом я все больше беру инициативу в свои руки. Она и сама танцует превосходно, чуть напряженно, но на редкость изящно следуя моим движениям. Вскоре я начинаю говорить, не отсчитывая про себя такты, и мы увлекаемся легкомысленной болтовней.

— Вы закончили с вашими изысканиями? — спрашивает она.

— И да, и нет.

— Мне кажется, вы здесь появились потому, что обнаружили нечто совершенно неожиданное. Так вы, сыщики, говорите обычно? Нечто совершенно неожиданное?

— Случается.

— И теперь вы хотите меня о чем-то спросить.

— При первом удобном случае.

— Что ж, мы, похоже, исчерпали темы для светской беседы, так почему бы не перейти к делу. Полагаю, вы уже успели поговорить с этой женщиной, Арчер.

— Да.

— А с остальными из гарема Раймонда?

— Гарема?

— Шокированы? Не стоит.

Я уже выяснил, что Джудит знала о романе мужа с Сарой — это мне открылось сегодня за ужином, — но во сколько же еще интрижек Раймонда она была посвящена?

— Так вам было известно о его увлечениях? — Мы обходим более медленную пару.

— Не сразу, нет. Мне потребовалось какое-то время, чтобы понять, но совсем немного. Раймонд был выдающимся человеком, но по части сердечных дел мой супруг давным-давно пережил гарантийный срок. Начал он вполне сдержанно, — продолжает Джудит, — девица из офиса, я полагаю. И какое-то время это казалось мне довольно милым. Знаете, взял под крыло юное создание и ведет сквозь лабиринт корпоративного бытия.

— А потом? — Всегда есть это «потом».

— А потом он начал ее трахать. — Оркестр играет в нарастающем темпе, и мы, соответственно, движемся все быстрее.

— И что сделали вы?

— Единственное, что могла: жила с этим. В этом нет ничего необычного.

— В чем?

— В неверности. У меня нет ни единой подруги, чей муж не ходил бы налево у нее за спиной. — Так, теперь оказывается, что мне нужно остерегаться целого кружка кройки и шитья. — Но не то чтобы мы выходили от этого из себя. Во всяком случае, публично.

— Наносите ответный удар тогда, когда они не смотрят?

— Наносим ответный удар туда, куда они не смотрят. В высшем обществе лучшая месть всегда — деньги. Так что в качестве возмещения мы покупаем вещи. Меха, драгоценности, особняки... У одной моей подруги муж был такой рецидивист, что ей пришлось приобрести маленькую чартерную авиакомпанию и довести ее до обвала — в ряде случаев совершенно буквально, — только чтобы привлечь его внимание.

— Сработало?

— На год. Затем он принялся за старое, а она занялась пассажирскими поездами.

— Но вы ничего такого не предпринимали, так? В этой компании вы были примерной девочкой.

— Верьте или нет, но все было именно так. Во всяком случае, какое-то время. Я не

падала духом и принимала Раймонда таким, какой он есть. Разумеется, первые его интрижки были... нормальными. Естественными. Он еще не... сменил ориентацию.

— А когда он пустился во все тяжкие?

— Три года назад, может, четыре. Я не помню.

— Сара Арчер была первой?

Отрывистый смешок Джудит звучит вовсе не весело:

— Нет, если вы имеете в виду, что она была его первым межродовым увлечением.

Пять, десять, двадцать девиц еще до нее, и все одинаковые, все длинноногие, косматые, красивые и тупые. Поверите ли, что иные из них звонили домой — ко *мне* домой — и оставляли для него сообщения? Однако если вы спрашиваете, была ли Сара Арчер первой, кто действительно овладел моим мужем, заявил на него права как на свою собственность, таскался за ним как баржа за буксиром, тогда да, можно сказать, что она была первой.

— И вас это стало раздражать.

— Нет, — покачала головой Джудит. — Я начала беспокоиться задолго до этого. Был период, когда он проводил в моей постели не более двух ночей в месяц. И поскольку у нас с Раймондом не было... отношений к тому времени, — с трудом подбирает она слова, — по ночам их заменила пустота. Когда вы спите всю жизнь с кем-нибудь рядом, трудно привыкнуть, что рядом никого. Кажется, именно тогда я и решила, что с меня хватит. Деньги не вопрос — они его не беспокоили. И в спальне я дотянуться до него не могла, в прямом смысле. Так что я отомстила ему единственным способом, который смогла придумать: я завела роман.

— С Донованом Берком, — уточняю я.

Это не выводит Джудит из равновесия, насколько бы мне хотелось, но лиха беда начало. По крайней мере, она чуть сбивается с такта, так что мне приходится развернуться к ней и поворотом под рукой скрыть ее неловкое движение.

— Вы это знаете.

— Подозревал с самого начала. — Сказанное Сарой за ужином только подтвердило мою догадку, но я предпочитаю не посвящать Джудит во все детали. — Измена в наказание за измену. Прямо-таки око за око с вашей стороны.

— Вы осуждаете меня, мистер Рубио?

— Я не сужу о том, чего не понимаю.

Джудит криво улыбается и говорит:

— Все было не так, как выглядит.

— Это всегда не так.

— Понимаете, моя связь с Донованом началась не просто в отместку. Скорее, чтобы избавиться от одиночества. Раймонд стал далек от меня, а ходить по магазинам надоело. Донован оказался тем, в чем я нуждалась.

— В постели?

— В постели, в доме, в парке, в театре, везде и всегда. Дружба больше, чем секс, мистер Рубио.

— И этот вот роман с Донованом Берком... он случился после исчезновения Джейси, так я понимаю?

Гробовое молчание моей партнерши по танцам, эффектная пауза.

— То есть вы вступили в связь с Донованом, когда он еще был обручен с Джейси Холден?

Кроткий ответ, словно мышка пискнула, первое кроткое слово, услышанное мною из уст Джудит Макбрайд:

— Да.

Мне не хочется становиться частью Великого Духовного Единства, если туда когда-нибудь добавится коллективная душа семейства Макбрайд; потребуется немалая часть вечности, чтобы утрясти все их дерьмо. — Вчера в вашем кабинете вы утверждали, что вам нравилась Джейси Холден.

— Да, это так.

— Вы называли ее прелестной девушкой, если мне не изменяет память.

— Верно.

— Так почему вы решили нанести ей удар в спину? — Терпеть не могу бесцеремонность, но мне явно не по нраву все эти прелюбодеяния. Не может, что ли, народ сдерживать страсти? Конечно, два часа назад я и сам был готов сыграть в чародея-любителя, сорвать скатерть из-под нашей греческой еды и в порыве страсти швырнуть Сару на голые доски, но то было два часа назад, а с тех пор я вполне владею собой.

— Джейси тоже не святая была, — говорит Джудит. — У нее имелись свои недостатки.

Если не считать ее склонности к хорошо организованным исчезновениям и плохо организованным похищениям, она кажется мне довольно симпатичной.

— У них появились проблемы, прежде чем вы стали встречаться?

— Нет, насколько я знаю.

— Кто из вас первый начал ухаживать?

— Это было обоюдное влечение.

— Кто из вас начал первый? — настаиваю я, чувствуя себя отцом, желающим выяснить, кто из детей разбил вазу в гостиной.

— Я, — признает наконец Джудит.

— Вы соблазнили его?

— Называйте этот так, если хотите.

— Почему Донован? Почему не кто-нибудь, еще не связанный обязательствами?

Теперь Джудит отводит глаза. Положив морду Карнотавра мне на плечо, она устремляет взгляд куда-то в сторону дирижера.

— Донован и Раймонд... они были так близки.

— Так вот почему вы выбрали его — из-за дружбы с вашим мужем?

— Да. Хочу, чтобы было ясно, у меня не было намерения причинить боль Раймонду. Но узнай он вдруг об этом романе... почему бы немного не пострадать. Я выбрала его доверенное лицо, чтобы он почувствовал себя преданным, как чувствовала себя я сама. То было деловое решение — во всех отношениях.

— Я полагал, что Донован работал в «Пангее» под вашим руководством. И был не особенно связан с вашим мужем.

— Профессионально, да. Донован был менеджером увеселительного заведения, а Раймонд лично этим не занимался. Но какое-то время они были приятелями. Дружками по гольфу. Давно, когда мы только-только перебрались в Нью-Йорк.

— Около пятнадцати лет назад?

— Вот именно.

— А где вы жили до этого?

— В Канзасе. Ах, прошу вас, то была такая тоска. Не хочу говорить об этом.

Ладно. Я тоже не хочу говорить о Канзасе.

— Джейси вас уличила?

— Знаете, — размышляет Джудит, — одно время я думала, что нам удивительно ловко удастся держать ее в неведении.

— Но оказалось, что это не так.

Она качает головой:

— Нет. Ничего нам не удалось. Теперь-то я знаю.

— Вот как? И откуда же?

— Просто знаю. А через две недели она пропала.

— А еще через несколько месяцев...

— Я уволила Донована, — закончила Джудит.

— Очень мило с вашей стороны. Донован, надо полагать, был на седьмом небе от счастья. Ни женщины, ни работы, незачем жить дальше.

— Вы не понимаете. Без Джейси он помрачнел и замкнулся в себе. Забросил клуб,

бумаги в беспорядке. Он... он стал...

— Бесполезен?

Ответа я не получаю. Фокстрот подходит к концу, но оркестр не дает нам передышки. Начинается зажигательное танго, и я тут же встаю по стойке «смирно» — спина прямая, как шомпол, колени чуть согнуты, рука обвивает талию Джудит-Карнотавра.

— Танцуете танго? — спрашиваю я, и она отвечает без слов, идеально прогнувшись в моих руках. На площадку выходит множество пар, и хотя в результате получается изрядная толпа, мы с миссис Макбрайд здесь Джинджер и Фред, кружащиеся и топающие именно там и когда это нужно.

— Вы хорошо двигаетесь, — говорит Джудит.

— Зачем вы сказали, что ваш муж был убит огнестрельным оружием?

— Потому что так оно и было. — Два-три — прогнулись!

— Повторяю вопрос...

Освободив руки, она толкает меня в грудь, будто пытаюсь уйти. Но я крепко держу ее за талию, так что никуда ей не деться. Я заставляю ее продолжить танец.

— Думаете, вы все поняли, — ухмыляется она, — но это вовсе не так. Вы понятия ни о чем не имеете.

— Может, вы сможете мне помочь. Начав, к примеру, с того, зачем вы солгали.

— Я не лгала. Я покажу вам снимки с места преступления, мистер Рубио, так что вы сами увидите пулевые отверстия и убедитесь...

— Я видел снимки с места преступления, — говорю я, и это заставляет ее замолкнуть. — Причем настоящие.

— Я не знаю, что вы имеете в виду.

— Неотретушированные. Оригиналы, — сурово шепчу я прямо в ухо костюма на ее костюме. — Те, на которых ваш муж чуть ли не пополам разодран когтями, со следами зубов по всему телу...

Опустив руки, она прекращает танец. Ее охватывает дрожь:

— Мы можем поговорить об этом в другом месте?

— С превеликим удовольствием.

Я увожу миссис Макбрайд с танцевальной площадки, причем наши старания вознаграждаются заслуженными аплодисментами. В конце концов я нахожу дверь, откуда можно попасть во дворик с фонтаном, парой деревьев и скамейкой. За второй, звуконепроницаемой дверью остаются звуки танго. С тяжелым вздохом Джудит садится на скамейку и стягивает верхнюю часть костюма Карнотавра, являя осенней прохладе голову и туловище. Теперь передо мной человек с толстыми зелеными ногами и хвостом, похожий на пьяного дина, который не с того конца принялся натягивать оболочку.

— У вас остались те сигареты? — спрашивает Джудит. Я кидаю всю пачку, и она прикуривает. Дым вьется у ее головы; она глубоко затягивается.

— Зачем вы подделали фотографии? Зачем заставили лгать Наделя?

— Я не подделывала. Я попросила кое-кого.

— Кого?

Она бормочет имя.

— Кого? — стою я у нее над душой. — Я не слышу.

— Валлардо. Я попросила обо всем позаботиться доктора Валлардо.

Теперь все встает на свои места — вот кто переводил деньги на счет Наделя. Не могу поверить, что все сошлось так быстро.

— Теперь я могу вас арестовать. Не официально. Однако я могу выслушать ваше признание и убедиться, что копы обойдутся с вами, как подобает.

Она снова встает и начинает мерить шагами дворик.

— Признание? В чем же это мне признаваться?

— Убийство мужа — это все-таки преступление, миссис Макбрайд.

— Я не делала этого! — Я чуть не обжегся, так горячо ее возмущение.

— Прекрасно, так у вас... и алиби имеется?

— Тоже мне сыщик, вы бы в полиции поинтересовались. Я была первой, к кому они пришли. И разумеется, у меня есть алиби. В тот вечер я вела благотворительное мероприятие на глазах у двух сотен приглашенных. Большинство из них сегодня здесь — хотите, приведу кого-нибудь, чтобы вы и их могли обвинить в убийстве?

Снова неразбериха. Все идет совсем не так, как предполагалось.

— Но зачем вам понадобилось покрывать все это?...

Джудит вздыхает и тяжело опускается на скамейку.

— Деньги. Вечно одно и то же.

— Пожалуйста, поконкретнее.

— Я вернулась с благотворительного вечера и обнаружила его. На полу, мертвого, все как я вам рассказывала. И я увидела раны, укусы, рубцы. И поняла, что если об этом станет известно, Совет обратит на нас самое пристальное внимание.

Кажется, начинаю понимать:

— Убийство дином другого дина...

— ...всегда влечет за собой обязательное расследование Советом. А им только дай предлог, всю кровь высосут, вы же знаете, как действуют эти штрафные санкции. Я не знаю, кто убил моего мужа, мистер Рубио, но не исключено, что они вместе занимались... недозволенными делишками. Делишками, за которые пришлось бы отвечать всем его состоянием. И вот, чтобы избежать какого-либо официального расследования Советом...

— ...вы сговорились с Валлардо и Наделем, чтобы фотографии и результаты вскрытия указывали на то, что в смерти повинен человек. Нет дина-убийцы, нет расследования, нет штрафов.

— Теперь вы все знаете. Что, неужели так ужасно желание сохранить свои средства?

Я качаю головой:

— А как быть с Эрни? Почему здесь вы солгали?

— Кто это?

— Мой партнер. Тот, кто приходил к вам...

Она отмахивается, случайно задев меня при этом:

— Снова это. На этот раз я действительно не понимаю, о чем вы говорите. Вы обнаружили еще какие-нибудь основания для обвинений? — Джудит протягивает руки, будто бы для наручников, но я злобно отталкиваю их, прежде всего потому, что она права. У меня нет никаких доказательств того, что она замешана в смерти Эрни, и недостаток информации просто бесит меня.

— Надель мертв, — рявкаю я.

— Это мне известно.

— Откуда?

— Эмиль... доктор Валлардо узнал об этом сегодня вечером и тут же позвонил мне. Насколько я поняла, Надель обнаружили в виде чернокожей женщины в Центральном парке. Вот бедолага.

— Я был там. Его убили — заказное убийство.

— Вы и в этом меня обвиняете?

— Я никого не обвиняю...

— Очень жаль, что вам кажется, будто я ответственна за все убийства на Манхэттене, но уверяю вас, что не менее вашего переживаю из-за всего этого. Если вы выглянете за дверь, то увидите двух моих телохранителей, готовых ворваться сюда по первому зову. — Я бросаю взгляд на закрытую дверь, однако решаю поверить ей на слово. — Я готова к неожиданностям, мистер Рубио. А вы?

И в тот же момент с театральным эффектом распахиваются двери, и я вижу Гленду, зажатую между двумя здоровенными телохранителями, которые вчера утром приветствовали меня в офисе Джудит. Гленда извивается, пинается, визжит: «...отстаньте, суки... пасть порву...», одним словом, старается нанести как можно больше ущерба и голосом, и ногами.

— Ваша знакомая? — интересуется Джудит, и я скромно киваю. — Отпустите ее, — бросает она телохранителям, и те грубо швыряют Гленду во дворик. Я пытаюсь не пустить ее вслед за обидчиками в танцевальный зал, но не так-то просто удержать сто пятьдесят фунтов расшвырявшегося Хадрозавра. Наконец она успокаивается, и я отпускаю ее.

— Притащила тебе пару сосисок, — говорит Гленда и вываливает мне в руки гору закусок. — Не пора ли нам сваливать? Кажется, буфетчик мной недоволен.

— Думаю, мы почти закончили. — Я поворачиваюсь к Джудит: — Если только вы не хотите еще что-нибудь мне сообщить.

— Нет, если только вы не хотите еще в чем-нибудь меня обвинить.

— Пока нет. Благодарю вас. Но на вашем месте я бы не уезжал из города.

Кажется, это ее забавляет.

— Я не привыкла подчиняться приказам.

— А я и не предлагаю.

Я запихиваю в рот сосиску и принимаюсь жевать, обжигая нёбо. Я собирался выдать напоследок еще несколько залпов в сторону миссис Макбрайд, но если сейчас заговорю, то могу угодить в нее сосиской, а от этого никому лучше не станет.

Крепко взяв Гленду за руку, я вывожу ее из садика, через танцевальный зал, мимо толпы подвыпивших гуляк к ближайшей станции метро. В обмен на жетоны я отдаю кассиру последний трояк из бумажника, и мы направляемся к поезду, следующему в южном направлении.

Гленда вернулась в свою квартиру, а я в львиное логово. Я стою у дверей президентских апартаментов с магнитной картой-ключом в руках, готовый вставить ее в замок. Там, внутри, Сара, может спит, а может, не спит, и все запасы силы воли, которые я ухитрился наскрести в метро, вполне могут улетучиться через какую-нибудь незаделанную щель. Со всех сторон меня окружает народ, желающий моей смерти, в кармане пусто, никаких перспектив на горизонте, но именно в ближайшие пять минут выяснится, спасен я или погиб. Я сую карту в щель.

Войдя в номер, я сразу замечаю, что храпа не слышно, а в спальне горит свет. Сара уже не спит. Я тут же сам с собой договариваюсь: если Сара читает, смотрит телевизор или просто там околачивается, я заказываю ей кофе, выклянчиваю у портье несколько баксов, отправляю ее домой на такси, и никакой ерунды. А вот если я войду в спальню и обнаружу ее гибкое податливое тело под одеялами — на одеялах — среди одеял — нагое и ждущее моего возвращения, тогда я захлопну ставни перед остатками добропорядочности и отдамся во власть первичных инстинктов, продолжающих руководить моим телом, когда я головой вперед кидаюсь в сладостную пропасть греха.

На подушке записка. И никакой Сары.

Записка гласит: *«Дорогой Винсент, прости, что заставила тебя сожалеть. Пожалуйста, вспоминай меня с нежностью. Сара».*

Прижав записку к груди, я падаю на кровать и считаю плитки на потолке. Этой ночью мне не заснуть.

14

Как и ожидалось, царства грез я так и не достиг. Ночь я провел в ванне, плескаясь без оболочки то в ледяной, то в обжигающе-горячей воде. Каждые полчаса я ковылял в спальню, натягивал облачение на случай проникновения со взломом горничной и предпринимал очередную безуспешную попытку погрузиться в сон. Ленивый бездельник этот песочный человечек. Я его ненавижу.

В восемь часов утра звонит телефон. Это Салли из лос-анджелесского «ТруТел», и она сообщает, что со мной хочет поговорить Тейтельбаум.

— Давай его сюда, — разрешаю я Салли, и он сразу же тут как тут. Похоже, он был там

с самого начала.

— Ты уволен! — первое, что вопит он мне в ухо, и мною овладевает нехорошее предчувствие, что оно же окажется и последним.

— Я... о чем, черт возьми, вы говорите?

— Разве не обсудили мы все насчет Ватсона? Не было у нас такой чертовой дискуссии?

— Какие дискуссии?... Вы сказали не крутиться вокруг гибели Эрни, вот и все...

— А ты именно этим и занимаешься! — У меня стакан в руке дрожит от его крика, и поверхность воды начинает рябить. — Ты меня кинул, Рубио, а теперь я тебя выкину.

— Успокойтесь, — демонстративно понижаю я голос. — Я задал несколько вопросов исключительно в перспективах дела Макбрайда...

— Я не один из твоих подозреваемых, Рубио. Тебе меня не одурачить. Мне все известно о твоей маленькой подружке из «Джей амп; Ти»... Мы знаем все, что она сделала.

Гленда? Вот дерьмо — он знает о файлах.

— И мы знаем, что втянул ее ты. Это промышленный шпионаж, это кража со взломом, это переходит всякие границы. И еще это то, что с меня хватит. — Я слышу, как Тейтельбаум топает по комнате, как валятся со стола безделушки, и хотя удивительно, что он вообще оторвал задницу от стула, слышно, как нелегко ему это далось: от натуги он задыхается и пыхтит. — Ты уволен, я закрываю твою кредитную карту, с тобой покончено. Всё.

— Так... что же теперь? — надуваю я губы. — Вы хотите, чтобы я вернулся в Лос-Анджелес?

— Мне наплевать, что ты будешь делать, Рубио, я аннулировал твой обратный билет, так что оставайся в Нью-Йорке, если тебе угодно, у них там в туннелях метро отличное общество бездомных бродяг. Я, разумеется, обзвонил все фирмы в городе, так что единственная работа, которую ты сможешь здесь получить в качестве детектива, — это разыскивать, куда запропастился твой последний чек на социальное пособие.

— Я тут кое-что раскопал, мистер Тейтельбаум, — пускаюсь я в объяснения. — На сей раз это не дерьмо собачье, это по-настоящему важно, и я не собираюсь бросать все, потому что...

Но он вешает трубку. Я перезваниваю и небрежно прошу Салли соединить меня с шефом.

После короткой паузы я снова слышу голос Салли:

— Он не подходит к телефону, — объясняет она. — Извини, Винсент. Может быть, я могу тебе чем-то помочь?

Я раздумываю, не использовать ли Салли в качестве провокатора, попросив у нее потихоньку влезть в компьютер, восстановить мою кредитную карту и прислать новый билет до Лос-Анджелеса, но я уже подвел Гленду и добавлять очередное существо в мой список пострадавших друзей не хочу.

— Ничем, — отвечаю я. — Я в полной заднице, вот и все.

— Все уладится, — утешает меня секретарша.

— Конечно. Конечно, уладится. — Без кредитной карты и с пустым карманом меня, возможно, хватит еще на день. В комнате заметно мрачнеет.

— Переслать вам сообщения?

— Какие сообщения?

— Тут их целая кипа, разве мистер Тейтельбаум вам не сказал?

— Не совсем. Черт, какая разница. Что-нибудь важное?

— Не знаю. Все они от какого-то полицейского сержанта, Дана Паттерсона. Просто просит ему перезвонить. Говорит, это срочно, их тут четыре или пять.

Я тут же прекращаю разговор с Салли и соединяюсь с лос-анджелесским полицейским департаментом. Короткое «Винсент Рубио. Дана Паттерсона, пожалуйста», и вскоре на другом конце провода уже он сам:

— Дан Паттерсон.

— Дан, это я. Что случилось?

— Ты дома? — интересуется он.

— Я в Нью-Йорке.

Пауза, несколько напряженная.

— Ты не... не начал опять...

— Да. Вовсю. Не спрашивай.

— Ладно, — тут же соглашается он. Вот это друг. — Мы кое-что нашли в заднем помещении того ночного клуба.

— «Эволюции»?

— Да. Помнишь, я говорил тебе, что там возятся ребята из управления. И что одна коробка уцелела. Ну вот, они там такого странного дерьма накопили, что я подумал, тебе захочется знать, и речь вовсе не о нелегальной порнухе.

— Я так понимаю, что это не телефонный разговор. — В моей жизни начинает вырисовываться некий узор, и становится утомительно следовать его изгибам по всему глобусу.

— Тут надо показывать, и, поверь мне, ты не поймешь ничего, пока своими глазами не увидишь всю эту чертовщину. Мне пришлось всю эту хрень отправить в Совет, и у них вот-вот начнется экстренное заседание по этому поводу, но кое-какие бумаги я для тебя скопировал.

— Что ты скажешь на то, что я больше не занимаюсь делом «Эволюция-клуба»?

— Ничего — фотокопии все равно в твоём распоряжении.

— А если я скажу тебе, что у меня нет денег на билет в Лос-Анджелес, что я официально внесен в черный список всех сыскных контор города, что мне плевать на Тейтельбаума и все его дела, что меня тут вот-вот прикончат и что мне понадобится прорва денег, чтобы вернуться в Нью-Йорк после нашего свидания?

Ему нужно время, чтобы все это переварить, но не так много, как я ожидал.

— Тогда я пройдусь пошлю тебе денег через «Вестерн Юнион».

— Это так важно?

— Это так важно, — отвечает он, и через два часа я стою в очереди в аэропорту с верным саквояжем в руках.

Время и место: Лос-Анджелес, пять часов спустя. Билет первого класса мне получить не удалось. Сотрудник за стойкой предложил мне обратиться к сотруднику за столом, сотрудник за столом предложил переговорить с экипажем, экипаж отправил меня обратно через весь терминал к сотруднику за стойкой, и к тому времени, когда я наконец понял, что да, они были бы счастливы предоставить мне место первого класса, мест уже не осталось, потому что последнее было продано час назад. А потому весь полет я провел зажатый между угрюмым компьютерным дизайнером, чей лэптоп и сопутствующие аксессуары загромождали как его, так и мой откидной столик, и шестилетним мальчишкой, чьим родителям, дерьму собачьему, посчастливилось занять места первого класса. Каждые два часа его мамаша подходила к нашему неприкасаемому экономичному классу и просила мальчишку не беспокоить приятного мужчину — меня — по соседству, а Тимми (или Томми, или Джимми, не помню) торжественно клялся всеми персонажами комиксов, что свято придерживается правил. Хотя не успевала мать скрыться за разделяющей классы занавеской, он опять принимался колотить по всевозможным поверхностям, не исключая и части моего тела. Это был, без сомнения, будущий Бадди Рич,¹⁰ но несмотря на весь его талант, я был готов, рискуя жизнью, здоровьем и утратой джазового гения, лично выкинуть его в ближайший аварийный люк.

Когда мне все-таки удавалось вздремнуть, я видел Сару.

¹⁰ Бадди Рич (1917–1987) — знаменитый барабанщик.

В Лос-Анджелесе даже в аэропорту не сразу поймаете такси, но в конце концов я все-таки отыскал одно, желающее доставить меня в Пасадену. Деньги, посланные мне Даном, тают на глазах; только билет на самолет без предварительного заказа обошелся мне более чем в две тысячи долларов. Я принимаю решение вернуть ему долг, как только снова встану на ноги, когда бы это ни произошло. Ну, а пока я по уши в дерьме и стремительно опускаюсь.

По сто десятой автостраде мы мигом доезжаем до парковой дороги Аройо Виста, а отсюда рукой подать до пригородного дома Дана, где он собирался провести выходные. Вскоре мы тормозим перед бело-голубым домом с пологой крышей, чуть не врезавшись в «форд-пикап», стоящий на подъездной дорожке. Я расплачиваюсь и вылезает.

На крыльце Данова жилища лежит сегодняшняя «Лос-Анджелес тайме», распахнутые страницы шелестят на дующем с юга теплом ветру. Я осторожно перешагиваю через утренние заголовки, особо стараясь не наступить на воскресный комикс, и стучу в дверь. Эта дверь очень нуждается в покраске, поскольку лак давно слез под воздействием вездесущих химикатов, загрязняющих воздух, однако под ним крепкий дуб, мужественно отражающий мои удары.

Я жду. Вероятно, Дан оттягивается в гостиной, лежит в своей дешевой имитации кресла «Ленивец» перед виртуальной капельницей из чипсов «Читос» и супа «Чанки» и шуруется, пытаясь разглядеть происходящее на двадцатидюймовом экране, потому что этот упрямый осел категорически отказывается от контактных линз. «Достаточно того, что я каждый день гримируюсь, — сказал он мне как-то. — Не хватало еще возиться с контактными линзами». Об очках при нем лучше не заикаться.

Проходит минута, и никакого отклика. Я пробую снова, на этот раз чуть посильнее.

— Данни! — кричу я, приставив губы так близко к двери, что чуть ли не целую ее. — Abre la puerta! — Дан поймет смысл моих слов — он может сказать «откройте дверь!» на шестнадцати языках и четырех азиатских диалектах. Таковы издержки работы полицейского детектива в Лос-Анджелесе.

По-прежнему ничего. Я замечаю, что Дан все-таки приделал дверной молоток, который я в порядке издевательства подарил ему на прошлое Рождество — огромная дорогушая безвкусная горгулья, уместная разве что где-нибудь в Ирландии, — итак, я хватаю латунное чудовище за нос и бью его лапами по металлической пластине. Вот теперь это ТУК-ТУК-ТУК, тяжелые удары чуть с крыльца меня не сбрасывают. Латунь вибрирует в руке, словно электрический звонок, и я поспешно отпускаю горгулью, а то еще оживет от этой тряски.

Минута. Две. Тишина. Я прислушиваюсь, прижав к двери фальшивое ухо. Вроде бы, музыка — монотонный ритм повторяется снова и снова. Может, конечно, он спит так крепко, что не слышит грохота горгульи, но скорее всего он в садике и слушает музыку, доносящуюся из гостиной. Я обхожу дом. Заросли ежевики и густые кустарники пытаются остановить меня, длинными колючими ветками хватаясь за облачение. Старательно уклоняясь от самых противных колючек, я пробираюсь через кусты и наконец оказываюсь у высокого деревянного забора, огораживающего маленький садик Дана. Доски подогнаны вплотную, однако сучок в древесине может послужить отличным глазком, и я, как опытный извращенец, принимаюсь подглядывать.

Орегано, базилик, шалфей и прочие специи тянутся к солнцу, набираясь сил. Не один вечер провели мы здесь, пробуя дары этого ухоженного клочка земли. Слева я вижу цветы, справа что-то похожее на морковную грядку, но никакой сержант лос-анджелесской полиции на глаза мне не попадает. Я стучу кулаком по забору и, надрывая глотку, зову Дана.

Если бы я не видел машины у входа, если бы он не знал, что я прилечу именно этим рейсом именно в это время, я мог бы подумать, что Дан решил развеяться и уехал куда-нибудь на выходные.

Принюхиваюсь к легкому ветерку...

Мешанина ароматов щекочет мне ноздри, но я в состоянии различить каждый оттенок по всей округе: от трав и цветов до автомобиля на улице и химикатов ближайшей «срочной

фотографии», грязных пеленок новорожденного в четырех домах отсюда, резкого уксусного запаха донельзя ожесточенной вдовы-Стегозаврихи, что живет в соседнем доме и каждый раз, как примет слишком много «по чуть-чуть», начинает подваливать к Дану.

Но никакого Дана. Меня охватывает тревога. Время для взлома и проникновения.

Вернувшись к парадной двери, я понимаю, что без боевого топора нечего и думать о проникновении сквозь эту дубовую преграду; моего веса явно недостаточно, чтобы сокрушить ее, а кроме того, если работа чему-нибудь научила Дана, так это обезопасить жилище множеством замков. Значит, обратно в сад.

Шагнув с крыльца, я чуть не падаю, так как глаза выхватывают на земле маленькое темное пятно, и тело инстинктивно подается назад, дабы удержать картинку. Это кровь. Три-четыре капли, не более, но явно кровь. Высохшая, но совсем недавно. Я мог бы вытащить свой пакет с реактивами и провести экспресс-анализ на предмет принадлежности этой субстанции дину, но, боюсь, я уже и так знаю ответ. Переключив передачу, я несусь к забору.

Выброс адреналина преодолевает усталость, и я висну на деревянных планках со всей сноровкой и грацией, на которые способны дряблые мускулы: давно позади те дни, когда я лазал через заборы. Подтянувшись, я пытаюсь перевалиться на другую сторону, но цепляюсь левой ногой за какой-то выступ и валюсь вниз головой прямо в Данов базилик. Запах всепоглощающий, и я стараюсь побыстрее подняться и отойти подобра-поздорову, потому что челюсти начинают работать сами по себе, но вместо базилика перемалывают теперь воздух.

Задняя дверь тоже закрыта — наглухо заперта изнутри. Я стучу. Я колочу. Я изо всех сил трясу дверь, но изнутри не доносится ничего, кроме вибрирующих гитар и неистовствующих ударных «Криденс Клиуотер Ривайвл»; истерзанный голос Джона Фогерти вызывает к его Сьюзи Кью Фогерти. Недавно я узнал, что он Орнитомим, равно как и Джо Кокер с Томом Вэйтсом, так сами понимаете, откуда берутся столь характерные особенности его голоса. Пол Саймон, с другой стороны, истинный Велосираптор, и я вряд ли слышал более улетную песню, чем «Ярмарка в Скарборо», хотя ни розмарин, ни тимьян лично меня никогда особо не привлекали.¹¹

— Дан! — кричу я срывающимся голосом в регистре, возносящемся в стратосферу. — Открой эту чертову дверь!

Джон Фогерти отвечает: «...скажи, что будешь верна...».

Остается единственная возможность: влезть в окно. Несмотря на прогрессирующую паранойю, я все еще склоняю себя к оптимизму: Дан порезался, готовя себе обед, бинта не нашлось, побежал в аптеку за перевязочным пакетом, может, пришлось ехать в больницу накладывать швы, отсюда и кровь на пороге. А вот еще лучше: возвращался из бакалейной лавки, уронил коробку с бараньими отбивными, разбрызгав немного крови, а в эту самую минуту жарит шашлык у приятеля. Если как следует притвориться, можно даже почувствовать запах древесного угля...

Благодаря моему швейцарскому армейскому ножичку оконная сетка отскакивает в один миг, и теперь передо мной только стекло, преграда твердая, но тонкая и хрупкая. Обычно я выше столь незамысловатых технологий проникновения, но время не терпит, так что я просто бью локтем. Насчет сигнализации я спокоен — в октябре я сторожил этот дом, так что код мне известен: 092474, и, если мне не изменяет память, у меня есть целых сорок пять секунд, чтобы отключить сирену.

Но сигнализация выключена. Нет никаких сигнальных «пип-пип-пип», всегда доводящих меня до бешенства. Как бы я хотел услышать их сейчас.

Я открываю окно и проскальзываю внутрь, стараясь не напороться на осколки.

¹¹ В каждом куплете песни Саймона и Гарфункеля «Ярмарка в Скарборо» (Scarborough Fair) повторяется строка: «петрушка, шалфей, розмарин и тимьян».

«Криденс» теперь вовсю рокошет из кабинета, как и положено «Криденс»; старый добрый Джон все еще чахнет по своей девчонке.

— Кто-нибудь есть дома? — перекрикиваю я грохот. — Дан? Дан, ты здесь?

Дан никогда не был опрятнейшим из Бронтозавров, и поэтому меня не удивляют шмотки, на постапокалиптический манер разбросанные по комнате. Корсет тут, пряжка там, нижнее белье на оттоманке.

Хотя на крыльце я ничего не учуял, здесь явно присутствует Данов запах: оливковое масло с моторной смазкой, — доносящийся отовсюду, словно ускользающие воспоминания. Похоже, это от раскиданной одежды. Перегородка между гостиной и кухней раздвинута, и взгляд мой блуждает от кухонного стола к обеденному мимо сваленного в раковине Эвереста грязной посуды. Дана там нет.

Спальня у него наверху, и вроде бы надо идти именно туда. Однако «Криденс» манит меня в маленький кабинет на первом этаже; Фогерти оставил в покое Сьюзи и теперь сосредоточил усилия на «ду-ду-ду», выглядывая со своего заднего крыльца.¹² Кровавые пятна на ковре, вытянувшиеся длинным неровным овалом, уходят под дверь, в кабинет...

Я открываю дверь и вхожу.

Опрокинутые стереодинамики вопят, обрушивая на меня ураган музыки, словно пытаются вытолкнуть отсюда. Картины изодраны в клочья, рамы переломаны, стекла вдребезги. Телевизор лежит в пяти футах от подставки, книжный шкаф расколот. Портьеры сорваны, лампочки разбиты, декоративные светильники треснули, их фосфоресцирующее содержимое, постепенно угасая, медленно-медленно вытекает на ковер.

И Дан, развалившийся в своем любимом кресле у подноса с остатками сэндвича и перевернутой суповой миской, в наполовину содранном облачении, со спутанными волосами, колотые раны бороздят его тело, кровь давно просочилась сквозь одежду и пунцовыми пятнами засохла на шершавой коже. Улыбающийся. Устремивший взор в потолок, к небу...

— Дан, Дан, Дан... давай же... не надо... Дан...

Я шепчу. Я бормочу. Я говорю, сам не понимая, что говорю, в то время как руки мои ощупывают тело Дана в поисках каких-либо признаков жизни. Я прижимаю нос к его шкуре, я хочу уловить запах, хоть какой-нибудь запах! Пошуровав застежками на загравке, отщелкнув кнопки, кое-как сдернув маску, чтобы усилить обоняние, я пробую снова, сопя, фыркая, отыскивая его ароматические железы и втягивая воздух как можно глубже...

Пустота. Никакого запаха.

Сержант Дан Паттерсон мертв.

Я закрываю ему глаза, начав с внутренних век, но приводить в порядок все тело не стану. Я и так уже сделал достаточно, чтобы вызвать неудовольствие полиции, которая рано или поздно все равно появится здесь. Лучше оставить его тело... лучше все оставить как было.

Дан не сдался без боя — погром в кабинете достаточно красноречив, — но я не знаю, гордость ли за его мужество или скорбь от утраты, или оба чувства вместе сплелись в моей груди в тугой узел, с чудовищной силой сдавивший горло.

— Вот и вся рыбалка, а? — вопрошаю я осевшее тело Дана. — Ты, сукин сын, вот и вся рыбалка.

Раны словно ножевые, в основном колотые, кое-где резаные. Я не вижу никаких явных следов нападения дина, подобных тем, что были на фотографии Раймонда: рваные раны от когтей, параллельные царапины, конусообразные впадины от укусов или глубокие отметины от усеянного шипами хвоста.

Судя по дисплею лазерного проигрывателя, он снова и снова крутит один и тот же диск почти четыре часа, что позволяет мне установить время смерти, если только убийца не

¹² Рефрен песни «Looking out My Back Door» группы «Creedence Clearwater Revival».

запустил «Криденс» уже потом, верша какой-нибудь кровавый ритуал в стиле 60-х годов.

Я обращаю внимание на то, что Дан успел освободить мощный коричневый хвост от ремешков серии «Г», однако он остался зажат корсетом, так что вряд ли смог чем-то помочь своему хозяину. Все признаки — раны на ладонях Дана, следы крови, равномерно забрызгавшей комнату, отсутствие следов взлома, оставленных мной самим, обычный для Дана порядок во всех комнатах, кроме этой, — говорят о неожиданном нападении и о том, что Дан знал нападавшего или думал, что знает, пригласил его в кабинет, возможно, предложил перекусить и послушать пару старых песен. И лишь затем — бросок, точный удар, Дан падает, пытается защититься, сорвать оболочку, выпустить когти и хвост, но все это слишком медленно и слишком поздно. И все было кончено, быстро и без шума.

Новый запах щекочет мне ноздри. На мгновение кажется, будто Дан разыграл передо мной Лазаря, сейчас оживет внезапно и потребует пиццу, но хотя я тут же понимаю, что это не его запах, есть в нем что-то знакомое. Нос указывает дорогу, тело послушно идет за ним, я исследую пол под креслом Дана, вожу пальцами по ковру, так что обойные гвозди колот полиэфирную кожу подушечек.

Под моей ладонью нечто вроде клочка двуслойной марли. Я вытаскиваю его. Это пакетик, очень похожий на мешочки с химикалиями для расщепления покойников нашего рода. Только он не источает ужасающего запаха разложения, который даже со временем не улетучивается полностью, отчего пустые мешочки приходится сжигать и закапывать на каких-то богом забытых свалках, чтобы уничтожить чудовищное зловоние.

Хлор, вот что это. Пакетик пуст, но нет сомнения, что когда-то его наполнял именно этот элемент. В мои пазухи, сражаясь с сильнейшим противником, пытаются проникнуть и другие запахи, но тщетно; тот, первый, захватил власть и делиться ею не собирается. Я кладу пакетик на то самое место, где его обнаружил. Вдруг полиции удастся отыскать в нем больше смысла, чем мне.

Отсюда, снизу, хаос и разорение, царящие в комнате, кажутся еще более очевидными: расщепленное дерево и разодранные обои над моей головой, вещи, смятые, словно пустые жестянки из-под пива. Ничто в этой комнате не избежало разрушения, и мне остается лишь надеяться, что глаза Дана потускнели и ослепли прежде, чем он увидел, во что превратились его фотографии, картины и кубки, выигранные в шары.

Утешение долго и трудно искало дорогу, но наконец пришло ко мне: Дан Паттерсон умер в своем любимом кресле. Он умер в пылу битвы. Он умер за обильной трапезой. Он умер у себя дома, окруженный любимыми картинами. И он умер, слушая «Криденс Клиутер Ривайвл», Орнитомима Джона Фогерти, то есть в потусторонний мир его провожал родной голос своего брата динозавра. Всем бы нам подобной удачи.

Я бы хотел продолжить свои изыскания и прочесать ковер в поисках ниток. Я бы хотел взять на кухне пакет с мукой и посыпать стены на предмет отпечатков пальцев. Я бы хотел соскрести пятна крови на парадном крыльце и сделать анализ ДНК. Мне нужны улики, хоть какие-то улики, но нет времени. Нет времени.

А вот что необходимо, так это найти некую чрезвычайно важную информацию, из-за которой я, собственно, и прилетел в Лос-Анджелес, но дотошный осмотр дома не обнаруживает ничего интересного, кроме ящика стола, полного порножурналами типа «Стегоротиков» и «Дерзких Дипло-дамочек», все, в общем-то, достаточно мягкие издания. Не знал, что Дан увлекался чем-то, не слишком подобающим Бронтозавру, однако я буду последним дином на земле, кто пустится сейчас в морализаторство.

Я так и не могу отыскать фотокопий, о которых говорил мне Дан, и при этом совершенно не сомневаюсь в их исключительной важности и в деле «Эволюция-клуба», и во всем остальном, произошедшем за последние несколько дней. Впрочем, он упоминал еще об оригиналах, и хотя мне совсем не доставляет удовольствия мысль о том, что предстоит совершить, чтобы раздобыть их, выбор у меня небольшой.

Я возвращаюсь в гостиную, чтобы позвонить по чрезвычайной линии в особое отделение 911, укомплектованное исключительно нашим братом именно для подобных

ситуаций. Это не совсем то же, что линия «скорой помощи» или линия чистильщиков, но служит той же цели: добраться в нужное время до компетентных динов.

— Что у вас произошло? — спрашивает безразличный оператор.

— Тут полицейскому нехорошо. Совсем нехорошо. — Я даю адрес Дана, отказываюсь сообщить оператору мое имя и быстро вешаю трубку.

Возвращаюсь в кабинет попрощаться с другом. Я говорю коротко, сжато и забываю произнесенное, как только слова срываются с губ. Так лучше. Если я задержусь здесь, то дождусь копов, и они потащат меня в управление, и засунут в камеру с раздувшимся, обьевшимся Т-Рексом, который станет меня допрашивать, пока из ушей кровь не польется. У меня нет на это времени. Мне предстоит вломиться на экстренное заседание Совета.

15

Нынешним представителем Бронтозавров в Совете является Харольд Джонсон, и, судя по официальному справочнику Совета, который они забыли у меня изъять, когда давали пинка под зад, все экстренные заседания этой осенью проходят в его вместительном, обшитом дубом подвале. Я содрогаюсь при мысли об очередном совещании с этими напыщенными паяцами, но иначе не видать мне тех бумаг. Это если мне вообще удастся туда попасть. У меня есть план, и он должен сработать, если только Харольд остался все той же мерзкой скотиной, что и девять месяцев назад.

Машин на улице мало, и я с изрядной скоростью несусь по Четыреста пятой. В Лос-Анджелесе вообще всего две скорости: великое стояние в час пик и третья космическая. Из-за постоянных пробок на наших магистралях от семи до десяти утра и от трех до семи вечера, при всяком удобном случае нам приходится воспроизводить эксперименты Чака Йигера¹³ по преодолению сверхзвукового барьера. Пятьдесят пять миль в час — просто несерьезно, шестьдесят — ерунда, шестьдесят пять — фактически минимум, при семидесяти начинаешь себя уважать и, наконец, семьдесят пять — нормальная средняя скорость. Сейчас у меня около девятиста. Всю свою жизнь на колесах я выжимаю на этих магистралях больше восьмидесяти пяти миль в час — по крайней мере, когда на это способна моя колымага — и ни разу не нарвался на штраф.

До сегодняшнего дня. Эти вспышки в зеркале заднего обзора вовсе не рождественские огоньки, и сирена тоже не воздушный налет предвещает. Я тут же торможу и съезжаю на обочину.

Что делать в подобной ситуации? Я не имею ни малейшего желания лезть в бардачок за регистрацией — торопливо копаться и хвататься за что попало, неизбежно действуя на нервы полицейскому, а общаться с нервным человеком с пушкой в руке мне совсем не улыбается. Открывать дверь, возможно, тоже категорически запрещено, так что я поднимаю руки над головой и растопыриваю пальцы. Наверное, я похож на лося.

В боковое зеркало я наблюдаю за полицейским, представительным джентльменом между сорока и пятьюдесятью — словно прямо с кинопроб, — осторожно приближающимся к моему транспортному средству. Он стучит дубинкой в окно, я поспешно кручу ручку и тут же возвращаю руку в исходное положение над головой.

— Вы можете опустить руки, — растягивает слова полицейский. Я подчиняюсь приказу. На губах у него повисла слюна, серебристая нить, сверкающая на солнце.

— Превышение скорости? — Нет смысла отрицать очевидное.

— Да.

— Вы выпишите мне штраф?

— Да.

¹³ Чак Йигер (Chuck Yeager) — американский летчик-испытатель, в 1947 году первым преодолевший звуковой барьер.

Конечно, следовало бы поспорить. Попытаться отстоять свое право на лихачество. В последний момент я соображаю, что это даже не моя машина, — я позволил себе украсть «форд эксплорер» Дана, потому что ему он все равно больше не понадобится, а собственных колес у меня теперь нет, — так что и без того хлопот не оберешься, объясняя, почему я сижу за рулем автомобиля, принадлежащего недавно убитому сержанту полиции.

Все было бы проще, окажись этот коп дином — отсутствие запаха говорит мне, что он самый что ни на есть человеческий человек, — тогда я смог бы рассказать ему о срочном-пресрочном заседании Совета, на чем бы дело и кончилось.

Но пока он как-то странно поглядывает на меня и голову набок склонил, сразу напомнив мне Суареса и того водителя буксировочного грузовика, что лишил меня машины.

— Вы же Раптор, а? Нечасто ваших на службе встретишь.

Инстинкт дает мне пинка, прежде чем я успеваю задаться вопросом, откуда этот человек узнал о нашем существовании, — слюна заливают мне рот, пока я готовлюсь перегрызть ему глотку. Юного дина чуть ли не с пеленок учат, что любая утечка должна быть заделана, причем незамедлительно. Со всяким представителем рода человеческого, как-то прознавшим о нашем сообществе, следует поступить соответствующим образом, что означает смертный приговор — безотлагательный и обжалованию не подлежащий.

Я бросаю взгляд на автостраду: машины идут сплошным потоком, и здесь, на обочине, никакого прикрытия. Даже если удастся его прикончить, меня тут же заметят. Необходимо отыскать надежное место, безопасное укрытие, где я смогу сделать дело и...

— Раптор мне жизнь спас во Вьетнаме, — гордо заявляет коп. — Лучшего сукина сына я не встречал. — Он протягивает руку через окно: — Дон Таттл, Трицератоп. Рад познакомиться. — Ошеломленный, я пожимаю руку.

— Вы... вы дин? — Слюнные железы объявляют перекур, и во рту становится сухо.

— Ну так, — кивает коп и, заметив мое удивление, бьет себя ладонью по лбу: — Эх, приятель, а ты подумал... запах, точно? — Я киваю. — Вечно одно и то же. Знаю, надо сразу предупреждать, но...

Офицер Таттл поворачивается ко мне задом, приседает до уровня окна и убирает прядь волос, украшающих его облачение. Отработанным движением отстегнув замаскированные кнопки, он сдвигает кожу с плеча и демонстрирует мне зеленую шкуру на затылке. Я вижу глубокий шрам, ожерельем протянувшийся от уха до уха и заканчивающийся с обеих сторон зазубренными треугольниками.

— Пуля, — говорит он. — Единственный раз меня подстрелили. Но думаю, тогда-то все и случилось. Вошла с одной стороны, а с другой вышла.

— Ой-ой-ой.

— Да я и не почувствовал. Выдрала из меня целый комок нервов. — Он прикрывает оболочкой свою истинную шкуру и молниеносно приводит в порядок застёжки. — А заодно полностью исковеркала ароматические железы. В госпитале решили, что лучше удалить их, чем попусту тратить время, пытаюсь сделать, как было. Какое-то время я пользовался этими ароматическими подушечками на батарейках. Работают на манер комнатных ароматизаторов со свечками, знаешь такие? У моей жены они повсюду. Доктора их заказывали для меня у одного Диплодока-аптекаря — ему, сказали, приходится периодически этим заниматься, — но моя жена считает, что они воняют старой мелочью. Не знаю, откуда она взяла эту старую мелочь, но что она имеет в виду понял отлично. Они просто пахнут... неправильно, понимаешь? Лучше уж вовсе без них, пусть будет все как есть.

— Мне очень жаль, — говорю я, не зная толком, как выразить свое сочувствие по поводу утраты способности вырабатывать феромоны. Вряд ли существует стандартная форма.

— Ничего страшного, — небрежно машет он рукой. — Единственное, следует остерегаться динов, думающих, что я тот, кем я не являюсь.

— Конечно, конечно... — И теперь, когда мы на более короткой ноге... — Офицер... Дон... Офицер Дон, насчет моей скорости, я очень сожалею, что...

— Забудь об этом, — говорит он и в ключья рвет квитанцию. Новоиспеченные конфетти падают на землю, однако я сомневаюсь, чтобы он в обозримом будущем оштрафовал себя за нарушение чистоты.

— Спасибо. — Я пожимаю и благодарно покачиваю его руку. — Я так торопился на заседание Совета, что...

— Как-как, на заседание Совета?

— В Долине. Я опаздываю.

— Намного?

— Примерно на день плюс минус пара минут.

— Ну, дела! — вопит он. — Так мы тебе эскорт выделим!

Действительно, через пятнадцать минут я подъезжаю к нелепому загородному дому Харольда Джонсона в Бёрбанке в сопровождении трех патрульных машин и двух мотоциклетных расчетов. Незабываемое ощущение — брать улицы штурмом под рев сирен и блеск мигалок, и я начинаю понимать, к каким неприятным последствиям способен привести столь мощный выброс адреналина. Я готов крушить головы направо и налево, хотя вокруг не видно ни одного настоящего преступника.

Я благодарю полицейских, динов всех до единого, и прощаюсь, лавируя по булыжной дорожке, ведущей к парадному подъезду Джонсона. Должно быть, под ковриком у двери спрятана сигнальная плата, поскольку задолго до того, как моя рука дотягивается до звонка, напротив возникает испуганная миссис Джонсон; все ее пять футов четыре дюйма роста при двухстах пятидесяти фунтах веса хлюпают под оболочкой, созданной никак не более чем для восьмидесятой части этих габаритов. Ей необходимо новое облачение, причем как можно скорее — еще одно пирожное, и нынешняя личина лопнет по всем швам. Руки у нее дрожат в смятении, тревожные взгляды перепрыгивают с улицы на двор и в прихожую.

— Уходите, — жалобно просит она. — Харольду это совсем не понравится.

— Ему и не должно нравиться. Просто скажите, что я здесь.

Она оглядывается на дверь, ведущую в подвал. Даже отсюда я различаю беспрестанный гул, оживляемый криками.

— Пожалуйста, — хнычет она. — Он так на меня сердится.

Я кладу руку на плечо миссис Джонсон и чувствую, как плоть под хрупкой оболочкой молит выпустить ее на свободу.

— У него нет никаких оснований сердиться на вас...

— А он сердится. Все равно сердится. Вы знаете его характер...

— О, это я знаю. Но мне нужно, чтобы вы спустились и привели его сюда.

Новый взгляд в сторону двери, как будто она боится самой деревяшки.

— Почему бы вам самому не спуститься? Уверена, что все они очень обрадуются.

— Если я спущусь туда без доклада, они набросятся на меня, прежде чем вы успеете произнести слово «травматология», и в результате останетесь с мертвым Раптором на руках. Вы этого хотите, миссис Джонсон?

Она нерешительно поворачивается и медленно, словно приговоренный к электрическому стулу, плетется ко входу в подzemелье. Миссис Джонсон скрывается в подвале. Я жду в дверях.

Грохот, визг, рык, от которого стынет кровь в жилах. Словно долины Серенгети¹⁴ перенесли в подвал к Джонсону. В то время как я разглядываю прихожую, пропитываясь жлобским духом этого жилища, деревянная дверь распаивается, шмякается об стенку, раскалывается пополам, вылетает из петель и падает на линолеум.

— Харольд, я знаю, что ты думаешь... — начинаю я, не успев даже разглядеть в дверном проеме его массивную фигуру, — ...но ты должен дать мне шанс — Он без

¹⁴ Национальный парк в Танзании, место обитания многочисленных видов животных.

облачения, хвост наизготовку, массивное тело трясется от ярости и омерзения. Ни одно из когда-либо слышанных мною человеческих слов не вылетает из пасти этого Бронтозавра, пока он готовится наброситься на меня, вжав голову в мощные плечи и плотно прижав к бокам передние лапы. Кажется, сейчас у него пар из ноздрей повалит. За его широкой спиной я вижу миссис Джонсон, вылезшую из подвала и улепетывающую на кухню, словно таракан, застигнутый светом.

— Подожди... подожди... я имею полное право здесь находиться, — заявляю я.

— У тебя — нет — никакого — права.

— Я член Совета.

— Ты — был — вычищен. — Мне не нравится его манера нажимать на каждое слово — он никогда не отличался блестящими способностями вести диалог, но угроза в голосе вполне ощутима.

— Да-да, я был вычищен, я видел бумаги, все мы это знаем. Вы вышвырнули меня из Совета, отлично.

— Так убирайся — пока я тебе — хвост в глотку — не запихнул.

Вот тут я извлекаю припрятанного туза:

— Но я не подписывал бумаги.

— И что из этого следует? — спрашивает он, на этот раз без пауз.

— Посмотри правила. Пока я не подпишу бумаги в присутствии хотя бы одного члена Совета, решение не имеет законной силы.

— Хрен тебе законная сила. Джингрича мы выкинули три года назад — ты был при этом, — а он ничего не подписывал.

— Значит, формально он все еще член. Никто больше не вспоминает об этом правиле, но оно существует с незапамятных времен. Давай проверь, я подожду.

Чем и занимаюсь, пока Харольд, ярый поборник соблюдения всех правил, отступает в подвал, чтобы изучить некий загадочный пункт, который, надеюсь, я не из собственной задницы выудил. Через десять минут я слышу на лестнице тяжелые шаги. Тяжелые, медленные — побежденные.

— Пойдем, — бормочет он, едва показавшись над лестницей.

Судя по свисту и гулу неодобрения, четырнадцать южнокалийфорнийских представителей сохранившихся видов динозавров приветствуют меня далеко не с распростертыми объятиями. Все они гордо прохаживаются по подвалу, полностью лишенные оболочек. Распущенные хвосты шелестят по полу, сталкиваясь друг с другом, и я с удовольствием отмечаю отсутствие на стенах пятен крови — пока. Харольд поступил разумно, накрыв большими кусками полиэтилена диваны, стулья и низкие столики, дабы защитить свою мебель от пятен, если разыграются страсти. А на собраниях Совета они, рано или поздно, всегда разыгрываются.

Здесь Парсонс, Стегозавр, счетовод маленькой фирмы в деловом центре, и Зелигман, депутат от Аллозавров, преуспевающий голливудский адвокат. Оберст, Игуанодон, зубной врач, косится на меня злобным взглядом, а Курцбан, Т-Рекс, какой-то там профессор по эволюционной психологии в Лос-Анджелесском отделении Калифорнийского университета, предпочитает вовсе игнорировать мое присутствие. Но не все здесь ходят на работу: миссис Ниссенберг, чье имя я никогда не мог запомнить, из Колеофизисов, — домохозяйка и превосходная портниха, а Рафаэль Колон, Хадрозавр, — неисправимый бездельник, считающий себя артистом, потому что играл крошечные роли в сериале «Полиция Майами», когда им требовались замызганные жулики. И разумеется, без Компи Совет будет неполным, так что не обошлось без Хандельмана, представителя Прокомпсогнатов, который делает общую картину еще более удручающей.

— Зачем ты здесь? — пищит он. — Хе, мы же тебя вышвырнули!

— Это и вправду неразумно, — бормочет Зелигман.

Новый представитель Рапторов — Глассер, если верить табличке, болтающейся на его чешуйчатой груди, довольно рослый парень с красивой коричневой шкурой — неторопливо

подходит и протягивает лапу.

— Спасибо, что так здесь напортачили, приятель, — говорит он с легким австралийским акцентом. — Без обид, а?

— Не беспокойтесь, — отвечаю я.

Однако все остальные очень даже беспокоятся, вереща о том, как я злоупотребил их финансами, их доверием и авторитетом Совета в личных целях, и я не могу с ними не согласиться:

— Вы правы. Вы все на сто процентов правы.

Но никто из них и слушать ничего не желает, пока в дискуссию всем своим весом и властью не вступает Харольд. Он так сильно машет хвостом, что тот хлещет по щеке миссис Ниссенберг. Она визжит от боли, но никого, похоже, это не волнует.

— Существуют правила, дамы и господа. *Правила*. Мы живем по ним, и хотя отдельные индивидуумы предпочитают их игнорировать — выразительный взгляд в мою сторону, — для всех нас вместе это невозможно. Если правила гласят, что этот Раптор может присутствовать, значит, этот Раптор может присутствовать.

Опять споры, горячие дискуссии, и я поднимаю руки, прося тишины. Ничего не выходит, и я вынужден всех перекрикивать:

— Подождите! Подождите! Я не собираюсь присутствовать.

Это утихомиривает их в достаточной мере, чтобы я мог предъявить свой ультиматум:

— Я предлагаю вам сделку. Вы обладаете некоей информацией, и я бы хотел здесь находиться в момент ее оглашения. — Настороженный взгляд со стороны Харольда — он знает, о чем я толкую.

— Когда вы собираетесь перейти к этому... материалу?

— Этот пункт у нас на повестке дня... где-нибудь завтра.

И это у них называется *экстренным* заседанием.

— Значит, так: займитесь им сейчас — прямо сейчас, — дайте мне возможность при этом присутствовать, а затем я подписываю бумаги, и больше вы меня не увидите.

— Никогда? — вопрошают все как один.

— Исчезну, как страшный сон.

Возбужденное бормотание:

— Мы можем посвятить минуту обсуждению этого вопроса?

— Тридцать секунд, — отвечаю я. — Я немного тороплюсь.

В течение тридцати секунд эта компания не в состоянии решить, стоит ли им дышать, не говоря уж о том, чтобы рассмотреть мое предложение, однако после недолгих жестикуляций и призывов к порядку мой ультиматум принят. Харольд подходит к основанию лестницы и кричит своей верной супруге.

— Мария! — и, не дождавшись ответа, снова: — МАРИЯ!!!

— Да, Харольд, — доносится испуганный отклик.

— Пришли сюда доктора Соломона. — Харольд поворачивается, обращаясь ко всем присутствующим: — Вчера утром я получил информацию, которая, как мне кажется, способна заинтересовать Совет. Там поднимается несколько новых вопросов на старую тему, однако столь беспорядочно, что я не вполне уверен, стоит ли на нее полагаться. Пока я и сам не вникал в тонкости, но вскоре мы сообщим во всем разберемся.

— О чем идет речь? — кудахчет Хандельман, но мы все предлагаем ему заткнуться.

— Прежде чем я поделюсь с вами этой информацией, позвольте сказать, что несмотря на возможные последствия услышанного, все должны соблюдать спокойствие, и тогда мы, возможно, сумеем в надлежащие сроки найти приемлемый выход из положения.

Ха! Меня давно здесь не будет, еще прежде чем они решат, в каком порядке постараются прикончить друг друга.

Харольд Джонсон, переваливаясь с лапы на лапу, словно гигантский селезень, направляется в сторону Оберста и Зелигмана. Оба дина вздрагивают и становятся спина к спине, как бы защищая территорию. Окинув Аллозавра с Игуанодоном взглядом,

преисполненным отвращения, Джонсон, обойдя их, устремляется к картотеке, расположенной под тухлявым письменным столом. Я хоть и не вижу, чем он там занимается, но слышу, как щелкают многочисленные замки, открывая ему доступ к потаенным сокровищам.

Тяжелым шагом Харольд возвращается на середину комнаты, держа под мышкой толстую пачку бумаг, перетянутую разноцветными резинками. Края страниц опалены, некоторые совсем обуглились. Черные хлопья, кружась, падают на пол.

— Здесь только один процент исходного материала, — сообщает Джонсон, поднимая кипу, чтобы всем было видно. — Остальные девяносто девять процентов утеряны для нас безвозвратно. Сгорели при пожаре в ночном клубе на прошлой неделе. Владелец клуба скончался от ожогов.

— Он умер? — выпаливаю я, не в силах удержаться.

— Сегодня утром, — отвечает Джонсон. — Мне сообщили несколько часов назад.

Я испытываю странное ощущение потери; не будучи знаком с Берком лично, за несколько дней я проникся сочувствием к этому Раптору. Я узнал о его симпатиях и антипатиях, о его привязанностях, как высоконравственных, так и не слишком. Остается надеяться, что у Джейси Холден будет на кого опереться, когда до нее дойдет известие о его смерти.

— Однако эти бумаги, — и Джонсон, шурша ломкими на краях страницами, демонстративно размахивает пачкой, словно сенатор Маккарти своим черным списком, — они, в конечном итоге, важнее жизни отдельного динозавра. Они были обнаружены на дне картонного ящика, запрятанного в кладовой ночного клуба. Судя по всему, они принадлежали доктору Эмилю Валлардо, дину-генетику из Нью-Йорка. Здесь содержится информация, касающаяся его... экспериментов по скрещиванию.

Эврика! Я готов закричать. Вот почему Джудит Макбрайд категорически отрицала финансирование ночного клуба Донована — это были деньги доктора Валлардо! И все же, содержать ночной клуб на другом конце страны только для того, чтобы спрятать некие бумаги... не слишком ли это сложный способ сохранить в тайне эксперимент, уже хорошо известный Советам?

— А это, — продолжает Джонсон, выставляя на всеобщее обозрение маленький стеклянный сосуд, — было обнаружено в потайном сейфе, укрытом под половицами.

— Что это? — задирает голову миссис Ниссенберг.

— Это один из его экспериментов. Это смешанный эмбрион, — до предела понижает голос Джонсон.

Хаос.

— Мы должны исключить его из корпорации! — вопит Оберет.

— Врачей не исключают из корпорации, только адвокатов, — отзывается Зелигман.

— Мы могли бы отозвать его лицензию...

— Дети, как насчет детей?

Откинувшись на стуле, я отключаюсь от окружающего шума — разглагольствований против Валлардо и его кощунственных экспериментов, криков типа «что с нами будет», «мы все превратимся в беспородных дворняжек», воя, визга, охов и ахов по поводу уничтожения нашего рода. И несмотря на врожденное отвращение к нытью по какому бы то ни было поводу, я не могу сказать, что их осуждаю. Члены Совета, как и все прочие динозавры, встревожены. Они опасаются угрозы нашему единству, конфликта науки и природы, отсутствия четких представлений о том, что правильно, а что нет в мире, где мы вынуждены скрываться, где нравы вывернуты наизнанку, а точки зрения меняются изо дня в день.

Больше всего они боятся потерять индивидуальность. Хотя беспокоиться по этому поводу совершенно бессмысленно: мы давным-давно ее потеряли.

Новые звуки со стороны лестницы. Притоп. Два прихлопа. Пауза. Притоп. Два прихлопа. Трехногая лошадь? Убийцы, нехотя волочащие труп по ступеньками? Притоп. Два прихлопа.

К стуку вскоре присоединяется голос, брюзгливый и настойчивый:

— Ну? Вы таки мне поможете или вы таки мне не поможете?

Харольд несется к лестнице — Бронты могут и так, когда им очень нужно, — и минуту спустя возвращается с каким-то старцем в одной лапе и инвалидным ходунком в другой.

— Отпустите меня, — ворчит старец. — Я могу идти, я могу идти. По лестнице — нет. По полу — да.

— Это доктор Otto Соломон, — объявляет Джонсон. — Когда-то давным-давно доктор Соломон был компаньоном Валлардо, и, мне кажется, он способен несколько прояснить ситуацию.

Доктор — Хадрозавр, если мне правильно подсказывает запах, — облачен в человеческий костюм и выглядит на редкость забавным коротышкой. Акцент, как у эсэсовского штурмфюрера, пять футов роста, лицо шарпея, волосы, из последних сил цепляющиеся за череп, но явно проигрывающие битву. Удивительная имитация человеческого вырождения, и я могу только восхищаться такому выбору костюма, а также надеяться, что, если доживу до его лет, у меня хватит мужества столь же тщательно изобразить свою дряхлость.

— Куда это вы усталились? — спрашивает он, и я фыркаю, искреннее сочувствуя тому, кого он поймал с поличным. — Я говорю, куда это вы усталились, Раптор?

— Я? — Вот те раз.

— Вдоволь насмотрелись?

— Да.

— Да, что?

— Да... доктор.

— Так-то лучше. — Доктор Соломон выхватывает у Джонсона свой ходунок и устремляется в центр нашего кружка — топ, хлоп-хлоп, топ, хлоп-хлоп, — выказывая при этом совершенно невероятную для дина его возраста и немощи скорость.

— Прежде чем изложить мое видение ситуации, — чеканит он, с тевтонским усердием выговаривая каждое слово, — возможно, кто-то из вас хочет сказать нечто важное? Нечто, не терпящее отлагательства?

Ни одна лапа не поднимается.

— Хорошо, — продолжает Соломон. — В таком случае, будьте любезны не забывать держать варежку закрытой, пока я говорю. Никаких вопросов и домыслов, пока не закончу.

Мы снова принимаем его требования. Доктор Соломон вытягивается в струнку, обводит взглядом комнату, заглядывая в глаза каждому из нас. Он начинает с краткого обзора мироздания, первичного питательного бульона и одноклеточных организмов, ни на что более не способных, кроме как бултыхаться, мутировать и делиться. Мы добираемся до ранних форм многоклеточной жизни, и доктор заводит бормотание про ДНК, генетические коды и белковые нити.

Где-то через тридцать минут, в течение которых миссис Ниссенберг то и дело тыкает меня вязальной спицей, чтобы я не заснул, я высоко поднимаю руку и спрашиваю:

— Нельзя ли попроще?

Доктор глазом на меня не ведет и продолжает свою речь:

— ... следовательно, с рибосомами, использующими доступный материал...

Но я полон решимости освободиться к обеду.

— Простите меня, доктор Соломон, но какое отношение все это имеет к бумагам Валлардо?

Доктор, пылая взором, переключается на меня:

— Вам подавай все просто! Вот ваше поколение, вы хотите все сразу, на тарелочке. Вы не желаете думать над ответом — вы хотите, чтобы другие делали за вас всю работу. Так? На это вы рассчитываете?

— Короче не скажешь, док. — Я оглядываю комнату, и присутствующие, похоже, разделяют мои чувства. — А теперь ближе к делу, пожалуйста.

Соломон вздыхает, качая головой от жалости к нам, невежественным массам:

— Бумаги доктора Валлардо, наряду с некогда замороженным эмбрионом в этой пробирке, указывают на межродовое скрещивание, — просто говорит он.

— Нам это известно! — кричит Джонсон. — Мы знали это уже полгода назад!

— Шесть месяцев! — взвизгивает Хандельман, желая испытать голосовые связки. — Шесть месяцев!

Остальные тоже вступают в перепалку, кляня Соломона за то, что он угробил полчаса нашего времени на научную болтовню, но доктор трижды хлопает в ладоши — шлеп-шлеп-шлеп, — и в подвале снова воцаряется тишина.

— Если вы прекратите тявкать, — говорит он, прокладывая льдом каждое слово, — то, возможно, окажетесь способны не просто слушать, но и услышать меня. Услышать. Доктор Валлардо долгое время занимался межвидовым скрещиванием. Но я говорил вам вовсе не о том.

Хандельман опять за свое:

— Шесть месяцев!

— А я говорил, — продолжает Соломон, — что все эти свидетельства, если я правильно их понял, указывают на то, что он начал эксперименты по межродовому скрещиванию.

— Межродовому? — повторяет Колон, сомневаясь в определении термина.

— Как например? — подает голос Оберст.

— Как... как собака и кошка? — вылезает Колон.

— Или мышка и петушок? — подхватывает миссис Ниссенберг.

— Осел и рыба! — визжит Курцбан.

Но я уже все понимаю, всю картину в целом, полный набор, всю шатию-братию и все мотивы в придачу. Ладно, не все, но во всяком случае большую часть. Я делаю шаг вперед:

— Как насчет скрещивания динозавра и человека? — спрашиваю я, несколько не сомневаясь в ответе. — Не над этим ли работал доктор Валлардо?

Соломон небрежно хмыкает в мою сторону.

— Видите, — говорит он, — кто-то из вас все-таки способен услышать.

16

Я улизнул сразу, как полетели перья, однако при отступлении умудрился схлопотать несколько случайных отметин от мелькающих когтей и хвостов. Хаос воцарился в тот момент, когда Соломон разложил все по полочкам, объяснив всем и каждому, что Валлардо пытался получить межродовое потомство, и тут же по всему подвалу вспыхнули разрозненные стычки, миниатюрные битвы, дающие выход ярости и замешательству. Доктор Соломон, явно не ожидавший столь острой, хотя и органически присущей Совету реакции, заработал ужасную рану на голове, прежде чем успел собраться с силами, чтобы рвануть к лестнице; у Джонсона, поглощенного борьбой без правил с Курцбаном, на этот раз и в мыслях не было помочь престарелому доктору.

В общем, как только кровь, пот и желчь брызнули на стены подвала, я подхватил миссис Ниссенберг и утащил ее в дальний угол.

— Вы должны засвидетельствовать, как я подписываю все это, — сказал я ей и вытащил копии бумаг об очищении Совета от моего присутствия. Все это время я уклонялся от хвостов и отражал когти, пытаясь сохранить относительную целостность и невредимость.

После серии коротких движений: подписал — завершила, все кончено — я официально и навсегда вышвырнут из Совета. Миссис Ниссенберг пожелала мне удачи, и я, еще несколько раз бросив вызов смерти, добрался до лестницы.

Теперь, торопясь домой, ваш покорный слуга совершает не менее восьми грубых нарушений правил дорожного движения, в том числе проезд на красный свет, горящий уже добрых десять секунд. Кто-то там наверху испытывает ко мне симпатию или, по крайней мере, достаточно забавляется моими проделками, чтобы позволить мне пережить этот день.

Но как можно обвинять меня в нарушении нескольких ерундовых правил, когда голова битком набита совершенно иными проблемами? Мне нужно доехать до дому, собрать в кучу все ценное, что смогу отыскать, как можно дороже заложить эту кучу у Педро, парня, который держит на Вермонт-авеню лавку «Деньги за дерьмо», и оплатить очередной перелет в Нью-Йорк. Мне нужно встретиться с Валлардо, мне нужно встретиться с Джудит, мне нужно вновь отыскать Сару, хотя бы для того, чтобы пригласить ее на ужин, подавить в зародыше любые фантазии, касающиеся столь абсурдных отношений, и положить конец всему так нечаянно и неразумно начавшемуся.

Соломоновы комментарии к бумагам Валлардо подтверждают: Макбрайд окончательно спятил, но у сумасшедшего обезьянолюбца достаточно денег и таких же ненормальных приятелей, чтобы осуществить свои безумные мечты.

Но самое удивительное (самое отвратительное) то, что его любовь к человекообразному — его любовь к Саре — была велика настолько, чтобы ощутить необходимость стать отцом ее детей. Я уверен, узнай Сара, в какое скотоложство ее втянули, она оскорбилась бы до смерти, причем в свете этих новых сведений «до смерти» следует понимать буквально.

К дверям моей квартирki на первом этаже прикреплено извещение о лишении должника права выкупа заложенного имущества, я злобно сдираю его, рву в клочья и швыряю на землю. Замки тоже сменили, но бесполезная в других отношениях кредитная карта тут же отпирает мое — *мое*, черт возьми, — жилище.

Электричество отключено — я знал, что когда-нибудь это случится, — чем объясняется мерзкий запах протухших объедков, доносящийся из холодильника. Я брожу по квартире, натываясь в темноте на все подряд. Единственный плюс от отсутствия электричества заключается в том, что мне больше не подмигивает глазок автоответчика.

Микроволновая печь, миксер — ого, телевизор тоже на месте. Электроприборов, раскиданных по квартире, должно хватить на дешевый билет до Нью-Йорка; я соглашусь даже сидеть на крыле.

Но сегодня мне не успеть. Солнце уже клонится к закату, и даже если я как-нибудь ухитрюсь дотащить весь этот хлам до машины, все равно не успею к Педро до закрытия.

Мне совершенно необходимо вздремнуть. Последний раз я спал достаточно долго, чтобы достичь стадии сновидений... дайте припомнить... две ночи назад в «Плазе». Посчитав на пальцах — расплывающихся и разбегающихся, — получаю, что за последние часов сорок мне лишь пару раз удавалось чуток подремать; удивительно, что я вообще продолжаю функционировать. Они еще не унесли мою кровать, так что я решаю опустить шторы, лечь и смежить на пару минут очи.

Звонят в дверь. Не знаю, сколько времени прошло, но солнце закатилось, и горят уличные фонари. Обычно радостные электронные куранты, которые я смонтировал в качестве дверного звонка на прошлое Рождество, сейчас терзают нервы, раздражают барабанные перепонки, а колокол на батарееке все не унимается. Я выглядываю из окна на небольшую стоянку перед домом, но там нет никаких машин, кроме принадлежащих людям и динам, живущим поблизости. Чуть в стороне я различаю капот, который вполне может оказаться «линкольном», припаркованным прямо за нашим мусорным контейнером, но я могу и ошибаться. В спешке натягивая обмякшую оболочку, я направляюсь к двери и смотрю в глазок, готовый тут же сбросить перчатки и выпустить когти, если возникнет такая необходимость. Мой хвост подергивается в невольном предвкушении опасности, пульс растет, как у бегуна на старте.

Это Сара. Белая шелковая блузка, короткая черная юбка, ноги, ноги, ноги.

Я думаю лишь о том, что ни о чем не думаю. Случалось мне в свое время хватать за шкуру негодяев, которые буквально деревенели, когда тащишь их в участок, и я всегда удивлялся, почему все они выглядят, точно олень, застигнутый светом фар. Теперь я знаю — мозги отключаются где и когда им захочется. Они не придерживаются графика.

Сара, догадываясь, что я наблюдаю, улыбается двери и дверному глазку, и пучеглазая линза искажает ее черты: растягивает губы в рыбью пасть, превращает зубы в огромные белые монолиты, суживает глаза. Просто ужас. Я распахиваю дверь.

Не произнося ни слова, мы обнимаемся, мои руки обвивают ее, прижимая все ближе. Если б я мог объять ее целиком, я бы так и сделал. Если б я мог сделать ее частью своего тела, впитать ее, смешаться с нею, я бы не задумался. Она крепко держит меня за талию, цепляется, будто спасаясь от порывистого ветра, голова ее прижата к моей груди, волосы растрепаны и сбились к моему носу; ее искусственный аромат кажется мне прекрасным, несмотря на его синтетические компоненты.

Мы целуемся. Мы делали это прежде и будем делать опять, и я тут ничего не могу поделать. Это очень долгий поцелуй, взрывающий мне голову яркими вспышками. Мои руки блуждают по всему ее телу, обводят ее изгибы, ее изысканные формы, и больше всего на свете я бы хотел содрать с себя оболочку, чтобы осязать Сару настоящей кожей, познавать ее своею истинной сутью.

Я хочу спросить, как она сюда попала, когда она приехала, где остановилась, но понимаю, что еще будет время для этого. Потом. Позже. По-прежнему не произнося ни слова, Сара берет меня за руку, сжимает ее, и я понимаю вопрос, заключенный в этом движении. Ответное пожатие, и я веду свою человеческую любовницу в спальню.

Я целиком подвластен своему телу, глаза и рассудок аплодируют с галерки. Сара раздевает меня — меня наружного, — медленно расстегивает рубашку, небрежно кидает ее на пол. Ладони трутся о мою грудь, и эти теплые, настойчивые прикосновения проникают глубоко внутрь, достигая подлинной кожи. Я крепко сжимаю ее груди, впервые ощущая человека, и она тихонько постанывает в ответ. Что бы я ни делал, все будет правильно. Склонив голову, Сара лижет волосы у меня на груди, проводит языком по соскам, опускается к животу. В человеческом понимании мой фальшивый торс довольно неплох — не то чтобы годился на обложку какого-нибудь из женских журналов, но, по словам тех, кто в этом разбирается, у меня вполне сносная грудь и просто исключительный пресс. Все же под щекочущим каждый дюйм моего тела взглядом Сары я жалею, что не раскошелился на дополнительные грудные мышцы.

Обольстительно улыбаясь, Сара вновь припадает к моим губам. Она явно не имеет ни малейших возражений против моего нынешнего тела и теперь уделяет внимание нижней его половине: движения ее рук, набирая скорость, становятся неистовыми, когда она с шумом выдергивает ремень. Очередь за молнией, кнопкой, и брюки летят в образовавшуюся на полу кучу. Стараясь ничего не помять и не сломать, я неуклюже расправляюсь с пуговицами, бретельками и крючками. Женская одежда требует куда более деликатного обращения, нежели наши грубые шмотки, так что я изо всех сил сдерживаю желание просто сорвать в порыве страсти всю ткань с ее тела.

Я понятия не имею, как и когда мы оказались в постели, но открыв глаза после самого глубокого и сладкого поцелуя, который доводилось вкушать этим губам, обнаруживаю себя обнимающим Сару на моем сине-зеленом лоскутном одеяле. При этом я гол, как в тот день, когда напаялил свое первое облачение.

Сара тоже обнажена. И выглядит так, что дух захватывает. Причем буквально — несколько мгновений полюбовавшись ее податливым телом, извивающимся в предвкушении того, что будет, я вынужден отвесить себе оплеуху, дабы восстановить приток кислорода. И снова Сара прижимает ладони к моим щекам, царапает мою внешнюю кожу, но о! как нежно, и мы перекатываемся со спины на спину, словно единое целое, в то время как я готовлюсь предать свой род самым прекрасным способом, какой можно себе представить.

Отношение женщин-динов к сексу — и большинства мужчин, как мне кажется, — чрезвычайно рационально и практично. Сам акт воспринимается чуть ли не как обязанность, причем не по отношению к партнеру или к своей женственности, а к биологическому роду в целом. Мы будто бы неспособны переступить через примитивные животные инстинкты, несмотря на добрую сотню миллионов лет эволюции. Когда приходит время размножаться,

значит, пора размножаться, и горе тому, кто попытается остановить самку-дина на ее пути.

Но теперь я знаю, есть иной мир, и куда более глубокий, чем представляют его всякие тантрические пособия. Как же я все это время без него обходился?

Разумеется, до сих пор у меня не было опыта вне собственного рода, так что я понятия не имел, что в этом уравнивании чего-то не хватает. Но теперь, когда мое тело движется в такт с телом Сары, а фальшивая кожа почти не помеха для предельно обострившихся чувств, я постигаю, насколько богаче это действо, расцвеченное элементом сладострастия, о котором я раньше совершенно не имел представления. С динами — плоть вращается и скрежещет, шкура грубо трется о шкуру. С людьми — с Сарой — плоть вздымается, волнуется, уплотняется и размягчается одновременно. Когда я погружаюсь в ее тепло, моему налившемуся кровью члену тесно в искусственной оболочке, тесно в лоне моей любовницы, движущейся вместе со мной, так что наши усилия сливаются в одну гигантскую волну движения и жара. С динами это пронзительные вопли, визг, вой в капище похоти. С Сарой это нежные вздохи, синкопирующие сердцебиения, чувственные стоны и шепот в ночи.

Я не ощущаю за собой ни малейшей вины.

Когда все кончено, когда мы иссякли, когда наши руки надают, более не выдерживая столь тесных и крепких объятий, я из последних сил устраиваю хрупкое тело Сары у себя на груди. Это не жест мачо, просто мое всегдашнее чувство неловкости покидает дом, словно выброшенный в ночь нашкодивший кот.

Все еще не произнося ни слова, мы глядим друг на друга расширенными в полумраке спальни зрачками; зеленые глаза Сары великолепно сочетаются с рыжими волосами, струящимися по щеке. Я не могу удержать руки от блужданий по неисследованным тайникам ее тела. Я ласкаю ее грудь, теребя соски подушечками пальцев. До этой ночи я никогда не касался человеческой груди, и теперь узнаю, что она необычно тверда и чувственна.

Мы снова любим друг друга. Я не знаю, откуда взялись силы, но если отыщу этот источник, то впору брать патент на вечный двигатель.

Кто-то из нас должен первым нарушить молчание. Я не исключаю того, что она вполне может молча одеться, поцеловать меня и уйти, так и не произнеся ни единого слова; это было бы романтично, пожалуй, даже сногшибательно романтично, но такой болтун, как я, этого просто не допустит. И хотя я весь съезживаюсь, когда частный детектив, снимающий угол в моей черепушке, делает шаг вперед и требует слова у домовладельца, несколько вопросов у меня и в самом деле имеется.

— Как долетела? — начинаю я.

Обнаженная Сара раскинулась на кровати. Она смеется, и от этого радостного смеха во мне растет желание вскочить и начать все сначала, несмотря на странное покалывание, исходящее от хвоста и нижних конечностей. Я надеюсь, что эти без конца повторяющиеся вторжения не повредили корсет; при первой возможности надо сбегать в ванную и проверить механизм. Сломанный корсет может нарушить кровообращение и привести к потере чувствительности пораженных участков.

— Как долетела? — переспрашивает Сара, откидывая волосы с лица. — Ты это хотел узнать?

— Когда-нибудь все равно собирался, так почему не сейчас? Подходящий момент, не хуже других. — Я целую ее носик.

— Долетела отлично. Хочешь знать, какой нам показывали фильм?

— С превеликим удовольствием.

— Мы смотрели «Спартак».

— Разве это не старый фильм?

— Это был старый самолет. Кроме того, фильм шел чуть ли не весь полет. — Она зевает, потягивается, и мне видно, как напрягаются ее мускулы. — А теперь спроси о том, о чем действительно хочешь спросить, то есть, что я забыла в Лос-Анджелесе.

— Ну... раз уж ты напомнила об этом...

— Небольшой ангажемент.

— Небольшой ангажемент? — с сомнением повторяю я.

Сара опускает глаза, проводит пальцем по моей груди:

— Ты мне не веришь?

— Не то чтобы я не верил тебе. Просто я подумал, что, может быть, ты... — Может, она проделала весь этот путь, просто чтобы повидать меня. Я не смог закончить фразу: очень уж женственная получалась.

— Когда я вернулась из твоего отеля, обнаружила сообщение на автоответчике. Мой агент предложил записаться на подпевке для альбома Би-Би Кинга. Мы работали весь день.

— А заодно ты решила и меня повидать? То есть я на втором плане?

Сара принимает меня щекотать: коварное нападение, заставляющее меня кататься по кровати, прежде чем я успеваю организовать контратаку. Вскоре мы уже целуемся, словно школьники на диване в гостиной до прихода родителей.

Какое-то время мы молча лежим, обнимаясь и наслаждаясь тем, как удивительно подходят друг другу наши тела. Мы просто созданы друг для друга.

— Когда ты возвращаешься в Нью-Йорк? — спрашиваю я.

— У меня билет с открытой датой, — отвечает она, — но запись продлится до послезавтра.

Я чувствую ее руку на синтетической оболочке моего колена. Она движется выше, к поливолоконной смеси моего бедра. В хвосте начинает колоть по-настоящему, и я не уверен, что это просто нарушение кровообращения.

— Меня, конечно, можно уговорить и остаться. Всего этого достаточно, чтобы я снова потек.

Сегодня я динамо-машина! Мою половую энергию можно разливать по бутылкам и использовать для электрификации Индии.

Примерно через четыре часа и бесчисленное количество любовных схваток после того, как Сара впервые переступила порог моей квартирki, я приглашаю ее остаться на ночь. Она принимает приглашение.

— Позволь мне только вернуться в отель за вещами.

— Я отвезу тебя.

— Я взяла напрокат машину.

— Ты не знаешь дороги.

— У меня есть карта, — смеется она. — Миленький, на этот раз я вернусь, договорились?

Сара, уже полностью одетая, склоняется к постели и запечатлевает на моих губах полновесный поцелуй; ее язык жадно ищет мой. Я пытаюсь снова затащить ее в кровать, но она отскакивает и, хихикая, грозит пальцем:

— Скверный мальчишка. Тебе придется подождать.

Я киваю, действительно, нам просто необходимо часок передохнуть. За это время Сара соберет вещи, а я приведу в порядок свое облачение и мысли насчет только что произошедшего. Теперь, когда я свободен от непрерывного оргазмического иступления, появилась возможность разобраться с онемением хвоста.

Выпрыгнув из постели — ага, снова это покалывание, — я веду Сару через гостиную в прихожую. Мы опять обнимаемся, и я, выпуская ее, прячусь за дверь. Я же не эксгибиционист, хоть в облачении, хоть без него.

— Около часа? — говорю я на прощание.

Она смеется, явно забавляясь моей искренностью. Я желаю ее, она это знает, вот и вся история.

— Как можно скорее, Винсент. — Она посылает мне воздушный поцелуй и направляется к машине. Я закрываю дверь и убеждаюсь, что все занавески опущены.

Это покалывание, этот зуд все усиливаются, распространяясь по всему телу. Что-то важное перестало функционировать в моем костюме, и хочется верить, что я вовремя

спохватился и не довел дело до самого худшего. Я не собираюсь возиться с маской или туловищем, потому что это такая боль в заднице — правильно наложить эпоксидную смолу, дабы обеспечить хорошую, плотную хватку, способную выдержать самые безудержные порывы страсти. Я просто снимаю нижнюю часть. Оболочка медленно слезает со шкуры; ее и без того гладкая подкладка, как следует пропотев за последние несколько часов, стала совсем скользкой.

Стоя в гостиной напротив большого зеркала, я пристально изучаю ведущие опоры и ремни на предмет возможных повреждений. Насколько я в состоянии разглядеть, никаких изъянов. Могло ли это ощущение оказаться чисто психосоматическим? Следствие подавляемого сознания вины за участие в более чем противоестественном действе? Надеюсь, что нет, ведь исправляться я не намерен.

Погодите-ка — вот оно. Прямо под серией «Г» зажим, всегда причиняющий мне наибольшее беспокойство: матерчатая штрипка как-то ухитрилась согнуться и попасть в тугую затянутую петлю на кончике хвоста. Представить себе не могу, как это случилось, но учитывая все эти новые занимательные позы, которые мы перепробовали, я не слишком удивляюсь.

Держа хвост облаченной рукой, пытаюсь вытащить штрипку и устроить ее поудобнее; почти тут же я обретаю чувствительность, восхитительную чувствительность, устремившуюся в мое тело, словно прорвавшая плотину река. Это не так прекрасно, как любовь с Сарой, но недалеко от того. Возможно, мне следует полностью разоблачиться и привести костюм в порядок, чтобы подобное не повторилось. Надеюсь, что мы с Сарой сыграем на бис, как только она вернется, и не желаю никаких технических неисправностей. В следующий раз эта штрипка может намотаться на какой-нибудь жизненно еще более важный орган, нежели хвост.

Я нащупываю потайные кнопки под сосками и отстегиваю их, изо всех сил стараясь отделить оболочку туловища от шкуры. С туловищами у меня всегда наибольшие проблемы, наверное потому, что здесь так мало мест для скрытых застежек. На голове их без счету: под волосами, в ушах, в носу; в нижней части тела тоже предусмотрено немало мест для молний и кнопок, и работает все отлично.

Я почти уже отстегнул последнюю липучку, нащупал ее, нащупал и... в квартиру входит Сара.

— Винсент, я забыла спросить, на какой улице...

Она цепенеет. Я цепенею. Только глаза ее в движении, мечутся по моему полуоблаченному телу, пытаюсь осознать перед ними представшее. А я вполне могу вообразить себе, как выгляжу в ее глазах: ящерица в полусодранной человеческой коже, выползшая из доисторических глубин, чтобы ужаснуть и сожрать несчастную девушку. Чудовище. Урод. Похоть, страсть, чувственность и, да-да, и любовь уступают место инстинкту, моему проклятому инстинкту, овладевшему телом по законам военного времени.

— Винсент... — начинает она, но я обрываю ее, скакнув через всю комнату, захлопнув дверь свободной лапой и прыгнув ей на грудь. Сара падает на спину. Я хватаю ее за горло, рыком вдребезги разбивая зеркало, так что осколки водопадом сыплются на ковер.

Я знаю свой долг. Я должен убить ее.

— Прости меня, Сара, — ухитряюсь я произнести, уже готовый вонзить когти в прекрасную трепещущую шею. Она судорожно глотает воздух, пытаюсь что-то сказать, но ей не хватает дыхания...

— Вин... Вин...

— Прости меня, — повторяю я и наношу смертельный удар.

Но он не достигает цели. Ее рука встает на пути моей и удерживает когти в каких-то дюймах от горла. Этого не может быть. Или страх придал ей силы? Я замахваюсь другой лапой, сверкают природные клинки...

И снова она парирует удар. Сара борется с моими лапами, не подпуская смерть, лицо ее искажено болью.

— Винсент, — с трудом произносит она голосом на две октавы ниже обычного, — подожди.

Но врожденное чувство опасности и ответственности настаивает: *давай, закончи работу, убей человека, прежде чем она все разнесет по свету!* — и я напрягаю мускулы, стремясь покончить с этим и начать несомненно долгий процесс оплакивания.

— Подожди, — снова выдавливает из себя Сара, и на этот раз слово проникает сквозь безумие инстинкта, удерживая восходящую мощь моих лап. Что за безрассудство? Неужели это встает на дыбы человеческое обыкновение *понять* все на свете за счет драгоценного сейчас времени? В мире динов мы не склонны сверх меры анализировать. Мы видим, мы реагируем и преодолеваем. Не более чем полчаса назад совокупившись с представителем чужого рода, я чувствую отвращение к малейшим проявлениям человечности, пропитавшим меня за долгие годы. Я должен тотчас прикончить ее! Но я жду, что она скажет.

Я опускаюсь на задние лапы, мускулы все так же напряжены, готовые к атаке на случай, если она попытается убежать. Я люблю Сару, но я не могу рисковать, ей доверившись. Только не в этом.

Я ожидаю от нее мольбы о сострадании, клятвенных обещаний, что она ни одной живой душе никогда не расскажет о том, что увидела, призывов к милосердию, как до нее делали другие. Но она даже рта не раскрывает, даже не пытается говорить.

Она просто откидывает волосы с плеч и поднимает руки, будто желая собрать локоны в конский хвост. Слышится щелчок, знакомое «зззип», и Сара вновь опускает свои прекрасные руки. Мне будет их не хватать.

Лицо ее меняется, невероятным образом соскальзывая влево. Носы так не сдвигаются. Подбородки так не сдвигаются. По крайней мере, без вмешательства пластической хирургии. Опускаются брови, за ними розовые щеки, и, черт возьми, что же дальше...

Кожа на лице Сары провисает складками, и маска отваливается. Из-под нее выглядывает ярко-коричневая шкура, нечто вроде мелкого наждака. Контактные линзы выскакивают из глаз и зелеными каплями падают на ковер. Я пачусь, не в состоянии удержать равновесие при виде того, как оседает на полу фальшивый слой кожи, слезающий с ее шкуры. Не веря глазам своим, я смотрю, как она встает и отстегивает остатки облачения.

Сара Арчер неторопливо и аккуратно, лоскут за лоскутом снимает ложную кожу, тщательно отделяя от своего истинного тела каждую унцию косметики, каждый дюйм ремня, корсета и бандажа. Не знаю, сколько времени прошло. Минута, час, день, неважно, пока я наблюдаю постепенное исчезновение Сары Арчер и столь же постепенное появление очень знакомого Колеофизиса.

— Винсент, — мягко произносит она, — я хотела тебе рассказать.

Я должен был понять с самого начала. Я, опытный профессионал, сыщик божьей милостью. Все это творилось под самым моим носом, и я вполне мог бы заметить, не будь так ослеплен страстью к запретным сокровищам.

Сара Арчер — это Джейси Холден. Джейси Холден — это Сара Арчер. Переставляя как хочешь, но обе они — одна и та же женщина, и я чувствую, как обрушиваются подо мной расшатанные подпорки, худо-бедно поддерживавшие мир, и окончательно слабеют мышцы. Кто-то, похоже, гасит огни...

17

Мы сидим на диване в трех футах и многих милях друг от друга. Она то и дело пытается заговорить, но я взмахом руки удерживаю ее. Это глупо, наверное, но мне нужно время подумать. Почти час прошел с тех пор, как я очнулся, и только теперь ко мне возвращается трезвость мыслей, достаточная для поддержания нормальной беседы.

— Винсент, послушай... — умоляет она, и слезы наполняют исполненные нежности карие глаза. Зеленые контактные линзы мокнут в извлеченном из сумочки контейнере.

— Я не могу... Как ты... — Я не в состоянии продолжать эту речь, а потому

предпочитаю скорчить обиженную рожу. Так лучше дойдет.

— Думаешь, я не хотела все рассказать тебе? Прямо тогда, в греческом ресторане, собиралась выложить все без утайки. Прямо там, перед всеми, просто сказать, чтобы ты понял, что ты и я... что мы одинаковые.

Я сардонически усмехаюсь и трясую головой:

— Мы не одинаковые.

— Мы оба дины.

— Во всяком случае, ты так утверждаешь. Может, это тоже костюм.

— Что за ребячество, Винсент, конечно нет.

— Почему мне знать, черт побери? — взрываюсь я, и что-то во мне радуется, когда она вздрагивает. — Я имею в виду, господи, Сара... или это Джейси?

— Это Джейси.

— Ты уверена?

— Это Джейси, — кротко повторяет она.

— Прекрасно. Что ты еще скрываешь, Джейси? Я, правда, уже вдоволь позабавился. Ты пропадаешь, ты не пропадаешь, ты человек, ты дин...

— На то есть причина, — перебивает она.

— Хотелось бы надеяться. Меня бы беспокоило по-настоящему, если бы ты проделала все исключительно ради собственного удовольствия. Итак, ты собираешься поведать мне свою историю?

— Если ты мне позволишь.

— Я тебе позволяю.

— Хорошо.

— Хорошо. Теперь говори.

Она никак не решается, ерзает по дивану и не смеет взглянуть мне в глаза. А прежде все было так просто!

— Не знаю, с чего начать, — говорит она, и я предлагаю начать с начала.

— По сути, и не было никакого начала. Все как-то само... выросло.

— Как сорняки?

— Пять лет назад, — продолжает Джейси, — в Нью-Йорке на улице я познакомилась с Донованом. Ну, не совсем на улице — оба мы оказались за стойкой магазина деликатесов в Гринвич-Виллидж. И оба мы были свободны, привлекательны и готовы к любовным отношениям, хотя в тот момент не знали этого. Я учуяла его, как только он подошел. Никогда не встречала дину с таким мощным запахом. Ты запомнил его запах, Винсент? Когда навещал Донована в больнице?

Я помню запах жареного мяса, запах запеченного Раптора, и хотя считаю, что Джейси Холден в какой-то мере заслуживает страданий за все, что она мне устроила, вряд ли эта информация будет справедливым воздаянием.

— Это же больница, — отвечаю я. — Сама знаешь, как там все продезинфицировано.

Она понимает, что я лишь тактично уклоняюсь от ответа, и благодарно кивает:

— Он был способен наполнить комнату своим ароматом. Словно волна роз, нахлынувшая с моря. Я называла его моим маленьким морским драконом. Я ела булку с солониной под майонезом, и его это позабавило. Он сказал, что я ничего не понимаю в еде. Это были его первые слова: «Мадам, простите за назойливость, но вы совершенно не разбираетесь в еде».

Как мило.

— И куда же вас привела эта чушь? — заговорила во мне старомодная ревность, ну и плевать.

— Ты сказал начинать с начала, вот я с начала и начинаю. Он был парень что надо, Винсент, и во многом похож на тебя. Не только потому, что тоже был Раптор. Ваше чувство юмора, ваш стиль, ваши манеры — все очень похоже. Не сомневаюсь, он бы тебе понравился.

Лестью она всего добьется; я несколько смягчаюсь:

— Не сомневаюсь. Дальше.

— Потребовалось какое-то время, прежде чем Донован пришел к мысли о женитьбе, но когда до этого дошло, она овладела им целиком. Сам понимаешь, планы относительно нашей совместной жизни, нашего будущего... Мы жили в районе Западных Восьмидесятых улиц, Донован все еще служил у Раймонда, я была поглощена работой в Совете, место в котором заняла не без его помощи, и вместе мы являлись тем, что половина мира считает блестящей парой, а другая половина мерзкими яппи. Как бы то ни было, мы чувствовали себя счастливыми. Имелась лишь одна небольшая проблема...

— Дети.

— Да. Дети. — Джейси подбирает под себя длинные бурые ноги и, свесив хвост с дивана, откидывается на подушку. Я все так же чинно опираюсь на подлокотник. — Я хотела детей, Донован хотел, но принадлежа к различным видам... Наверное, мы могли бы усыновить ребенка. Я знаю, в мире достаточно производителей яиц, но нам хотелось именно своего. Это эгоизм? Я полагаю, что Донован как-то упомянул об этом на работе, и Раймонд связал нас с доктором Валлардо. По сути дела, мы стали для него одним из первых опытов. Он возился с птицами, ставил какие-то эксперименты на ящерицах, лягушках и змеях, но до нас у него было всего несколько пациентов-динов. В своей лаборатории он тогда работал тайком, так что мы по ночам пробирались в медицинский центр на анализы и процедуры. Я до сих пор не могу забыть ужасающую смесь мела и цинка, которую мне приходилось поглощать, до сих пор от нее в горле першит.

— Так вы были подопытными кроликами?

— Да хоть тараканами, если бы это помогло стать родителями. Мы знали, на что идем. Прошел месяц, шесть месяцев, год — никакого толку. Я продолжаю сдавать яйца, Донован семя, доктор Валлардо все это перемешивает, жмет на все генетические рычаги, чтобы петелька А вошла в прорезь Б, но ничего из этого не выходит.

Я пожимаю плечами:

— Случается.

— Конечно, да только от этого не легче. Для Донована это оказалось куда большим ударом, чем для меня. Он стал подавленным. Донован всегда был подвержен перепадам настроения. Как правило, периоды уныния длились у него недолго, и я привыкла вместе с ним продираться сквозь депрессию: долгие дни в полудреме, мрачная психоделическая музыка... но на этот раз хандра тянулась и тянулась неделю за неделей. Постоянная вялость: дома, на работе, в постели... Недели обратились в месяцы, и достаточно скоро я заметила, что он сторонится многих вещей. Сторонится меня.

— В каком смысле?

— Взять, к примеру, свадьбу. Прошло полгода, и Донован, который готовился к этому событию, словно к вторжению в Нормандию, больше не казался... столь воодушевленным. Как будто сомневался. Не во мне, не в моем желании, но в себе самом. И всего несколько недель спустя я поняла, что он спит с Джудит Макбрайд.

— Частный детектив?

— Здравый смысл. Это было очевидно с самого начала, просто я не желала осознавать. — Знакомая песенка. — На самом деле, мои так называемые подруги — волчья стая светских сук, проводящих время в обсуждении фальшивых человеческих ногтей и причесок, — где-то через месяц просто вывалили на меня все это. «Видела сегодня за ланчем Джудит с Донованом, — сообщает мне одна. — Чудесно они проводят время». А я вынуждена кивать, улыбаться и поддерживать разговор, делая вид, что речь идет об обычной деловой встрече работодателя и служащего. Ну, в конце концов я все поняла и была совершенно раздавлена. Пять лет жизни коту под хвост, и все потому, что какая-то увядающая старая кошелка не может придумать ничего лучшего, как морочить голову обезумевшему Раптору.

Я интересуюсь, говорила ли она Доновану о своих подозрениях, и она качает головой:

— Я собиралась. Все время хотела подойти к нему, поговорить, но не могла себя заставить. Как будто, если я не заговорю об этом...

— ...останется надежда, что все это неправда, — заканчиваю я.

— Вот именно. Так вот я и сидела дома, на заседаниях Совета, в ресторанах, не раскрывая рта и тоскуя примерно так же, как и сам Донован.

— И что же дальше? — Я целиком поглощен рассказом, и хотя все еще стараюсь ни на йоту не снижать уровня своего негодования, от ее слов решимость моя слабеет.

Джейси обводит взглядом мою сумрачную квартиру.

— У тебя есть какие-нибудь травки? — спрашивает она и проводит по губам языком.

— Как раз кончились. И раз уж я не жую, то никто не будет. Меня интересует, как ты устроила этот маскарад?

— Сейчас дойдет и до этого, — отвечает Джейси. — Я была готова порвать с Донованом, переехать и зажить собственной жизнью. Если не простить, то хотя бы забыть. Но тут состоялось экстренное заседание Совета.

— Это мне знакомо.

— Речь шла о Раймонде и его все более открытой связи с человеческой женщиной. Это вызвало определенное беспокойство среди членов Совета, и, признаюсь, я шумела чуть ли не громче всех. Раймонд шлялся по всему городу то с одной из своих секретарш, то с какими-то знакомыми, даже с парой профессионалок из человеческой службы сопровождения, и все это было просто... неестественно. Между тем Совет искал возможность поймать его с поличным, чтобы наложить штрафные санкции, прямо скажем, немалые. Сорок — пятьдесят миллионов баксов, в общем, чистое вымогательство. Не знаю, кто в данном случае вызывает большее отвращение — Раймонд или Совет. Оставался вопрос, как поймать его на месте преступления. Решили, что нам необходим кто-то в его окружении. Кто-то, способный подстеречь его и получить доказательства.

— Провокация, — киваю я.

Она собирается мне возразить, но в конце концов просто соглашается:

— Да, провокация.

— Так вот когда Джейси Холден стала Сарой Арчер, — начинаю я складывать разрозненные куски в единое целое.

— Прекрасно, детектив. Выходите в следующий круг.

Теперь составные части моего расследования складываются вместе, обретая смысл. Удивительно, как я раньше не догадался, но это как идти по лабиринту от конца к началу — ответвления и повороты на месте, но ты замечаешь их, уже миновав.

— Так вот почему ты исчезла с такой легкостью. При помощи Совета.

— Самой незначительной, — уточняет Джейси, — однако кое-какие связи они действительно использовали. Лишь двое из членов Совета знали, что я... так сказать, преобразилась. Остальные, как и все, думали, что я просто исчезла.

— Но простой смены костюма явно недостаточно, разве не так? — вспоминаю я офицера Таттла, симпатичного полицейского, который избавил меня на Четыреста пятой от ужасного штрафа, более чем заслуженного. — Тебе ведь пришлось удалить ароматические железы?

Джейси дотрагивается до маленького шрама на шее, с трудом различимого на ее ребристой шкуре.

— Это было тяжелей всего. У меня был сногшибательный запах. — Она пытается усмехнуться, но это унылая, болезненная улыбка, и впервые за последний час с лишним я чувствую, что меня скорее тянет к ней, нежели отталкивает.

— Мед и леденцы, — предполагаю я. — Легкий, воздушный.

— Жасмин, — говорит она. — Резкий. Я могла зайти в цветочную лавку, и ты никогда бы меня не обнаружил. По крайней мере, носом. Но желание отомстить оказалось сильнее желания сохранить запах, так что наш представитель Диплодоков удалил мне железы. Он был хирургом, и у нас состоялось полуночное randevu в его клинике: только он, я, скальпель

и веселящий газ.

— А вернуть их нельзя? Хотелось бы однажды почувствовать твой запах.

— Они сохраняли железы сколько могли, залив их кровью и какими-то нужными витаминами, но через несколько месяцев произошло отмирание тканей. Мы не знали, как долго мне понадобится... обольщать Раймонда. Никто не думал, что дело так затянется. Врач предлагал сделать химический аналог, отлично воспроизводящий запах дина, но я... я уже сталкивалась с этими ароматами. Говорят, будто их невозможно отличить от настоящих. Ерунда! Они металлические. Синтетические. И совершенно мне не нравятся. Я ужасно переживала из-за ароматических желез, но мысль вывести на чистую воду Раймонда поглотила меня целиком, хотя я считала его лишь пешкой в своей игре. Потому что, свалив Раймонда, я свалю и Джудит, а мне не терпелось заставить ее страдать в той же мере, в какой страдала я сама. Можно ли меня осуждать за это, Винсент? Разве это не естественно? Я считаю, у меня было моральное право. Око за око, мужчину за мужчину.

Я качаю головой, киваю, пожимаю плечами — я сам испытал подобные чувства, я сам мечтал о мести, так что не могу отказать ей в праве на те же эмоции.

— А твое пение? Твой здешний ангажемент?

— Чистая правда, все до единого слова. Я осталась без запаха, с новой оболочкой и выдуманным прошлым. Мы подделали место рождения, несколько мест работы, все безукоризненно чисто, но когда ты ни на что не способен... Я не умела печатать, не умела стенографировать, даже компьютером пользоваться не умела. — Она поднимает лапы и трясет пальцами. — И до сих пор не умею. Просто не способна, мне кажется. Большая часть моей профессиональной жизни прошла в политической трясине динов — а что толку от этого в человеческом мире?

— Но у тебя был голос.

— Чем я и воспользовалась. У меня был голос и, что еще важнее, это фальшивое тело и это фальшивое лицо. Причем, должна признать, чертовски привлекательные. Прежде чем облачить меня, мы выяснили, что нравится и что не нравится Раймонду Макбрайду, — с целью найти его идеал человеческой женщины и вручить ему такую. Кстати пришлось и работа в ночном клубе, хотя это просто случайность. Итак, я договорилась с моим агентом отправиться вместе на благотворительный вечер, но в тот самый момент, когда меня уже должны были представить Раймонду в качестве Сары Арчер, я ужасно перепугалась. Нервы, не знаю, что на меня нашло, но я вдруг решила, что сделать этого не смогу. Я уже была готова сказать своему агенту, что хочу убраться отсюда ко всем чертям, когда услышала какой-то шум на кухне. Мне до смерти надоела беседа — кажется, мы болтали о какой-то там опере, — так что я отправилась поглядеть, что это за суматоха, и обнаружила Джудит Макбрайд и моего Донована, растянувшихся на разделочном столе чуть ли не бедрами в блюдах с лососем, целующих, тискающих, ласкающих друг друга. — Сара — тьфу, проклятье, Джейси! — откидывает голову и пристально рассматривает потолок. Такое ощущение, будто она хихикает.

— С тобой все в порядке? — интересуюсь я. — Может, прервемся ненадолго?

— Пожалуйста, не волнуйся. У меня было достаточно времени, чтобы справиться со своими чувствами. На чем я остановилась? Точно, они облюбовали друг друга и весь кухонный стол, и я не удержалась от вздоха. Джудит поднимает глаза и говорит: «Вы не возражаете?» Ни угрызений совести, ни досады от того, что ее застали врасплох. Только ледяная чернота в глазах, что она устала на меня... На мгновение мне привиделся в них проблеск узнавания, но я тут же сообразила, что так Джудит ведет себя с каждым. За одно это ее следовало наказать — если не за меня, так за всех тех, чьи жизни она отравила. Мое намерение тут же укрепилося, и я, дождавшись, когда Джудит опустит глаза, бросила взгляд на Донована. Он, по крайней мере, выглядел чуточку смущенным. «Постыдились бы, — сказала я им, — в антисанитарных-то условиях». А потом я ушла. Из кухни в гостиную, где агент представил меня Раймонду, ну, и так далее.

— Он быстро оказался у твоих ног.

— Еще как. Мое личное обаяние, разумеется, но и оболочка не повредила.

— А потом?

— Что потом? — пожимает она плечами. — Остальное тебе известно — через несколько недель Донован объявился на Западном побережье, у нас с Раймондом разгорелся нешуточный роман, я докладывала членам Совета, где и когда мы встречаемся, чтобы сыскное агентство могло сделать фотографии. Видел бы ты, каких трудов мне стоило заставить Раймонда не задергивать шторы, когда мы занимались любовью, — пришлось убеждать его, будто я эксгибиционистка и открытые окна добавляют чего-то эдакого. Его даже заводило...

Я продолжаю задавать вопросы:

— Итак, Совет получил свои снимки, ты свою месть. Почему же ты не покончила с этим?

— Я собиралась, — говорит Джейси, и снова я осознаю, что ее слезные железы готовятся выпустить соленые струйки. — А потом... потом он умер.

— Его убили, — уточняю я.

Она кивает, глаза ее полны слез, и я, неожиданно для себя, прижимаю ее и начинаю успокаивать, глядя по спине. Мне нужно спросить ее об убийце, о том, что она знает, что думает, подозревает, но пока мои дурацкие переживания снова гонят все дела.

— Ты любила его?

— Нет, — хлюпает она носом. — Я любила Донована. Но Раймонд был добрым, обаятельным, умным. Он не заслужил... того, что я сделала.

— Спровоцировала?

Чуть помедлив, Сара опять кивает и опять не может сдержать рыданий.

— Вот и все, — говорит она, чуть овладев собой. — С тех пор я так и не нашла в себе сил снова стать Джейси. По правде говоря, и незачем это. Со смертью Донована не к кому мне возвращаться в мир динов. И я решила просто остаться Сарой и посмотреть, чего я смогу добиться человеком. Динозавр я все равно конченный...

— И это все? — спрашиваю я, удивляясь, почему она не упомянула о том, кого сам я считаю основным звеном всей цепи.

— Все.

— Как насчет Валлардо?

— А что Валлардо? Я же тебе рассказала: мы с Донованом после нескольких лет безрезультатных опытов бросили эти попытки.

Однако Джейси отводит взор, и я понимаю, что здесь следует поднажать:

— Но потом ты с ним встречалась. Давай, Джейси, хватит юлить.

— Может, на приемах или где-нибудь еще, но я не понимаю, почему ты решил, будто я...

— Письмо, — говорю я прямо, и слово это заставляет ее замолкнуть. — Письмо, от которого ты просто оцепенела в вечер нашей встречи. Оно было от Валлардо, не так ли?

Она не пытается ни отрицать, ни увильнуть.

— Откуда ты знаешь?

— Оттуда же, откуда узнала ты, даже не подняв его с пола. Почерк. Твое имя было нацарапано через весь конверт. Придя на следующий день к Валлардо, я заметил, что левая рука у него парализована, хотя он использует ее в повседневных делах. Тогда я не связал одно с другим, а вот только что получилось. Так ты не собираешься мне рассказать, почему хотела ребенка от Раймонда Макбрайда?

— Потому что хотела ребенка, любого ребенка! — выпаливает она. — А Раймонд хоть и был распутник, но отцом стал бы потрясающим. Не в смысле «пойдем-ка во двор, погоняем мяч, сынок», а прекрасный генетический образец. Мне плевать было на межвидовое скрещивание. Когда я сказала Раймонду, что хочу ребенка, он ответил: «Прекрасно!» — и тут же отвел меня к доктору Валлардо. Представил его как лучшего акушера в Нью-Йорке.

— Но Раймонд думал, что ты человек, — замечаю я. — Вот, выходит, почему он финансировал эксперименты по межродовому скрещиванию.

— Так ты и об этом знаешь? — с вполне заметным отвращением кривит она губы. — Что ж, Раймонд в данном случае немного вышел за рамки с этим... человеческим фактором.

— Синдром Дресслера, — подсказываю я.

Джейси раздражается столь необузданным хохотом, что я съеживаюсь на размер-другой.

— Уверяю тебя, — фыркает она, — Раймонд Макбрайд синдромом Дресслера не страдал. — Она не развивает эту тему.

— Но он хотел скреститься с твоими «человечьими» яйцами.

— Он проявлял интерес к моему роду, в этом ты прав. И я, откровенно говоря, желала семени Карнотавра. Единственной проблемой был Валлардо — стоило сделать анализ, как он сразу бы понял, что имеет дело не с человеческими яйцами.

— Все эти тонкие различия, — киваю я. — Твердая скорлупа, внешнее созревание...

— И тысяча других. В общем, ты понимаешь, в чем трудность. И мне ничего не оставалось другого, как прийти к Валлардо, признаться ему, кто я на самом деле, и попросить продолжать работу с нашим ребенком, не говоря при этом Раймонду, что я тоже дин. Я грозила ему всеми карами Совета, которые только могла выдумать, включая полное отлучение от общества, утвержденное, я полагаю, только раз или два. Уверена, что Наполеона вышвырнули.

— Камптозавр? — интересуюсь я, подзабыв уроки истории для пятого класса.

— Раптор, — на мгновение улыбается Джейси. — Я с самого начала собиралась забрать ребенка и скрыться с ним, вернувшись в общество динов, как только он или она родится, ибо Раймонд никогда не должен был узнать, что я не та, за кого он меня принимает. Итак, я вторично решила пройти всю эту процедуру, правда, к тому времени доктор Валлардо что-то там усовершенствовал. По крайней мере, мне больше не пришлось глотать всякой дряни, от которой мутит и выворачивает, чему я была очень рада. Но прежде чем из всего этого вышел толк, Раймонда убили, и я осталась одна. Эксперимент закончился. С тех пор я кое-как... держалась на плаву. Когда я увидела это письмо от Валлардо, я больше всего испугалась, что придется снова лгать, снова погрузиться во всю эту грязь. И все это время я хотела дать о себе знать Доновану, попытаться второй раз, но теперь, после пожара... я знала, что именно произошло в «Эволюция-клубе», и, не сомневаюсь, не одна я. Кому-то были нужны те записки и образцы семени — все, чего добился Валлардо, — а Донован, мне кажется, просто встал поперек дороги.

Джейси погружается в молчание, а я пока не готов поддержать разговор. Слишком уж много всего переваривать приходится. Лучше пока не давить на нее, а перейти к личным вопросам.

— Я понимаю, почему ты сделала то, что сделала, — приступаю я. — И я могу с этим смириться. Но меня по-прежнему задевает, как ты можешь... как ты могла... со мной... — Я не могу произнести эти слова, сказать, что она спала со мной, чтобы умерить мой пыл в расследовании или добыть информацию.

Зато у нее это получается вполне легко:

— Думаешь, мои с тобой постельные отношения тоже лишь часть всего этого, правда?

Я отворачиваюсь, но она берет меня за подбородок и смотрит прямо в глаза.

Не поменялись ли мы где-то по дороге полами?

— Все нормально, — бормочу я, отстраняясь. — Что надо, то и делаешь.

— Винсент. — Я не поднимаю глаз. — Винсент, посмотри на меня, — решительно настаивает она, и я не могу не повиноваться. — Все, что я тебе говорила, правда — ты мне очень нравишься. Как я сказала, ты, в некотором смысле, напоминаешь мне Донована...

— Так я вроде суррогата.

— Нет, ты не суррогат. Ты не замена. Но если меня привлекает определенный тип, то он меня и привлекает. — Она игриво косится, поглаживая мне грудь. — И на твоё счастье, ты и есть этот тип.

— Какое совпадение, — наконец восстанавливаю я душевное равновесие для дальнейшего разговора. — Ты тоже мой тип.

— Очень рада. И что бы ни случилось, я хочу, чтобы ты всегда помнил об этом, договорились?

— Конечно.

— Что бы ни случилось?

— Что бы ни случилось.

И мы снова любим друг друга, на этот раз в виде динов, как и назначено природой. Мы со скрипом тремся друг о друга шкурами, мы движемся взад-вперед на диване, на полу, на кровати и опять на полу. В этом нет ничего непристойного, ничего запретного, ничего безрассудного или потаенного. И хотя нет больше той остроты, того непрерывно свербящего ощущения опасности, наша страсть как-то более истинна и прекрасна, чем прежде.

В какой-то момент, когда солнце уже склонилось за горизонт, мы направляемся в спальню и продолжаем познавать друг друга до глубокой ночи. В какой-то момент Джейси говорит мне, что я ей нужен, и я отвечаю ей тем же. В какой-то момент я погружаюсь в сон, и в голове моей пляшут гипнотические образы ящериц и жасмина.

В какой-то момент я просыпаюсь в крошечной тьме. Рядом я слышу шепот, что-то вроде «лечу следующим рейсом» и «буду там к первой трещинке». В том призрачном подобии света, что умудряется проникать сквозь окно спальни, я различаю силуэт Джейси у телефона на тумбочке. Единственная мысль, возникающая в моем затуманенном сознании, это удивление, почему у меня до сих пор не отключили телефон.

— Джейси? — бормочу я. — Сара? Ложись.

Но когда я пытаюсь опереться на локоть, Джейси кладет трубку и преклоняет колени у моей головы. Она нежно ласкает меня и дважды целует в сомкнутые веки.

— Прости, — говорит она. — Думаю, я могла бы тебя полюбить.

И прежде чем я успеваю ответить ей тем же или спросить, какого черта она просит прощения, блещит шприц, колющий толчок в руку, и все сливается в изумительную застывшую черноту.

18

Квартирка Гленды Ветцель в Хеллс Китчен во многом похожа на мою старую арендованную машину — в том смысле, что такая же маленькая, изношенная и, похоже, кишит паразитами. Зато хозяйка оказалась достаточно мила, чтобы позволить мне рухнуть в гостиную на диван — раздвижной, и всего шесть пружин вылезли! — несмотря даже на то, что я поспособствовал ее увольнению из «Джей атт; Ти» и каким-то боком втянул в неофициальное расследование убийства не менее четырех динов. Мой план, тщательно разработанный сегодня утром в самолете, таков: я распутываю дело, я нахожу Джейси, я подхватываю ее на руки, как Ричард Гир Дебру Уингер в финале «Офицера и джентльмена», я забираю ее в Лос-Анджелес. Мы не располагаемся на заднем сиденье моего автомобиля только вследствие вышеупомянутой проблемы с паразитами.

Я проснулся с головной болью, способной свалить Годзиллу, — что бы ни было в этом шприце, оно било наверняка; не удивлюсь, если это окажется какой-нибудь травяной концентрат. Ощущение будто с похмелья в мои разгульные дни — боже мой, неужели с тех пор прошла всего неделя?

Педро обратил оставшиеся у меня мебель и электроприборы в девятнадцать сотен наличных долларов, и я горячо поблагодарил его за избавление от последних мирских богатств. Двадцать долларов такси до аэропорта, пятнадцать сотен билет на самолет, сорок долларов дорога до Манхэттена. Теперь я приблизился к нищете, как никогда еще в своей жизни, но это беспокоит меня меньше всего.

— Не могу поверить, что ты вошел на ложе любви с человеческой особью, — говорит

Гленда, когда мы уже готовы ринуться в город. Ее вышвырнули из «Джей атр; Ти», но она утверждает, что наслаждается свободой, работая не на дядю. Думаю, этот бред собачий состряпан для моего утешения, ведь меня и так уже от земли не видать, но это ее слова, и она на них настаивает. — Я в том смысле, что... человек, боже упаси.

— Она не человек, — в десятый раз объясняю я. — Она просто выглядит и пахнет, как человек.

— Если что-то пахнет человечиною... — бормочет Гленда древнейший трюизм динов. — Ладно, может, она и не человек, но сучка еще та.

— И вовсе не сучка. Она действовала по заданию Совета.

— Я делала фотографии, Рубио. Цветные, глянцевые и все такое прочее. Сучка прямо текла от удовольствия.

— Конечно, — пожимаю я плечами. — Они оба дины. Разве два дины не имеют права наслаждаться друг другом?

— Да, только... — Тут она замолкает, задумчиво выпятив нижнюю губу. — Ладно, уговорил.

— Ты собираешься перестать называть ее сучкой?

— Ох, поглядите на него. И вправду, что ли, запал на эту... штучку?

Когда выяснили с этим, я принимаюсь разрабатывать план наступления на город. Сделать предстоит немало, а времени, если меня не обманывает медленно, но верно нарастающая злость, всего ничего.

— Первая остановка — апартаменты Макбрайд в Верхнем Ист-Сайд, — сообщаю я Гленде. — Сможешь остаться здесь и позвонить в пару мест?

— Дерьма-то.

— Дерьма в смысле *раз плюнуть* или дерьма в смысле *пошел ты?*

— Просто скажи, что делать.

— Работа несложная: связаться с «Пасифик Белл» и выяснить, куда звонили из моего дома между шестью вечера и восемью утра. Может, с оплатой за счет вызываемого лица, может, по телефонной карточке, но у них должна быть распечатка. Джейси кому-то от меня звонила, в этом я уверен.

— Думаешь, когда найдешь его, то найдешь и свою маленькую суч... Джейси?

Эта несколько неуклюжая и запоздавшая попытка уважить мои чувства вызывает у меня улыбку.

— Где-то она есть, — говорю я. — Никто не исчезает бесследно.

— Вспомни, кто говорил тебе об этом.

Схватив ключи, бумажник, несколько дезинтеграционных мешочков на случай, если возникнут трудности, я говорю:

— Все узнаешь?

— Немедленно, босс.

— Спасибо. — Я чмокаю Гленду в щечку, и она хихикает. Это первое свидетельство женственности, которое я замечаю в моем новом временном партнере, но мне, похоже, больше по душе, когда она чертыхается. А то я смущаюсь.

— Теперь вали отсюда, — командует она, и все в этом мире возвращается на свои места.

— Запри дверь, — советую я с порога. — Запри покрепче.

За моей спиной гремят засовы.

Нет никакого сравнения между, скажем, «Плазой» и возвышающимся над Центральным парком домом, где расположена квартира миссис Макбрайд; поставить отель рядом с этим зданием равносильно тому, что Кармен Миранде¹⁵ встать для группового фото рядом с королевой Елизаветой. То, что кажется такой роскошью в «Плазе», становится явной

¹⁵ Бразильская певица и киноактриса (1909–1955).

показухой рядом со сдержанной элегантностью этого безымянного строения.

Кстати, об исключительности: швейцар, уже не тот джентльмен, что на днях с удовольствием поделился информацией о Джудит, не желает сообщить мне даже *свое* имя, не говоря уж об имени этого комплекса. А о том, что он меня внутрь пропустит, и речи быть не может. Я объясняю, что у меня дело в этом доме, затем переключаюсь на личную встречу с миссис Макбрайд. Он не реагирует. Я пробую тактику запугивания, так прекрасно действующую на большинство из тех, кто встречается на моем пути. Опять неудача.

— Существует что-нибудь, что я могу сделать, чтобы проникнуть в это здание? — Фантазия моя иссякает.

— Полагаю, что нет, сэр. — Швейцар все так же исключительно вежлив, но учитывая то, что он не позволит мне сделать ничего из того, что мне хочется, положение становится все более удручающим.

— Что, если бы я пробежал мимо? Не обратил на вас внимания и прошел внутрь?

Его улыбка вызывает озноб. Под нелепым привратничьим костюмом невозможно не заметить пляски внушительных мускулов.

— Лучше вам этого не делать, сэр.

Деньги. Деньги работают всегда. Я вытаскиваю из бумажника двадцатку и протягиваю ее церберу.

— Что это? — с неподдельным замешательством смотрит он на купюру.

— А на что это похоже?

— Это похоже на двадцать долларов, — отзывается он.

— Молодец, выиграл пупсика, — говорю я, понимая, что нет смысла проявлять такт в ситуации, давно ставшей бестактной. — Мне она больше не нужна. Только бумажник загромождает.

— Но двадцать долларов...

Я вскидываю руку в сырое вечернее небо — что там с этой влажностью? кто-то выплеснул в воздух целый океан? — и говорю:

— Ладно, ладно, ладно! Деньги тебе не нужны, деньги тебе не нужны! — после чего хватаю мою двадцатку, но швейцар вцепился в нее намертво.

— Что ты от меня хочешь? — интересуюсь я. — Деньги мои тебе не нужны...

— Я этого не говорил, сэр.

— Что?

— Я не говорил, что мне не нужны ваши деньги. До меня доходит:

— Ты... о господи боже мой... ты хочешь больше, угадал? — Смех легко вырывается из моей диафрагмы и выплескивается изо рта, покрывая весельем несчастного швейцара. — Все это время я пытаюсь найти волшебное слово, а тебя с самого начала просто надо было подмазать!

Я изменяю свое отношение к Нью-Йорку; я люблю этот город!

Швейцар и бровью не ведет; к его чести, он сохраняет непроницаемое лицо деревянного шелкунчика, делая шаг в сторону и желая доброго вечера пожилому джентльмену, выходящему из дома. Потом он возвращается на место и, уставив в пространство отсутствующий взгляд, будто невзначай протягивает руку к моему бумажнику.

Я охотно выставляю на обозрение сотню и сую ему в карман. У меня в бумажнике еще осталось — если этот парень ждет золотого дождя, я вытащу затычку. Однако сто двадцать долларов решают дело: швейцар кивает, тянет на себя медную ручку и отворяет ворота, даруя мне право вступить в сводчатый холл.

— Добро пожаловать в Парк. Пятьдесят восемь, сэр.

Я благодарно кланяюсь:

— Спасибо огромное... как, вы сказали, ваше имя?

— Это еще двадцать, — отвечает он с намертво застывшим лицом игрока в покер.

Джудит Макбрайд нет дома. Подозреваю, что эту информацию можно было получить проще и, возможно, дешевле, но швейцар, как и все остальные, любит деньги. Судить не

берусь. Я бы и сам сжульничал. Я звоню снова и снова, несколько раз стучу, громко свищу, зову хозяйку по имени, но никакого отклика.

Наверное, я мог бы взломать и проникнуть — кредитная карточка с такой массивной дверью не справится, но в рукаве у меня припасены и другие отмычки, — однако времени в обрез, да и трудно себе представить, что Джудит оставит лежать посреди квартиры какую-нибудь явную улику. Я уже готов уйти, вернуться к Гленде и попытаться возобновить поиски Джейси с того места, где мы остановились, как вдруг замечаю уголок полоски желтой бумаги, засунутой под дверь Джудит Макбрайд. На самом деле, я обнаружил его не раньше, чем распростерся по полу, зажмурил один глаз, прижался щекой к плисовому ковру и заглянул в щель, но конечный результат от этого не меняется — так какая разница?

Вопрос о том, нравственно ли подцепить и вытащить записку, не стоит: мой гражданский долг — предупреждать замусоривание, даже в чужих постоянных местожительствах. Несмотря на то что мой накладной палец оказывается слишком пухлым, так что для достижения цели приходится оголить коготь.

Сообщение о пакете. Это значит, что домоуправляющий или портье приняли для жильца пакет и теперь он находится там, где подобным вещам положено находиться. Я слышал о таких услугах, но никогда прежде не доводилось воспользоваться ими лично. Когда я был арендатором и на мое имя приходил пакет, то наиболее похожей на это извещение оказывалась злобная записка в почтовом ящике: *«Если я еще раз услышу от этого парня из «Ю-Пэ-эС» жалобы на то, что Вас нет дома, я сорву Вашу входную дверь и пусть оставляет свое дерьмо на коврике»*. Я приобрел тогда пятноустойчивые ковровые покрытия.

Полагаю, я мог бы отыскать приемную пакетов, устроить большую бучу, попытавшись выдать пакет за свой собственный, но, скорей всего, в результате либо получу что-нибудь совершенно бесполезное, либо проведу ночь в городской каталажке.

Но все мне необходимое написано на квитанции. Два пакета ожидают внизу, оба адресованы Джудит Макбрайд. Отправителем пакета номер один числится «Мартин и Компаньоны», фирма по прокладке и подводке медного кабеля из Канзас-сити, и прибыл он, если верить штемпелю, сегодня рано утром.

И зачем же Джудит Макбрайд понадобилось прокладывать медный кабель? Научный проект? Слишком стара. Бомба? Слишком рассудительна. Домашний ремонт своими руками? Слишком жеманна. Есть одна теория, но я тут же отвергаю ее как совершенный вздор.

Пакет номер два такой же странный и отправлен компанией по оборудованию для бассейнов из Коннектикута. В записке ничего не сказано о содержимом, но я представить себе не могу, чтобы Джудит Макбрайд подрядилась добровольцем и тратит время на очистку санитарных объектов местного отделения Девичьей христианской ассоциации.

Я рассчитываюсь. После того как очередные двадцать долларов перепрыгивают из моего бумажника в карман швейцара, он сообщает, где найти приемную пакетов, и я держу путь к подсобным помещениям. Там другой выдающийся сноб ожидает меня с категорическим отказом, но на этот раз я не беспокоюсь насчет того, как с ним обойтись. Мне просто нужно добраться до склада.

— Могу я... вам помочь? — интересуется кладовщик.

— Нет, нет, просто взглянуть. — Я еще больше перегибаюсь через стойку, и он отстраняется, взволнованный такой близостью. — Пакеты вон там хранятся? — показываю я за его спину, где аккуратно в ряд выстроены пакеты.

— Да... Вы в доме гость? — спрашивает он, прекрасно зная, что нет.

Я не отвечаю. Мне нужно слегка принюхаться. Я делаю быстрый выдох, изгоняя весь использованный, бесполезный воздух в раздраженную физиономию кладовщика, а затем начинаю долго и медленно затягивать новый; мои ноздри трепещут, мои пазухи хрустят от усердия. Запахи стекаются со всего Нью-Йорка, и мой мозг работает в полную силу, пытаюсь их отсортировать. Я повожу носом в направлении закрытой двери склада и внюхиваюсь

сильнее. Грудь моя расширяется, легкие наполняются; не удивлюсь, если высосу здесь из воздуха весь кислород, погрузив кладовщика в глубокий обморок. Тогда все станет проще.

И только я думаю, что больше в меня не влезет, только кладовщик, преодолевший замешательство, готов уже позвать на мою бедную голову охрану, как улавливаю легчайший проблеск запаха, который ищу.

Хлор. Нет никаких сомнений, утверждает мой нос. Несколько хлорных таблеток в папиросной бумаге, засыпанных пенополистиролом, упакованных в картон, завернутый в коричневую оберточную бумагу. Да, настолько я хорош.

— Гленда, нам надо идти. — Я только что заплатил таксисту тройной тариф за то, что он домчал меня к дому Гленды и ждет теперь внизу, пока я заберу кое-какие необходимые вещи. Он был несказанно счастлив получить эти деньги, но у меня есть серьезные сомнения, оказался ли он способен понять мои указания и действительно ли не тронется с места. — Внизу ждет такси. Надеюсь.

— Возможно, тебе захочется на это взглянуть, — говорит она и протягивает мне светлый восковой свиток факсовой бумаги в три фута длиной; каждый дюйм заполнен крошечными циферками и буквами.

— Что это?

— Все телефонные звонки из твоего дома за последний месяц. — Заглядывая мне через плечо, она указывает на единственный звонок по коммерческой линии 1-900: — Черт тебя побери, Винсент, ты что, беседуешь с экстрасенсом?

— Всего один раз, — рассеянно отвечаю я, целиком поглощенный новым свидетельством, оправдывающим меня.

Вот он, звонок, который я ищу, — сегодня утром, в четыре часа. За счет вызываемого лица, но все же попавший на этот листок, код 718.

— Вот этот номер, — показываю я Гленде. — Вот здесь.

— Я так и подумала. Так что уже успела его пробить. У тебя три попытки догадаться, куда звонили.

— Детская клиника в Бронксе.

— Фу-у... — надувает она губы. — Не положено угадывать с первой.

— У меня есть кое-какая внутренняя информация. Ты узнала адрес?

— Конечно. Самое дерьмовое место в городе и везде.

— Отлично. Пойдем, может, успеем туда прежде, чем начнется представление.

Водитель действительно ждет нас внизу, и, к счастью для нас, сегодня вечером ему не хочется практиковаться на клиентах в английском. Я прошу его сделать погромче радио, и салон заполняют звуки очаровательной индийской песни, которую, по всем признакам, исполняют кошки в течке. Превосходно: я могу не шепча до самой клиники рассказывать Гленде свою историю.

— Поехали, — говорю я и приступаю к рассказу.

19

— Похоже, это самое необычное дерьмо, о котором мне доводилось слышать, — говорит Гленда, когда я выкладываю ей все до конца, главу за главой, версию за версией. Должен признать, все это действительно несколько необычно. В Бронксе мы останавливаемся прямо за тем знакомым переулком, через дорогу возвышается, поджидая нас, детская клиника. Чтобы заплатить шоферу, я опустошаю бумажник.

— Спору нет, удивительный город, — продолжает Гленда. — Это все, так? Больше никаких неожиданностей?

— Ну... — повожу я плечами. — Есть еще одна малость, в которую я тебя толком не посвятил. Но, знаешь, всегда лучше сперва убедиться самому, а потом уже вешать лапшу на уши друзьям. Я не из тех детективов, что расследуют и тут же начинают рассказывать. Да

может, я и ошибаюсь.

— Ага, я хотя бы надеюсь, что в этом деле ты поглубже засунул голову в задницу, потому что если ты прав насчет того, что будет дальше, то и думать не хочется, что будет с нами.

Мы вылезаем из такси и разглядываем клинику. Окна заколочены досками, словно на глаза надели деревянные повязки; раздвижные алюминиевые двери тамбура плотно закрыты. Психи сегодня вечером высыпали в полном составе, и оказавшийся на нашем пути бродяга щиплет Гленду за задницу. Я удерживаю ее от ответных действий. — Будь начеку и держи нос по ветру, — предупреждаю я напарницу. — В прошлый раз у меня здесь возникла небольшая проблема. — Вернее сказать, большая, рычащая, зубастая проблема. — Дай мне знать, если уловишь запах барбекю.

Будто невзначай мы переходим через дорогу, стараясь казаться всему миру незлонамеренной человеческой парочкой, вышедшей на прогулку по задворкам Бронкса в десять часов вечера без оружия и прочих средств обороны.

— Давай быстрее, — подгоняю я, — но только естественно.

Немногочисленные фонари перед клиникой давным-давно разбиты вандалами, так что мы имеем возможность первый этап нашего путешествия завершить в темноте. Мы приближаемся к парадному входу. Закрыто. Заперто. А попытаешься раздвинуть те металлические уродины, так наделаешь слишком много шума в вечерней тишине.

Гленда бросает взгляд на здание, оценивая его размеры, и говорит:

— Должен быть черный ход с той стороны. Всегда бывает долбаный черный ход.

— Не знаю. Когда я в прошлый раз пытался найти его, меня... отвлекли.

Гленда идет вокруг здания, я за ней, и сердце у меня колотится так, что готово выпрыгнуть из груди в ожидании следующего нападения. С какой силой я ни втягиваю в себя воздух, органы обоняния не улавливают ни малейшего признака горелого пластика, но осторожность еще никому не мешала. Я не ослабляю бдительности, вглядываясь в каждый угол и каждое углубление.

Нет никаких следов моей тогдашней битвы, хотя мусорный контейнер кто-то убрал, то ли команда чистильщиков, приехавшая за скелетом, то ли мусорщики, чей грузовик слегка барахлил.

Путь нам преграждает невысокая металлическая ограда, и Гленда собирается через нее перелезть. Она тянет руки...

— Подожди! — шепчу я. — Надо проверить.

Гленда удивленно оборачивается:

— Что проверить?

— Ограду. Они здесь не шутят: бестолковая проволочная оградка не слишком надежная преграда для злоумышленников. К тому же я видел здесь сторожевых собак.

Я нерешительно тянусь указательным пальцем к металлическим ромбам...

Разряд дергает палец, заставляя меня схватиться за решетку, втягивает руку — я рву ее на себя, корчусь, сражаясь за собственную конечность...

Я одерживаю верх и отлетаю назад, прямо на грудь Гленды; оба мы валимся на землю. Скатившись с подруги-Хадрозавра, я помогаю ей подняться.

— Какого дьявола...

— Ток, — объясняю я, потирая руку, которая с каждой секундой болит все сильнее. — Электрическая ограда, и, судя по тому, как она цепляется, мы имеем дело с совершенно смертельным напряжением.

Не видно никаких предохранителей, не видно способа закоротить ограду, не видно ни одной лазейки.

— Возвращаемся к главному входу? — предлагает Гленда.

— Нет смысла. Сам он по волшебству не откроется. — Разве только... Я поднимаю глаза, вглядываясь во тьму, и замечаю прямо над оградой маленький карниз. — Гленда, сможешь подсадить меня на водосточную трубу?

— Я шестерых таких могу посадить на эту трубу. Но я-то как туда попаду?

— Я проберусь сзади и открою главный вход. Давай помоги мне.

После необходимых взаимных предупреждений избегать риска, сохранять осторожность, действовать с оглядкой и т. д., Гленда сажает меня на плечи, словно мамаша, поднимающая сына полюбоваться парадом, и я хватаюсь за трубу. Она держится на совсем слабеньких кронштейнах, подозрительно задрожавших, когда я всей массой висну на ней. Хорошо, что у меня давно не было времени поесть; похоже, один-единственный гамбургер в моем желудке привел бы к сокрушению всего сооружения. Кронштейны трясутся, вибрируют, трепещут, но держат.

Короткий подъем — с каждым оставленным позади дюймом труба скрипит все более угрожающе, — и я у карниза. Но только вскарабкавшись на него, соображаю, что окно заколочено точно так же, как остальные окна этой клиники. Внушительные балки преграждают мне путь. А я забыл дома электропилу.

Гленда уже завернула за угол, вышла за пределы слышимости и направляется к главному входу ждать, когда я открою ей дверь, так что с этой стороны помощи ожидать не приходится. Выбора нет, только прыгать, но до земли добрых двадцать пять футов. Если б я мог распустить хвост, добавочная мускульная поддержка, может, и смягчила хоть как-то удар, но...

Черт возьми, а почему, собственно, я не могу распустить хвост? Будут нарушены правила, но если существует время для нарушения правил, то оно как раз настало. Вцепившись для равновесия в сучок деревянной доски, я быстро снимаю брюки и трусы, дергаю сзади оболочку и освобождаю верхнюю часть серии «Г».

Боже, как приятно, когда хвост снаружи! Прохладный ночной ветерок ласкает мне кожу, заставляя вспомнить прошлую ночь с Джейси, как она терлась об меня, и своим телом... Ладно, работать, Винсент, работа прежде всего. Но надо признать, что эта свобода просто потрясающая, и остается надеяться, что мне еще выпадет возможность вот так порезвиться на свежем воздухе в каком-нибудь другом месте, нежели детская больница на Восемнадцатой улице.

Перспектива долгого полета к твердой земле, конечно, располагает к медлительности, но надо двигаться. Сотворив короткую молитву богам на тот случай, если я всю жизнь ошибался, не веря в их существование, я собираюсь с силами, делаю крошечный шаг к самому краю и прыгаю.

Как и было задумано, хвост помогает смягчить удар, и я, свернувшись клубком, качусь по земле, остановившись всего в нескольких дюймах от внутренней стороны ограды. Поскорее вскочив, я отряхиваюсь. «Плевое дело», — говорю я, ни к кому конкретно не обращаясь, и голос мой скоблит ночную тишину. Я решаю помалкивать, раз все равно никого нет рядом.

Я чую поблизости смерть и разложение, запахи, обязанные вернуть меня в боевую готовность, однако сейчас в них нет налета опасности. Решив выяснить, что к чему, я делаю несколько шагов и оказываюсь в небольшой нише. Я всматриваюсь, ожидая, когда глаза привыкнут к еще более сгустившейся темноте. Неровно закругленная стена ниши вся испещрена длинными царапинами, как будто дикий зверь, наплевав на бетон, решил прямо здесь вырыть себе логово.

Кости животных с обгрызенными хрящами, расколотые, с высосанным мозгом, грудой в два фута высотой окружают постель, изготовленную из разорванных в клочья матрасов, газет и старой одежды. На стене будто рукой ребенка кровью намалеваны изображения людей, собак, динозавров...

Кажется, я знаю, кто — что — жил когда-то в этом логове. Прежде чем напал на меня. Прежде чем я убил его.

В другой нише я обнаруживаю вход в клинику, и замки здесь достаточно просты, чтобы отпереть их нужным инструментом. Фокусы с кредитной карточкой и пивной жестянкой годятся для обычных дверей, но для нынешней работы требуется слесарный

набор, и в этот раз я оказался достаточно мудр, чтобы прихватить его. На мое счастье, у Эрни был товарищ, у которого был племянник, у которого был приятель, чья мать работала на заводе, выпускающем такое оборудование, и он достал для меня комплект по себестоимости. Во всяком случае, мне он сказал, что по себестоимости.

Здесь вполне можно ожидать какой-нибудь сигнализации, так что я с облегчением перевожу дыхание, не услышав при входе трубного зова. Я попадаю в мрачный коридор; здесь не светит луна, а потому еще темнее, чем снаружи, вдобавок стены покрыты паутиной и плесенью. Коридоры сходятся и расходятся почти как в лабиринте. С улицы больница кажется гораздо меньше, и я гадаю, что же это за оптическая иллюзия.

Достаточно быстро я нахожу главный вход и открываю пять запертых изнутри засовов.

— Вот долбаный холод, — жалуется Гленда, и я прикладываю палец к губам.

Мы вместе движемся по коридорам, жестами советуясь относительно направления и поворотов. Повсюду нас сопровождает непрерывное жужжание, так что я полагаю, что рано или поздно мы отыщем источник энергии. И когда отыщем, то посмотрим, в чем я прав и в чем не прав во всем этом деле.

— Тсс! — Я поворачиваюсь и вижу Гленду у полуоткрытой двери. — Я что-то слышу оттуда.

Мы идем дальше по широкому темному коридору, стены которого покрыты чем-то металлическим, впитывающим протекающее здесь электричество: приложив ладонь к стене, я чувствую покалывание. На стенах трепещут прожилки голубого света, и я невольно задаю себе вопрос, не приближаемся ли мы к самому центру этого лабиринта.

Еще одна дверь, а за ней приглушенный рокот, будто вода падает на заржавевшее мельничное колесо или публика недовольно гудит после очень плохого фильма.

— Кажется, это оттуда, — говорит моя спутница, без малейших предосторожностей открывая дверь. Внутри непроницаемая чернота, и Гленда шарит по стене в поисках выключателя.

— Подожди, — шепчу я. — Не гони волну...

С оглушительным треском над нашими головами вспыхивают ряды флюоресцентных ламп, осветивших длинную прямоугольную комнату в сто футов длиной и по меньшей мере сорок шириной; вдоль стен тремя рядами в высоту тянутся клетки. Странное бормотание усиливается, и, ступив в комнату, мы невольно разеваем рты, ясно уразумев происхождение этого шума.

В каждой клетке находится... существо, за неимением более подходящего слова, миниатюрный вариант той твари, что напала на меня три дня назад. Впрочем, это не совсем точно. В этих существах можно разглядеть генетические свойства всех шестнадцати видов динозавров. Маленькие уродливые рога под невероятными углами вылезают из больших уродливых голов, покоящихся на перекрученных уродливых шеях на перекалеченных уродливых телах. Звуки, которые мы слышим, несомненно, потому столь необычны для уха, что нет здесь двух одинаковых ртов, — у тех существ, что не обижены ртами. У иных нет ничего, кроме зияющих с обеих сторон головы отверстий, так что тоненький истерзанный визг, исходящий оттуда, усиливается ужасными пустотами впадин.

Они совсем маленькие. Они просто младенцы. Но это еще не все. Далеко не все.

Еще есть пальцы. Самые настоящие пальцы. И ноги, истинные ноги. И уши, и ушные мочки, и носы, и торсы, и все эти части тела вопиют: это существа рода человеческого.

— Он сделал это, — выдыхает Гленда с изумительной смесью благоговения и отвращения. — Валлардо действительно сделал это.

— По-похоже на то... — заикаюсь я.

— Но что... что же с ними такое?...

— Я думаю... думаю, это уроды, — предполагаю я.

— Уроды?

— Любое дело не обходится без неудач. Это они.

И как по сигналу, они принимаются издавать тихие плачущие звуки. Котята, щенята,

младенцы, нуждающиеся в помощи и заботе.

— Но он запер их здесь, как... как животных.

Я киваю:

— В известном смысле, они и есть...

— Как можешь ты так говорить? — чуть ли не кричит Гленда, гневно повернувшись ко мне. Надо же — на какой час выпал материнский дебют Гленды Ветцель. — Они *малыши*, Винсент.

В оцепенении выходит она на середину комнаты, с отвисшей челюстью разглядывая окружающих ее уродцев. Прежде чем я успеваю ее остановить, Гленда подходит к одной из клеток и скребет за причудливым ухом то, что выглядит помесью Хадрозавра и человека. Оно урчит от удовольствия.

— Видишь, Винсент. Они нуждаются в любви, вот и все. — Лицо ее темнеет, и в голосе нарастает гнев: — А этот сукин сын Валлардо запер их тут.

— Согласен, он не прав и должен быть наказан, — говорю я, — но у нас нет на это времени. Давай же, Глен, идем отсюда.

Но Гленда, похоже, другого мнения. Она направляется к пульта управления у дальней стены, пробегает пальцами по кнопкам, и с каждым мгновением гнев ее нарастает. И вместе с яростью Гленды усиливается шум в клетках.

— Засранец думает, что может извращать природу, а потом сажать малышей за решетку? Это забавляет его?

— Глен, я действительно думаю, что пора тебе остановиться. — Уже гремят прутья, все существа проснулись, насторожились и бьются в своих клетках. Плач оборачивается воем и уже недалек от визга.

Но Гленда не слышит ни моих возражений, ни нарастающего гвалта. Она направо и налево щелкает переключателями, и мертвый до того пульт вспыхивает, ощутив прилив энергии. Я кидаюсь к ней, готовый немедленно прекратить, что бы она там ни задумала.

— Я покажу этому сукину сыну, как забавляться с генофондом, — визжит она. — Я ему покажу! — Вот теперь зверинец уродов дает себе волю по-настоящему, прыгает в своих клетках, словно стая обезьян, бросается на прутья, будто понимая, что близится избавление, что явился мессия, который освободит их из рабства.

— Гленда, не... — кричу я в тот момент, когда она бьет ладонью по кнопке, разом открывающей все клетки.

С диким воплем, способным посрамить Тарзана и всех его лесных друзей, с неба сыплется сотня ужасающих тварей, скачет по комнате, на Гленду и мне на спину. Нападение началось.

Моя первая мысль, что я составил себе неправильное мнение об этих существах, и на самом деле они не опаснее, чем блохи, улетучивается, как только первое из них принимается грызть мое ухо, срывая части облачения вместе с хорошим куском моей собственной плоти. Уже не задумываясь, я тянусь за спину, хватаю тварь за загривок — зубчатой шеи? — и швыряю прочь от себя. Она шмякается о дальнюю стену и падает на пол, после чего, неустрашенная, поднимается и снова кидается в свору собратьев.

Но на моем пути их множество, и они прыгают на меня, отталкиваясь от земли чахлыми извивающимися хвостами, кривя широко разинутые пасти, смыкая острые как бритвы зубы на моих глазах, лице и мягких тканях тела. Смертельная комбинация — человечески пальцы цепляются за меня, в то время как зубы дина делают свое черное дело. Сквозь суматоху я вижу Гленду, согнувшуюся под грудой тварей, и стараюсь отшвырнуть их как можно дальше, чтобы пробиться через комнату.

Мои когти, вылезшие через оболочку, словно шипы на розе, гребут всякую плоть, с которой вступают в контакт, а руками я отбиваю атаки спереди. Хвост, снова вырвавшийся на свободу, приходится кстати, чтобы отбивать противника, нападающего сзади, и хотя за две минуты я весь искусан и расцарапан, раздал все же больше, чем получил. Кровь на полу комнаты с клетками в основном не моя.

— Гленда! — пытаюсь я перекричать этот кошачий концерт, и слышу в ответ:

— Винсент!

— Как у тебя? — воплю я, преодолевая новую вспышку боли, на этот раз в запястье, опускаю глаза и вижу ряд зубов на бесформенном куске плоти, плотно сомкнувшихся на моей руке. Я трясую рукой, крутя бестию во все стороны, но она не ослабляет впившихся в мышцу челюстей. Когтем другой руки я пронзаю ей голову; взвизгнув, она разжимает зубы и падает на землю, мертвая.

И вот уже Гленда рядом со мной, еще больше, чем я, окровавленная, но оба мы живы, и оба устояли.

В углу.

Существа на минуту отступают, по меньшей мере семьдесят злобных маленьких гоблинов, каждый не более двух футов высотой, включая рога. Они все так же визжат и курлычат, словно стая голубей-мутантов, но теперь в этом гвалте слышится осмысленность, словно они как-то общаются между собой, планируя новую атаку.

— Ладно, я была не права, — признает Гленда. — Это не милые крошки.

Я быстро озираюсь. Стена за нами абсолютно гладкая, ни единой опоры для руки или ноги.

— Что теперь? Они загнали нас в угол.

И они, похоже, это понимают.

Мы с Глендой устремляемся влево, и они тут же перестраиваются, преграждая нам путь к бегству. Мы дергаемся вправо — результат тот же.

— Мы в ловушке.

Шум опять нарастает, существа снова жаждут крови. Двое в последних рядах стаи бросаются друг на друга, маленькие человеческие пальцы и маленькие когти дина бьются не на жизнь, а на смерть, мощные челюсти с убогими человеческими зубами инстинктивно тянутся к незащищенным шеям и главным артериям.

— Беги, — говорит Гленда.

— Что?

— Ты проходишь и запираешь за собой дверь. А я позабочусь... об этом.

— Тебя убьют.

— Может, и нет. Слушай, ты нарыл такую срань, что ее нельзя не остановить. Ты начал это расследование, тебе его и заканчивать. Здесь я заварила кашу, мне ее и расхлебывать.

— Но я не могу бросить тебя...

— Черт тебя возьми, Рубио, — давай! — И добавляет: — Найди эту, как ее там зовут. Забери ее в Лос-Анджелес. Назови в мою честь ребенка.

У меня нет времени спорить. Гленда кричит:

— Эй вы, мерзкие траханые гномы! Подходи, угощайся! — и отскакивает влево, лягаясь на лету, выставив когти навстречу десяткам тел, уже прыгающим на нее. Она тут же исчезает под массой увечной плоти.

В хаосе открывается лазейка, и я, не оглядываясь, устремляюсь в нее и со всех ног бегу к выходу. Один из младенцев вырывается из общей кучи и выскакивает вслед за мной из комнаты, прежде чем я успеваю захлопнуть дверь. Существо издает слабенький предупреждающий вопль — отрезанное от прочих детенышей, кричит оно скорее трогательно, нежели воинственно, — и тщетно пытается вцепиться мне в голень. Я дрыгаю ногой, существо летит к потолку и с глухим хлюпающим звуком падает на пол.

Прощай, Гленда. Поторопись туда, где все мы будем.

Я держусь правой стены, используя старый способ выхода из лабиринта, и вскоре жужжание становится громче. Беспорядочно распахивая двери, я брожу по клинике в высшей степени боеготовности. Запущенные части здания в конце концов сменяются более новыми, отделанными и чистыми. Я чувствую себя в достаточной безопасности, чтобы стянуть окровавленную маску, открыв при этом настоящие ноздри, и хорошенько принюхаться.

Снова запах хлора, на этот раз смешанный с розами и апельсинами, как я и ожидал. Анисовая настойка с пестицидами, запах Валлардо, тоже присутствует и, мне кажется, исходит из того же места. Как Мышь Полевая из мультфильма, ведомая ароматом великолепного городского праздника, я следую за своим носом дальше и дальше.

Пять минут спустя я захожу в главную лабораторию «детской клиники», раздавая улыбки, словно пробные бесплатные подписки на журнал. Теоретически по одной на клиента, но Валлардо и Джудит Макбрайд получают по дюжине. Оба они, увидев меня, бледнеют. Зеленая от природы шкура Трицератопа Валлардо не в состоянии скрыть потрясения: обесцветившись, она становится белесой, как у снежного человека. Будь у меня с собой фотоаппарат, мог бы заработать десяток тысяч долларов, предоставив бульварной газете доказательства его существования.

Все они — Валлардо, Джудит, Джейси (возникшая из-за спины доброго доктора) — оценивают мое появление. Я ощущаю на себе тяжесть их взглядов и немых вопросов. *Каков этот коренастый крепыш? Справлюсь я с ним в одиночку? Справимся мы все вместе?*

Я подавляю эти мысли в зародыше, щелкнув хвостом и заревев так, что чуть не лопаются даже мои собственные барабанные перепонки. Присутствующие шарахаются от меня.

— Вы даже не заперли дверь лаборатории, — укоряю я, понизив рык до разговорного уровня. — Я в вас очень разочарован.

Джейси подбегает ко мне, явно сомневаясь, как поступить. Обнять меня? Вытолкать за дверь? Она предпочитает остановиться на безопасном расстоянии и сказать:

— Винсент... ты должен уйти.

— Нет, — отзываюсь я. — На этот раз я дождусь окончания представления.

Я указываю на другой конец помещения, где разместился самый большой аквариум из всех, которые мне доводилось видеть. Лаборатория Эмиля Валлардо, доктора медицины, доктора философии, акушера-гинеколога, ничем не уступает увеселительным паркам «Морской мир». Со стеклянными стенами, более тридцати футов высотой, резервуар занимает половину площади лаборатории; туда можно вылить Индийский океан, и еще останется место для Лолиты, кита-убийцы.¹⁶ Но здесь нет Лолиты. Здесь не плавают рыбки и вообще нет ничего, чем можно было бы занять детишек, пока родители подрумываются в Буш Гарденс.¹⁷

В эту искусственную колыбель погружено яйцо, одно-единственное яйцо, фунтов, может, в двадцать, подвешенное в сетке на несколько футов ниже поверхности воды. Ослепительно белая скорлупа испещрена бурыми и серыми крапинками, и от каждой отходит электрод, проводом соединенный с компьютером, расположенным в непосредственной близости от воды. На мониторе, приделанном к краю резервуара, можно увидеть равномерно попискивающие диаграммы работы сердца и мозга.

На скорлупе уже появились трещины. Со своего места я вижу три. Подозреваю, что есть они и с другой стороны. Нечто хочет наружу.

— Когда ты собиралась рассказать мне эту часть повествования? — спрашиваю я Джейси, зная, что никогда.

— Я... я не могла, — признается она, оборачиваясь за поддержкой к Валлардо и Джудит. — Мы... мы втроем... приняли решение ничего не рассказывать.

— Мы не решали ничего. — Голос Джудит полон сарказма. — Ты решила, Джейси.

— Я сделала то, что должна была сделать, — парирует Колеофизис, на мгновение выпуская когти.

— Прежде чем мы начнем представление и вы двое тоже примете в нем участие, —

¹⁶ Знаменитый кит из Океанариума в Майами.

¹⁷ Зоологический и увеселительный парк на берегу океана в Майами.

объявляю я, — хотелось бы увидеть каждого в его естественном обличье. Всем, кому необходимо снять оболочку, сделайте это прямо сейчас.

Никакой реакции; они плятятся на меня, как будто я на иностранном языке говорю. Валлардо и Джейси уже до того сбросили свои костюмы; только Джудит Макбрайд остается в человеческом обличье. Меня это не удивляет.

— Ладно, я помогу, начну первым. — Со щегольством стриптизера я сбрасываю остатки одежды, кое-как отстегиваю корсеты и распускаю бандажи, являя миру свое истинное тело. Когти щелкают, хвост с удовольствием рассекает воздух, я реву своим ужасным ревом и скрежещу своими ужасными зубами, все только ради удовольствия.

— А теперь те, кто дин, поднимают лапу. — И чтобы как-то их расшевелить, тут же поднимаю свою. Вскоре все трое нерешительно поднимают передние конечности.

Я приближаюсь к Джудит Макбрайд, чью левую щеку светло восхитительно забавной судорогой, беру ее за руку и тяну вниз:

— Давайте же, миссис Макбрайд. Неужели истинное обличье приводит вас в замешательство?

— Я... я не знаю, что вы имеете в виду, — заикаясь, бормочет она. — Я Карнотавр, вам это известно. Вы слышали обо мне разные истории, видели фотографии.

— Что правда, то правда, — соглашаюсь я и, кивая как заведенный, принимаюсь описывать вокруг нее сужающиеся круги. Ах, если бы на мне была моя шляпа, мое пальто-тренч. Я подмечаю висящий рядом на крючке плотный белый халат и спрашиваю Валлардо, нельзя ли одолжить его на минутку. Он в таком замешательстве, что не спорит, так что я влезаю в длинный халат, ощущая на плечах его приятную тяжесть.

— Я видел фотографии, миссис Макбрайд, и ваши, и вашего покойного мужа. И вы представляли на них превосходной четой Карнотавров. И разумеется, я слышал истории. Слухи. Рассказы о Карнотавре Раймонде Макбрайде и его выдающемся окружении друзей-динов. Артисты, бизнесмены, государственные деятели. Очень солидно.

— Винсент, мне кажется, сейчас действительно не время... — пытается вставить слово Джейси.

— Но должен вам сказать, за долгие годы я получил немало травм и не могу столь безоговорочно, как прежде, доверять своим органам чувств. К примеру, я не слишком полагаюсь на свои уши с тех пор, как около десяти лет назад слегка поохотился вместе с ватагой людей. Охотие до огнестрельного оружия ублюдки стреляли по оленям боеприпасами огромного калибра прямо у меня под ухом. Три дня и бог знает сколько выстрелов спустя я едва не утратил весь верхний диапазон моего слухового регистра. Вы говорите, я слышал истории, ну да, я их слышал, но это не значит, что я *поверил* услышанному. Мои глаза? Забудьте о них. Какое-то время я водил машину с испорченным зрением, пока не поумнел и не проверил его, так позвольте вам заметить, что в половине случаев я понятия не имел, стою ли перед красным светофором или смотрю скучнейшее лазерное шоу. У меня контактные линзы — толстые, как бутылка колы, такое, знаете, плохое зрение. Так что эти ваши с Раймондом снимки, где вы так славно расфуфырены, словно Карнотавры, за которых себя выдаете, эх, может, я и не видел их, как следовало их видеть. Так что я никак не могу *поверить* увиденному. Вкус? Лучше даже не начинать. Я люблю пряную еду, привычка у меня такая, но она загубила мои вкусовые рецепторы. После десяти лет джамбулайи¹⁸ тетушки Мардж, хм... в общем, ему я тоже не могу доверять. Осязание? Ну, до этого мы с вами не дошли. Но хоть бы и так, есть в этом мире соляные впрыскивания, есть силикон, есть поливолокон, значит, и осязание не гарантирует достоверности, так ведь? А потому на самом деле у меня остается всего один орган, и в результате приходится полагаться на него больше, чем на все остальные. Уверен, что это вы понимаете. Носом я зарабатываю на жизнь, миссис Макбрайд, и настоящий дин никогда, никогда не забывает

¹⁸ Приправленное душистыми специями рагу из креветок, томатов, устриц и риса.

запах. Его нельзя подделать, хотя, как вам известно, можно постараться. Можно изо всех сил постараться. Но в конце концов...

Не обращая внимания на ее жалобы и возражения, на ее руки, колотящие меня по лицу, я захватываю шею Джудит Макбрайд в замок и свободной лапой прихватываю толстый пук волос у нее на затылке. Я без труда нахожу искомое приспособление, приклеенное знакомым эпоксидным клеем, и отрываю его. Она визжит от боли.

Мешочек заполнен хлорным порошком с высохшими розовыми лепестками и апельсиновой кожурой: смесь, испускающая синтетический запах динов благодаря постоянному электрическому току от крошечной батарейки, соединенной с мешочком тонкими медными проводами.

Помахивая у нее под носом ароматической подушечкой так, словно в руках у меня кусок вонючего дерьма, я рычу:

— Вот и весь ваш запах, мешок с химикалиями, и это единственное, чем вы отдаленно напоминаете одного из нас. Мне кажется, что и муж ваш был таким же, не правда ли, миссис Макбрайд? Вы не дин, — голос мой преисполнен отвращения. — Вы... вы всего лишь обыкновенный человек.

Звучит душераздирающая музыка, реприза.

Абсолютный триумф. Джудит слова не в состоянии вымолвить, только открывает и закрывает рот, открывает и закрывает. Веки ее дрожат. Проклятая человеческая особь, мне следует прикончить ее на месте, и не только по долгу, но чисто из принципа. Так мне врать, гоня туда и обратно через всю страну!

Но тут все это прерывает Валлардо, резким всхлипом привлечший внимание как истинных, так и псеводинов.

— Яйцо, — благоговейно шепчет он. — Время пришло.

Все как один мы устремляем взгляды к одинокому обитателю гигантского резервуара. Несколько трещин, которые я заметил прежде, разошлись паутиной по всей поверхности яйца и разрастаются с каждой секундой. Когда Валлардо набирает несколько команд на компьютере у резервуара, начинает жужжать динамик, усиливая звуки происходящего в воде. Потрескивание, похрустывание и... неужели это плач?

— Давай, малыш, — бормочет Джейси. — Ты сделаешь это. Вылезай к маме.

20

Валлардо неуклюже кидается к стенке резервуара и приводит в действие систему блоков: тянет за веревку и наматывает ее на барабан. Левая сторона гамака, в котором лежит яйцо, чуть приподнимается над водой, но теперь, чтобы сохранилось равновесие, нужно поднимать правую.

— Другую сторону! — вопит Валлардо, и у меня такое ощущение, что он обращается ко мне! Я не для того сюда пришел, чтобы помогать при родах, но если в финале моего расследования слегка займусь акушерством, хуже никому не будет.

— Что теперь? — спрашиваю я, ухватившись за веревку. Я стою под острым углом к гамаку, так что яйцо в окружении воды кажется расплывчатой кляксой. Однако через усилитель я по-прежнему слышу хруст, а значит, процесс иод скорлупой продолжается.

— На счет три, — кричит мне Валлардо, — тяните до желтой отметки на веревке! — Я поднимаю глаза — десятью футами выше веревка меняет цвет на коричнево-желтый — и кричу в ответ, что готов. Валлардо считает, и мы поднимаем гамак.

Веревка идет гораздо легче, чем я ожидал. Настроив мышцы на более серьезное усилие, я делаю рывок, правый край гамака задирается над левым, и яйцо начинает соскальзывать...

— Нет! — взвизгивает Джейси, бросаясь к еще одной веревке со стороны Валлардо.

Теперь дополнительное усилие Джейси поднимает выше ее край, что тут же заставляет упереться меня, и какое-то время мы беспорядочно дергаем за свои веревки, стараясь выровнять еще не родившееся существо, перекатывающееся по гамаку.

— Осторожно, — вызывает Валлардо. — Не дайте ему скатиться!

Джейси закрепляет свою веревку, несет ко мне и отвешивает добрую пощечину:

— Ты специально это сделал. Ты хочешь, чтобы он умер.

— Ничего такого я не хочу. Единственное, чего я хочу, это чтобы миссис Макбрайд предстала перед Национальным Советом, и пусть они сами решают, как поступить с ней. Удивляюсь, почему ты до сих пор ее не убила.

— Она чуть не убила меня, — отвечает Джудит. — Но мы пришли к небольшому соглашению.

Мы поворачиваемся к самозванке и обнаруживаем, что Джудит вытащила револьвер. Так я и знал: плохие всегда так поступают. Но я не ожидал, что револьвер настолько... велик. Чудовищная пушка оттягивает ей руку, хрупкое человеческое запястье дрожит, сию секунду держа оружие прямо. Взмахом ствола Джудит приказывает мне отойти от аквариума, Джейси и Валлардо неохотно следуют за мной.

— Яйцо... — подает голос доктор. — Мы должны наблюдать за ним.

— Я буду наблюдать за яйцом, — выпаливает Джудит. — Это мой ребенок, и я способна о нем позаботиться.

Джейси теряет голову, внезапная вспышка ненависти кидает ее через всю комнату, хвост со свистом сечет воздух, зубы оскалены; она пролетает мимо так быстро, что я успеваю заметить лишь бурую расплывчатую полоску ярости, мелькнувшую у моего лица. Все происходит, словно в замедленном изображении, только без комментария: взорвавшиеся рефлексы Джудит, поднимаемый револьвер, жерло ствола размером с хула-хуп, круглое, явно заряженное и готовое выстрелить — мои легкие парализованы и не способны на выдох, с которым я мог бы крикнуть формальное «нет!» — Валлардо бросается к резервуару, готовый встретить пулю, стрелу, боеголовку, что угодно, лишь бы защитить стекло, — палец Джудит, с силой жмущий на спусковой крючок, ее губы, сомкнувшиеся в торжествующей гримасе...

И еще одно пятно, совершенно неожиданное, — расплывчатое существо с очертаниями Хадрозавра вламывается в двери лаборатории и устремляется к Джудит Макбрайд. Выстрел оглушительным эхом взрывается в моих и без того израненных ушах.

За моей спиной острой белой шрапнелью разлетаются куски штукатурки. Один из обломков врежется в мой хвост. Я не обращаю на это внимания.

Гленда вскакивает, швыряя револьвер Джудит в дальний угол лаборатории, нога ее крушит грудную клетку миссис Макбрайд. Человек с шумом выдыхает воздух и скручивается в позе зародыша.

— Какого хрена у нее эта пушка? — вопрошает окровавленная Гленда, поворачиваясь ко мне.

Я пожимаю плечами. Гленда вновь устремляется к Джудит, наклоняется, хватая вдову за щеки и тянет на себя:

— Какого хрена у тебя эта пушка?

Единственный ответ Джудит — стон, полный боли.

— Гленда, ты... ты в порядке?

— Не скажу невредима, но, представь себе, жива. До чего мерзкие маленькие твари сидят у вас в клетках, док.

Выражение лица Валлардо не меняется, оставаясь непроницаемым.

— Что с яйцом, доктор?

— Состояние стабильное, — отвечает он. — Еще не время.

— Тогда я продолжу с того места, на котором мы прервались. Остановите меня, если что-то покажется неясным.

Убедившись, что мое лабораторное тренч-пальто плотно затянуто на талии, я неспешно подхожу к Джейси и кладу ей на плечо переднюю лапу:

— Должно быть, утомительно все время что-то придумывать. Ложь отнимает немало сил.

Она пытается меня перебить, начав: «Винсент, я...», — но, как и было обещано, я не обращаю на это никакого внимания.

— Не беспокойся. Я расскажу все как было, и не перебивай меня, даже если слышала это прежде. Большая часть из того, что ты мне рассказывала, чистая правда, — начинаю я, обращаясь непосредственно к своей разовой (но в пяти сериях!) любовнице. — Ты только упустила несколько ключевых деталей. Да, у Джудит Макбрайд был роман с Донованом, да, тебе предложили выдать себя за человека, чтобы заманить Раймонда в ловушку, расставленную Советом. Возможно, ты не врала и сказав, что вспылала к нему страстью, все это очень мило и замечательно. Скажу тебе, что сам я влез в это дело по чистой случайности, — знаешь об этом? Меня наняла страховая компания, которой надлежало выплатить Доновану Берку ущерб, нанесенный пожаром в «Эволюция-клубе». Поверь, я и понятия не имел, куда это заведет. Но все было очень подозрительно с самого начала — пожарные машины, вызванные прежде, чем кто-либо из свидетелей заметил пламя. Словно кто-то желал, чтобы пожар уничтожил только одно помещение, не успев распространиться на все здание. — Здесь я делаю паузу в ожидании протестов сообщников.

— Мы не хотели, чтобы кто-нибудь пострадал, — в конце концов подает голос Джейси. — Особенно Донован.

— Но вам нужно было уничтожить бумаги, не так ли? И замороженный эмбрион. Теперь, имея здесь этого младенца, ты должна была избавиться от всех прочих свидетельств. Почему ты просто не попросила Донована вернуть их?

— Да, да, что ж... Он не хотел мне их отдавать, — отойдя от компьютера, вступает в разговор Валлардо. На заднем плане я вижу хрупкую яичную скорлупу, разрушающуюся под напором существа, в ней заключенного. Теперь недолго осталось. — Все очень просто, да? Он рассчитывал держать меня под контролем, — продолжает Валлардо, — а еще хотел уберечь меня от неприятностей. Донован был... очень предан.

— Ха! — фыркает Джейси и ничего к этому не добавляет.

Я снова поворачиваюсь к Валлардо:

— Предан, не сомневаюсь. Особенно после того, как вы финансировали покупку клуба в Лос-Анджелесе. Вам нужно было место для хранения копий ваших трудов, укромный уголок, а ему нужна была новая работа. Кому придет в голову искать столь неоднозначные труды в лос-анджелесском ночном клубе? Что может там случиться страшней возни в кабинке сортира? Но истинный вопрос в том, почему вы вообще занялись этой работой. И для этого нам придется вернуться еще немного назад. — Вытянув пальцы словно для того, чтобы пощелкать костяшками, — на самом деле я не могу ими пощелкать, поскольку плотные суставы Раптора не пропускают достаточно воздуха, — я подхожу к Джудит, в той же позе лежащей на полу, и тяну ее за ногу. Она оседает в моих руках, но я уверен, что она все слышит и, наверное, может даже говорить. — Как давно вы с вашим мужем начали притворяться динами? — При этих словах Гленда чуть в обморок не падает.

— Притворяться? — переспрашивает она. — Похоже, я уже ни во что не врубаюсь.

— Все именно так, как ты слышала. Мы каждый день влезает в личину людей, а она при необходимости становилась дином. По крайней мере пятнадцать лет все думают, что она Карнотавр, наряженный степенной вдовой, когда на самом деле она кусок дерьма, наряженный Карнотавром. — Я хватаю складку кожи под локтем Джудит и рву на себя; она не поддается, и женщина визжит. Гленда, постепенно начиная понимать, что к чему, тоже принимается терзать человеческую кожу.

— Так, скажите прямо... это человек, притворившийся дином, притворившимся человеком?

— Вот именно, — киваю я, после чего Гленда отбрасывает все претензии на благовоспитанность и рвется к горлу Джудит, сорвав с себя маску с проворством, доселе мною не виданным. Просто рекорд разоблачения, достойный Книги Гиннесса. Но я разворачиваю Джудит подальше от столь внезапно появившегося утиного носа Хадрозавра и оттаскиваю ее к дальней стене.

— Прочь с дороги, Винсент! — рычит Гленда. — Мы должны убить ее, таковы правила. Она человек, она все знает, она должна умереть.

— Я знаю правила, Глен, можешь мне поверить. Но это особая ситуация. Мы должны представить Джудит перед Советом. Они решат, что с ней делать. — Я смотрю Гленде в глаза, умоляя о временном снисхождении. Я должен еще заполнить кое-какие пробелы в досье по этому делу. Гленда неохотно отступает, короткой бурой лапой вытирая истекающий слюной клюв. Придется глаз с нее не спускать — ей все же не терпится узнать вкус крови Джудит. — Мне бы очень хотелось выяснить, как она вообще узнала о нашем существовании. Кто проболтался? — Я снова разворачиваю миссис Макбрайд и заглядываю в ее пустые глаза. — Не хотите меня просветить?

— Это его Ба-Ба, — вмешивается Джейси.

— Какая еще, к черту, Ба-Ба?

— Так он звал свою приемную мать. По-детски произносил ее имя Барбара. Родители Раймонда умерли, когда он только начал ходить, и его взяла к себе лучшая мамина подруга, которая оказалась Карнотавром. Он о ней особо не рассказывал, но я знаю, что она растила его, как дина, учила делать мешочки с запахом, объясняла, как себя вести, облачаться, представляться в обществе динов. Он встретил Джудит, когда та работала официанткой в Канзасе, познакомил ее с единственной жизнью, которую знал по-настоящему — жизнью динов, — и предложил решать, кем им быть дальше, людьми или псевдолюдьми. Они решили вести себя, как дины, и отправились в Нью-Йорк в расчете найти там немало представителей их — то есть нашего — рода. Раймонд преуспевал в бизнесе, Джудит в общественной жизни, и все это благодаря связям с динами. Смена рода может принести немалую выгоду.

Поблагодарив Джейси за участие в вечернем симпозиуме, я снова беру инициативу в свои руки, страстно желая продемонстрировать всем присутствующим мои способности к раскрытию преступлений.

— Едва переступив порог вашего кабинета, я сразу понял: здесь что-то не так, — обращаюсь я к Джудит, — но я не смог определить, что именно. Ваш запах был необычен, разумеется, но не настолько необычен, чтобы сразу привлечь мое внимание. Я представился секретарше Донованом исключительно для того, чтобы проникнуть в ваше святилище, и был уверен, что как только вы примнохаетесь ко мне, обман тут же раскроется. Но мы провели вместе добрую минуту — мы даже обнялись! — а вы все еще думали, что я Донован, натянувший на себя другую человеческую оболочку. Вот здесь-то и возникли у меня первые подозрения, хотя осознал я их значительно позже, — вы не чувствовали моего запаха! Когда я спросил вас о запахе Джейси, чтобы получить хоть какой-то след, вы снова уклонились от прямого ответа. Вы не могли мне ответить, как она пахнет, потому что не знали этого. Примитивные человеческие носы ни на что не способны. Очередную улику я обнаружил в доме Дана Паттерсона. Вы ведь помните Дана Паттерсона? Сержанта лос-анджелесской полиции, которого вы убили? Неплохо придумано, приказать своим головорезам изобразить ножом отметины, будто бы сделанные дином, но даже такой убогий криминалист, как я, с десяти футов отличит ножевое ранение от следов когтей.

— Она не собиралась причинять ему вред, — замечает Джейси. — Ей нужны были только бумаги.

— А Надель?

— Он хотел передать тебе фотографии. Подлинные снимки.

— А Эрни? Ему она собиралась причинять вред?

Джейси отворачивается:

— Я только потом узнала об этом.

— После того, как она убила его?

— Да.

— Как вы сделали это? — спрашиваю я, на этот раз сам готовый вонзить зубы в Джудит Макбрайд. Я еще сильнее сжимаю ее шею, и стоит мне нажать чуть левее, сверну ее

одним движением. — Как — вы — сделали — это?

— Она сказала мне... — снова подает голос Джейси.

— Тобой я займусь чуть позже, — монотонно произношу я, стараясь удержать нарастающую ярость ниже критического уровня. — Сейчас я разговариваю с человеком. — Я возвращаюсь к Джудит: — Говори или умрешь прямо сейчас, и пошел он, этот Совет.

— Это было нетрудно, — вздыхает Джудит. — Несколько ударов по голове, фальшивые свидетельские показания.

— Зачем?

— Он подошел слишком близко. Вам повезло с теми двумя идиотами в машине, иначе отправились бы следом.

Я швыряю Джудит на пол и хожу взад-вперед у ее распростертого тела. Мне нужно взять себя в руки и вернуться к делу.

— Итак, в берлоге Дана я обнаружил мешочек со следами хлора и сопоставил эту находку с принадлежностями для бассейна, которые вы сегодня получили. — Я не спеша подбираю с пола мои скомканные штаны, роюсь по карманам и, вытащив желтую записку, протягиваю ее Джудит. Она машинально берет листок, но, похоже, не видит написанного. — Два пакета, внизу, в приемной, — сообщаю я ей. — Работает до девяти. Так что же все это значит? — напыщенно вопрошаю я присутствующих. — Это значит, что Джудит — человек, что Раймонд был человеком и оба они в действительности лишь прикидывались существами другого рода, причем этим другим родом были мы, дины. — И продолжаю, все более расходясь: — Джудит слегка загуляла с Донованом, так что на самом деле именно она финансировала ваши эксперименты, не правда ли, док? Именно Джудит, а не ее муж заболела синдромом Дресслера. Она возжелала ребенка — получеловека, полудина. Наконец-то сраженный Валлардо кивает:

— Она искала возможность родить ребенка от Раптора, да. Но это не сработало.

— Почему?

— Семя динозавра, человеческое яйцо. Утробный процесс протекал некорректно и... Чтобы гибриды должным образом развились в течение периода созревания, десятимесячного у динов, да, необходимо человеческое семя и яйцо динозавра с твердой внешней оболочкой. Иначе...

— Иначе рождаются уроды. Как те, которых вы держите в клетках. Или тот, что напал на меня у клиники.

Валлардо снова кивает:

— Мои ранние эксперименты. Не хватило духу их уничтожить.

— О да, — хмыкает Гленда. — Доктор у нас сама душевность.

— Когда Джудит поняла, что не сможет иметь своего собственного ребенка от дина, она решила, чтобы добрый доктор использовал яйца Джейси — уже отобранные и замороженные со времени экспериментов с ней и Донованом — и плодородное семя ее мужа. Это бы не был ее ребенок генетически, но достаточно к тому близко. Валлардо бы сделал ребенка, Джудит растила его как своего, и все шито-крыто. А затем... ну, я целый день могу гадать и гадать, но не приблизиться к истине. Почему бы тебе нам ее не поведать, Джейси?

— Если ты сам все так хорошо знаешь... — с горечью произносит она.

— Я бы предпочел, чтобы ты нам рассказала. Всегда приятней узнавать из первых рук.

Мы все не отрываем глаз от Джейси, и мне кажется, что давление наступившей тишины одолеет ее нежелание говорить. Она начинает:

— Я пришла к Раймонду только для того, чтобы поздравить его с праздником. Это был канун Рождества, и офис уже опустел — все здание, — но Раймонд работал как обычно, заканчивая в последнюю минуту какие-то неотложные дела. Некоторое время я приставала к Раймонду, уговаривая вместе встречать Новый год. Он не знал, как отвертеться от празднования со своей миссис, — полные ненависти взгляды Джудит и Джейси сталкиваются посреди комнаты и взрываются, никому не причинив вреда, — так что я

помогла ему придумать... отговорку. Не знаю, что заставило меня сделать это, но когда мы сидели за его столом, я у него на коленях, смеялись, радовались праздникам и нашему ребенку и тому, какая чудесная нас ожидает жизнь, я ощутила такую... я не хочу сказать любовь, но близость. Что бы это ни было, я рассказала ему. Правду.

«Я должна тебе кое-что показать, — сказала я ему, а он засмеялся и спросил, не собираюсь ли я раздеться. — В некотором смысле», — ответила я. Потом я вышла на середину комнаты, сбросила всю одежду и сняла облачение. Я стояла там, голая Колеофизис, и ждала его реакции.

Раймонд был спокоен. Очень спокоен. Мне казалось, что он сдерживает ярость и вот-вот вышвырнет меня, позовет охрану... Но теперь я понимаю, что он обдумывал свой собственный выбор. Он позвал меня к столу, усадил и рассказал свою историю. Как он рос. Откуда он. И кто он на самом деле.

Он хотел заключить соглашение между людьми и динами, познакомить свой род с нашим, так чтобы это произошло как можно менее болезненно. Он говорил, как его воодушевляет перспектива стать тем, кто откроет миру наше существование. Вытащить нас из «чулана», как он выражался, было его заветной мечтой, и он хотел, чтобы я помогла ему в этом.

Не знаю, ждал ли он от меня радости, потрясения, страха, да, честно говоря, я и сама не понимала, какие испытываю чувства. У меня не было времени подумать; ты сам знаешь, как это бывает. Уж я-то знаю, что ты знаешь, как это бывает. Все мы, прежде всего, заложники своего инстинкта, все мы вынуждены нести этот крест — Винсент, ты пытался меня убить, когда принял за человека, увидевшего тебя без облачения; сейчас мы видели реакцию твоей подруги на Джудит. Это от рождения, и, более того, мы учимся этому с первых дней: если человек узнал, человек должен умереть.

Я плохо помню, как набросилась на него. Честное слово. Я помню только, что пришла в себя в луже чужой крови и увидела мертвого Раймонда, человека, которого я полюбила. Однако инстинкт во мне не утихал, так что я привела себя в порядок, села в кресло Раймонда и принялась ждать Джудит, которая, как мне было известно, вскоре должна прийти.

Я собиралась убить ее, покинуть офис и скрыться за границей: на Ямайке, Барбадосе, Филиппинах. Я слышала, в Коста-Рике довольно много динов. Я хотела жить подальше от людей; я уже достаточно натерпелась от них в своей жизни.

Джудит начинает приходить в себя и, переводя настороженный взгляд с меня на Джейси, медленно встает:

— Как только я вошла, она бросилась на меня. Чуть в горло не вцепилась.

— Твое счастье, что я на месте тебя не прикончила, — огрызается Джейси и снова обращается ко мне: — Но она отскочила и успела сказать мне о ребенке. — И добавляет, оглядываясь на Джудит: — *Моем* ребенку. Она сказала, что продолжит финансировать эксперимент, а когда родится ребенок, я смогу взять его себе. Убей я ее, эксперимент бы закончился. Расскажи я все Совету, они уничтожили бы яйцо и бумаги доктора Валлардо. Так что мы заключили сделку.

Джейси глубоко вздыхает и оглядывает публику, которую так ловко держала в своих бурых мясистых лапах.

— Вот, собственно, и все. В тот вечер, когда ты явился в ночной клуб и я получила письмо от доктора Валлардо, тревога оказалась ложной.

— В районе латерального экватора яйца отмечались толчки, — оправдывается доктор. — Я решил, что лучше будет пригласить вас.

— Что бы там ни было, тревога оказалась ложной, — повторяет Джейси. — Но я все время находилась в контакте с доктором Валлардо, и прошлой ночью... нет, прошлая ночь была чудесна, Винсент. Я бы ни на что на свете ее не променяла. Но когда я позвонила доктору и он сказал, что все началось и мне нужно вернуться в Нью-Йорк... Можно ли винить меня за то, что я не могла пропустить...

— Конечно нет, — искренне отвечаю я. — Не надо было только меня какой-то дрянью

накачивать.

— Вынужденные предосторожности, — объясняет Джейси.

Я снова принимаюсь мерить шагами комнату.

— Доктор, Джейси, в течение ближайших недель вам придется предстать перед Национальным Советом. Думаю, им тоже захочется услышать эту историю. И пожалуйста, никаких неожиданных отпусков. Миссис Макбрайд, я намерен взять вас с собой в Лос-Анджелес, и там мы посмотрим, как отнесется департамент к убийце полицейского. Гленда, поможешь?

Мы с Глендой крепко хватаем миссис Макбрайд за вялые предплечья. Она не сопротивляется.

— Началось! — Внезапный крик Валлардо эхом разносится по лаборатории в сопровождении рвущегося из динамиков булькающего визга. Треск тоже усиливается, наполнив комнату горячим белым шумом, за которым следует вопль Джейси. Материнское счастье? Фантомные родовые боли? — Нужно поднять его выше! — кричит Валлардо, дергая блок, на котором висит гамак. — Он должен выскочить из воды! — Мощный рывок — я бегу к другой веревке и тяну изо всех сил — что-то не так, что-то... скрипит?

Веревка рвется. Блок не держит. Гамак обрушивается.

Джейси визжит, на этот раз явно не от счастья, и несется к дальнему краю резервуара, в то время как Валлардо силится устоять. Оба они кидаются на лестницу, приделанную к стеклянной стенке, и пытаются перелезть через бортик; Джейси, благодаря длинным ногам Колеофизиса, добивается большего успеха, нежели тучный, приземистый Валлардо, и ныряет в бассейн. Валлардо взбирается несколькими секундами позже и тоже плюхается в воду. Теплая вода выплескивается из аквариума и брызгает мне на лапу; приятное ощущение напоминает о том, как я люблю плавать.

Гленда, Джудит и я благоговейно наблюдаем через стекло за Валлардо и Джейси, дивясь их фантастическому мастерству по части водного балета. Валлардо ныряет, отстегивает гамак, который теперь только мешает, и старается удержать яйцо над головой, исступленно дрыгая ногами и коротким, будто обрубленным хвостом.

Подводные микрофоны доносят до нас звуки борьбы: хрипы и стоны мешаются с треском яичной скорлупы. Джейси помогает Валлардо, стиснув яйцо длинными бурыми пальцами, делая все, чтобы удержать на поверхности своего ребенка, а пронзительный щебет, нечто среднее между человеческим плачем и брачным зовом канарейки, становится все громче и громче.

Мы же, Гленда Ветцель, Джудит Макбрайд и я, наблюдающие через стекло, слушающие через усилитель, делаемся невольными свидетелями появления на свет первого на этой планете существа — успешного результата межродового скрещивания.

С последним хрустом яйцо уступает: белок, затуманивая воду, вытекает в аквариум, скорлупа разбивается на тысячу осколков, опускающихся на дно, словно разлетающийся от костра пепел.

— Ты видишь его? — спрашиваю я Гленду, не отводя глаз от заметно помутневшей воды.

— Нет, — отвечает она, и я понимаю, что она тоже заморожена этим зрелищем. — А ты?

— Угу. Джудит? — Нет ответа. — Джудит, вы видите малыша? — Опять ничего. Я поворачиваюсь к нашей пленнице, чью руку в какой-то момент отпустил. Она исчезла. — Глен, мы упустили...

Меня заглушает пронзительный визг, душераздирающий демонический вопль, от которого по всему телу пробегают невидимые пауки. Он доходит, десятикратно усиленный динамиками, и это значит, что доносится он из резервуара, а это, в свою очередь, значит...

Он исходит от младенца. Вода, брызжащая через край, совсем мутнеет от сгустков последа, но сквозь колыхание я различаю гибкие очертания по-прежнему барахтающейся Джейси, и когда она появляется на поверхности, успеваю бросить взгляд на новорожденного.

Больше мне и не нужно.

Тонкие серые когти на хилых ручонках, перепонки между усеянными коричневыми точками отростками плоти, судорожно хватающими незнакомый воздух. Это пальцы, словно обрубленные, выросшие не более, чем позволили им выступившие по бокам когти. Шершавые чешуйчатые пятна сменяются гладкими безволосыми участками; это и не шкура, и не кожа. Выпирающий позвоночник туго натягивает эту тонкую оболочку, будто бы уродство описано шрифтом Брайля, и можно различить отдельные позвонки, поднимающиеся и опускающиеся, как клавиши пианиста, наярывающего диксиленд. С конца позвоночника свисает тонкий хвост, не более чем костная жила, по меньшей мере удваивающая длину младенца.

Перекореженное туловище напоминает длинный иссиня-черный продолговатый кусок жженой резины, раздувшееся брюхо, ходящее взад-вперед, бултыхающееся, дергающееся, натягивает кожу по бокам. Другой набор когтей, длиннее, темнее, беспорядочно вылезает из культишек, возможно представляющих собой пятипалые ступни, стремительно втягивающиеся и вытягивающиеся, втягивающиеся и вытягивающиеся.

И голова, о та голова, наслоение всех мыслимых и немыслимых черт: вдавненные ноздри, выпученные желтые глаза, ушей практически нет, если не считать единственной мочки, криво свисающей с левой щеки, рыло скошено вниз под ортопедически неправильным углом, несколько уже прорезавшихся зубов вот-вот пробуравят челюсть.

Это смесь всех уродств, виденных мной доселе, но при этом совершенно ни на одно из них не похожая. Младенец прекрасен. Я в ужасе. Я не могу оторвать глаз.

И Джейси Холден счастлива как никогда; исчез затравленный взгляд, возвещающий: «Я больше здесь не могу», и теперь в глазах ее удовлетворение и воля. Продолжая барахтаться, Джейси торжествующе, словно завоеванный трофей, вздымает над головой своего ребенка.

Звучит выстрел — грохочет, — заглушая усиленные шумы послеродовой эйфории, и от неровного отверстия в стеклянной стенке над самым уровнем воды паутиной расходятся трещины. Мы резко оборачиваемся к дальней стене лаборатории, откуда донесся выстрел.

Это Джудит. И снова у нее револьвер. Она целила в младенца. Или в Джейси. Это не имеет значения, потому что она собирается выстрелить еще раз.

Теперь у Гленды есть все основания наброситься на женщину, от которой она с таким трудом оторвалась прежде, и я на этот раз останавливать ее не намерен. Гленда прыгает через всю лабораторию, заостренный клюв готов вонзиться в податливую плоть. Но Джудит снова поднимает револьвер — Джейси, в ужасе за две жизни, не имеет другого выбора, как нырнуть, прижимая младенца к груди — Валлардо также с головой погружается в воду — а я? Ах черт, я стою как вкопанный.

Я способен лишь выдавить из себя:

— Гленда, револьв... — прежде чем лабораторию сотрясает второй выстрел. Мгновение спустя Гленда, будто толстяк на диете, давший себе часовую отсрочку в буфете Лас-Вегаса, погружает зубы в сочную человечью шею, выискивая драгоценные артерии, откуда хлынет кровь и жизнь вместе с нею.

Я бы бросился на помощь, я бы действительно бросился, но, желая удостовериться, что Джейси и Валлардо целы и невредимы, оборачиваюсь и застываю, не в состоянии отвести глаз от длинных трещин, ползущих по всему резервуару, увеличивающихся, выбрасывающих все новые и новые ветви. Вода сочится, вода напирает, стекло прогибается, и прежде чем я успеваю скомандовать ногам: «Бегите, глупые, спасайтесь!», стены раскалываются, настежь открывая шлюзы.

Я хотел поплавать; теперь у меня есть такая возможность. Гленда, Джудит, Валлардо, Джейси, новорожденный, лаборатория — все исчезает под низвергающейся толщей, и привинченные к полу столы превращаются в искусственные рифы этого новоиспеченного океана. Я борюсь с волной, меня затягивает под воду, воздух бурлит в легких и рвется наружу. Я пытаюсь выплыть... и врезаюсь головой в пол. Ложное направление. Я плыву в

другую сторону и вскоре вырываюсь на воздух, жадно глотая кислород.

Накатившая вторая волна заливает мой разинутый рот. Я давлюсь и снова ухожу под воду, лихорадочно ища поблизости опору. Как говорят — в третий раз не выплывешь? Тогда мне больше не стоит. Ценой невероятных усилий я изгибаю хвост и опять вылетаю на поверхность, едва избежав столкновения с очередной волной. Осколки скорлупы проносятся мимо меня, словно обломки кораблекрушения, и я сопротивляюсь новому валу, тянущему меня к смерти.

Дверь в лабораторию открыта, и вода, закрутившись в водовороте, устремляется в коридор. Меня несет к этой опасной зоне, но я бьюсь, как лосось, идущий на нерест против течения, и хватаюсь за все, что попадается. Кажется, на другом конце лаборатории я вижу конечности, молотящие по воде точно так же, как мои собственные, но жалаящая пелена на глазах не дает рассмотреть ни форму, ни цвет.

— Гленда! — кричу я, и клокочущая в горле вода превращает мой зов в «Бленда!», но ответа не получаю. Ничего не выходит и с «Блейби», и с «Бабларбо», и с «Блудибт». Ухватившись за ручку бунзеновской горелки, я удерживаюсь на одном месте и жду, пока стихнет шторм, тратя все силы на то, чтобы голова оставалась над водой.

Со временем основная масса воды вытекает из лаборатории, и я стою по колено в смеси жидкости, битого стекла и осколков скорлупы.

— Есть кто-нибудь здесь? — пытаюсь я позвать, но с удивлением обнаруживаю, что не издаю ни звука. В горле скопилась вода. Кажется, я не дышал больше минуты.

Встревоженный тем, что не заметил этого раньше, я перегибаюсь через разбитый стул и испытываю на себе метод Хаймлиха. Используя этот метод, дины должны нажимать на живот значительно выше, чем люди, но я учил это давным-давно и не слишком прилежно — лучше не спрашивайте. Струя выстреливает из меня на добрые четыре фута, добавив в лужи еще несколько миллилитров, и я снова могу вдохнуть полной грудью прекрасный спертый воздух.

— Есть кто-нибудь здесь? — пробую я вторично. Мой голос слабее, чем хотелось бы, но, по крайней мере, слышен. Никакого ответа, если не считать шипения закороченных динамиков. Хорошо, что они установлены высоко на стене, так что искры не попадают в этот новый аквапарк, иначе я бы засиял, как новогодняя елка в Рокфеллеровском центре.

Стараясь избегать участков повышенной опасности, я тяжело шагаю из лаборатории в сырые больничные вестибюли, тщательно очищенные наводнением; стремительный поток смыл всю грязь со стен. На ходу я выкрикиваю имена и, осмотрев несколько пустых комнат, уже начинаю переживать, что я единственный, кто остался в живых, как вдруг слышу свое имя, донесшееся из параллельного коридора. Я кидаюсь на голос... и вижу Гленду, лежащую в натекшей с нее луже, улыбающуюся мне, с трудом переводящую дыхание; на клюве ее капельки воды вперемешку с кровью.

Джудит Макбрайд тоже здесь, лежит на ветхом дубовом письменном столе, обмякшая и бездыханная. Руки ее вывернуты, ноги изогнуты под невероятным углом, голова повернута так, что лица я не вижу.

— Это поток ее так? — спрашиваю я.

— Это я ее так, — отвечает Гленда, поднимается, подходит к Джудит и поворачивает ко мне голову вдовы. На ее горле ясно видны три огромные раны от укусов, а почти всю кровь смыло за последние несколько минут. Уверен, ей было не слишком больно и все кончилось в одно мгновение.

— Она знала, Винсент. Сука должна была умереть.

— Ты поступила правильно, — пытаюсь я избавить Гленду от угрызений совести. Убить кого-то, пусть даже человека, дело нелегкое, ни для ума, ни для сердца. Несмотря на нынешнюю беспечность, Гленде нелегко будет заснуть в ближайшее время. — Пойдем, — похлопываю я ее по спине. — Поможешь мне искать остальных.

До поздней ночи мы обшариваем здание, не оставляя без внимания ни одной комнаты, заглядывая под каждый стол, в каждую мензурку. Клиника невероятно велика, гигантский

муравейник проходов и сводчатых комнат, вода разнесла повсюду мертвых уродцев — даже те, которых Гленда оставила в живых, погибли в потоке.

В час ночи мы обнаруживаем Валлардо; его шкура побагровела, тело под тяжестью вод раздулось и опухло. Он как-то попал в кладовку и не смог выбраться оттуда. Возможно, виной тому его тучность или бесполезный слабенький хвост. Как бы то ни было, он мертв, и обсуждать тут больше нечего.

Рот у него забит мусором — яичным желтком, скорлупой, последом, — и мы извлекаем все это, дабы упростить ситуацию для посторонних. Зачем смущать их, заставляя разбираться во всем, здесь произошедшем? На первое время и так хватит, а потом неизбежное расследование Совета отыщет здесь столько грязи, что ее хватит на десять тех резервуаров. Мы оттаскиваем тело Валлардо в комнату, где осталась Джудит Макбрайд, и кладем их бок о бок. Из чистого альтруизма: команде чистильщиков будет куда проще, если все трупы окажутся в одном месте.

Два часа ночи, три, четыре. Мы с Глендой уже обыскали весь дом сверху донизу.

— Давай разойдемся и попробуем еще, — предлагаю я, и Гленда не настолько глупа, чтобы спорить.

Джейси и ее ребенка нигде нет. Я не отчаиваюсь. Я не переживаю. Я просто делаю свою работу. У меня першит в горле.

До рассвета мы успеваем трижды осмотреть здание, и я окончательно замыкаюсь в себе. Я так хочу. Это единственный способ заглушить боль.

После того как мы высыпаем на труп Валлардо содержимое дезинтеграционного мешочка, а затем точно так же поступаем с Джудит, хотя она на самом деле никогда не была дином, Гленда убеждает меня, что раз мы до сих пор не нашли Джейси, то не найдем ее здесь никогда. Уверен, она ждет, что я начну спорить, настаивать, заставлять ее продолжить поиски, но я ничего такого не делаю. Я соглашаюсь с ней хотя бы потому, что в глубине души давно признал ее правоту. Если Джейси здесь нет, значит, ее здесь нет. Сейчас я не в состоянии думать о том, что из этого следует; я не желаю об этом думать.

— Должно быть, ей удалось. — Слова Гленды звучат мягко, разумно, покровительственно. Чудеса, она не ругается — наверное, поток промыл ей глотку, — но я едва отмечаю эту победу хороших манер.

— Да, — киваю я. Надеюсь, она права.

— Возможно, она убежала и вернулась домой. Можешь попробовать отыскать ее там.

— Да, — киваю я. Я знаю, что это не так. Джейси скрылась из города, из страны, из этого мира, почему я знаю. Я никогда больше не увижу Джейси Холден.

— Пойдем-ка, — говорит Гленда, и я позволяю ей напялить на меня человечью оболочку, затем взять под руку и вывести из комнаты и клиники на светлые улицы Бронкса в хлопотливое осеннее утро. Солнце играет на брошенных машинах и разбитых светофорах, озаряя все своим великолепием.

— Смотри, Винсент, — Гленда ведет меня по дороге, стараясь бодро подпрыгивать на каждом шагу и даже шаркать, будто весело скользя по асфальту, — сегодня утром даже Бронкс полон надежды.

Эпилог

Прошел год, и частное детективное агентство Ватсона и Рубио стало частным детективным агентством Рубио и Ветцель. Мне потребовалось на это несколько месяцев, но в конце концов я позволил убрать имя Эрни с витрины оставив табличку на двери в бывший его кабинет. Каждый день я смотрю на нее. Мы с Глендой неуклонно карабкаемся к вершинам нашего ремесла, так что приходится работать сверхурочно, чтобы справиться со всеми возложенными на нас делами. На самом деле, мы теперь вынуждены отклонять иные предложения, но всякий раз, когда мы говорим «нет, спасибо», я будто ощущаю голодные спазмы, напоминающие о тех временах, когда в холодильнике у меня не было ничего, кроме

заваливающего помидора и запаса базилика.

Что касается базилика и его нечестивых собратьев, то я регулярно посещаю собрания Анонимных травоголиков, и мой тамошний наставник, Аллозавр, прежде торчавший от молотых семян сельдерея с солью, — бейсболист, играющий — подумать только — за «Доджерс», так что для меня всегда оставлены бесплатные места прямо за отбивающим. Прошло двести тринадцать дней с тех пор, как я последний раз пробовал травку, так что на этой неделе должен получить вторую золотую медаль. Невеликие цели, маленькие шажки, но это путь к нормальной жизни.

Так называемое расследование Советом дела Макбрайдов/Валлардо/Берка/Холден было прекращено по указанию незримых воротил, стремящихся избежать глобальной катастрофы, а я не собирался ради этого дерьма вторично рисковать своей потрепанной шкурой. Главное опасение состояло в том, что общество динов окажется неспособным правильно осознать происшедшее — и прежде всего тот факт, что некто чужой смог подняться на такую высокую ступень нашей иерархической лестницы, — а потому не исключены мятежи, самоубийства и даже обвал фондовой биржи. Как бы то ни было, мои отношения с Национальным Советом по поводу этого дела оказались весьма скоротечными; пришлось только дважды сгонять в Кливленд, чтобы запротokolировать мои показания.

Похороны Дана, состоявшиеся только через несколько дней после того, как я вернулся из Нью-Йорка, были просто великолепны; попрощаться с ним пришли все его дружки-полицейские. На поминках мы ели мороженое и чипсы «Читос». Я, по целому ряду вышеуказанных причин, в основном переживал собственные невзгоды, так что вряд ли мог сказать что-либо утешительное прочим гостям, зато они, сидя рядом, несомненно, оказали мне поддержку.

Тейтельбаум, узнав подробности о моем пребывании в Нью-Йорке, вычеркнул меня из черного списка и теперь с неохотой поручает нам часть своей работы. Он продолжает выкручивать мне яйца и, если на то пошло, только увеличил размер своей крутки. Наверное, секретарша Кэти привезла ему новую из Франкфурта. Его общественная реакция на мои осложнения в деле Макбрайда состояла в удержании двухнедельной оплаты в связи с выходом за рамки порученной работы, а затем выплаты этих денег в качестве премии за прославление «ТруТел». Давайте поаплодируем — он умеет воду в ступе толочь.

Я купил новую машину, арест на квартиру отозван, и денег на черный день в банке достаточно, но все же я каждый вечер возвращаюсь домой, сажусь перед телевизором, ем разогретые остатки вчерашних остатков и читаю почту.

Счет за воду и электричество. Счет за кабель. Письмо от приятеля из Орегона: спрашивает, получил ли я его последнее письмо. Предложение от «МастерКарт», огромный кредит: все, что от меня требуется, это подписаться на указанном месте. Еще одно письмо, на этот раз от старой клиентки: жалуется, что не может до меня дозвониться, так как я чертовски занят, а потому просит, чтобы я позвонил ей сам, у нее есть для меня дело — что-то насчет прав на воду и водоемы Лос-Анджелеса и окрестностей. И яркая открытка, насыщенные цвета которой выделяют ее из груды корреспонденции, захватывая мое внимание. На фотографии общий план безмятежного пляжа с мягким, шелковистым песком, чистой голубизны океан и под стать ему небо. Затейливые желтые буквы, рельефно вытесненные наверху, гласят: «Привет из Коста-Рики». Я переворачиваю открытку.

На обороте не написано ничего, если не считать моего имени и адреса, сердечко вместо точки над «i». Там, где должно быть сообщение, какие-то странные чернильные значки — три вертикальные полосы, аккуратно огибающие пять маленьких полосок, заканчивающихся чем-то вроде смазанных отпечатков пальцев. Я нюхаю открытку, плотно прижав ее к носу, и мне кажется, будто я улавливаю запах песка, прибоя, крепкий аромат сосны в свежести осеннего утра.

Взгляд мой падает на высокое зеркало в прихожей. Я без облачения и долго разглядываю свои зубы, шкуру, уши, нос, хвост, ноги. Все, что отличает меня почти от всех существ, населяющих эту планету.

Я выпускаю когти. Длинные, изогнутые, вытягивающиеся.

Это отпечатки когтей на открытке, когтей вместе с недоразвитыми человеческими пальцами. Теперь это совершенно для меня очевидно: когти окунули в чернила и прижали их к плотной бумаге. Один отпечаток взрослого, другой младенца. Больше ничего, ни единого слова, но больше мне ничего и не нужно.

Я швыряю объедки в мусорное ведро, выключаю телевизор и направляюсь в спальню, не в состоянии удержаться от улыбки.